

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1 9 7 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1972

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-летию образования Союза ССР	3
<i>В. Марфина.</i> К вопросу о политике пролетарских партий по отношению к среднему крестьянству в Октябрьской революции и народно-демократических революциях 40-х годов	15
<i>Л. Я. Гибанский.</i> Проблемы исследования революции и становления народной власти в Югославии	28
<i>В. А. Дьяков.</i> Эдвард Дембовский: Новые материалы о революционной деятельности	48
<i>А. Липатов.</i> Периодизация литературы польского Просвещения	58
<i>Петр Атанасов (НРБ).</i> Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии (К вопросу о болгарско-украинских культурных связях)	72
<i>В. В. Колесов.</i> Рефлексы третьего носового гласного в средневековой славянской письменности	84

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>И. Костюшко.</i> Исследование большого научного значения	93
<i>С. М. Стецкевич.</i> Polska klasa robotnicza. Studia historyczne	95
<i>Г. Л. Ари.</i> И. С. Достян. Россия и балканский вопрос. Из истории политических связей в первой трети XIX в.	96
<i>Б. С. Попков.</i> М. Н. Serejski. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne	98
<i>О. С. Смирнова.</i> «История польской литературы»	99
<i>Л. К.</i> Изучение международных связей словацкой литературы	103
<i>А. С. Мыльников.</i> Новая книга о Шафарике	105
<i>Е. Л. Немировский.</i> Новые каталоги старославянских книг кирилловской печати	106
<i>Р. В. Булатова.</i> J. Matešić. Der Wortakzent in der serbokroatischen Schriftsprache.	108

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972 г. (продолжение)	112
Содержание иностранных журналов	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

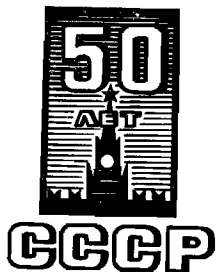
<i>Т. Маковецкая.</i> Научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения Г. Димитрова.	119
<i>Н. Прокофьева.</i> Научная сессия Международной комиссии по истории славяноведения.	120
<i>О. М. Белоцерова.</i> Юбилей выдающегося чехословацкого ученого	121
<i>Т. Ф. Аристова.</i> В. К. Арсеньев о значении современных ему исследований по славяноведению	122
<i>И. В. Чуркина.</i> <u>Милко Кос</u>	123
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1972 г.	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Г. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА ССР

«...Я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 288

Пятьдесят лет назад, 30 декабря 1922 г., I Всесоюзный съезд Советов по предложению В. И. Ленина принял решение о создании Союза Советских Социалистических Республик. Это был акт, ставший важнейшим историческим рубежом в развитии народов нашей страны и общественном прогрессе человечества.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России положила начало осуществлению ленинской программы разрешения одной из самых сложных проблем в истории общественного развития человечества — национальной; проблемы, с которой не мог справиться никакой другой строй, кроме социалистического; проблемы, решение которой оказалось не по плечу ни одной политической партии, кроме коммунистической.

Еще основоположники научного коммунизма пришли к выводу, что лишь пролетариат способен уничтожить национальную обособленность и установить братство между различными нациями¹.

XX век подтвердил, что рабочий класс является единственной силой, способной дать отпор всем противникам освободительных устремлений угнетенных. В. И. Ленин в соответствии с новыми историческими условиями разработал стройную научную теорию, легшую в основу национальной политики коммунистических партий. Раскрыв место и роль национального вопроса в революционном преобразовании мира, его подчиненность интересам борьбы за социализм, В. И. Ленин выдвинул и обосновал идею соединения пролетарской борьбы за социальное освобождение с борьбой за уничтожение национального гнета. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грезни и национального обособления, рабочий класс и его партия противопоставили идеал нового мира, мира единства трудящихся всех наций, мира, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 590.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 150.

Отметая любые формы буржуазно-националистической идеологии, большевистская партия последовательно отстаивала идею единства трудящихся, положив в основу своей программы по национальному вопросу принцип пролетарского интернационализма. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм, — отмечал В. И. Ленин, — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мировоззрения) в национальном вопросе»³.

Революционная партия рабочего класса провозгласила и последовательно отстаивала равноправие всех народов, больших и малых, право наций на самоопределение вплоть до образования национальных государств. Она воспитывала пролетариат и всех трудящихся в действительно социалистическом духе, духе интернационализма, взаимного доверия, во имя создания добровольного и прочного союза равноправных народов.

«Мы хотим, — писал В. И. Ленин, — добровольного союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии»⁴.

Сближение, союз, а в дальнейшем и слияние наций на истинно демократической, истинно интернациональной базе, подчеркивал В. И. Ленин, немыслимо без свободы отделения⁵. Лишь пролетариат, начертав на своем знамени лозунг о праве наций на самоопределение, когда-то выдвинутый буржуазией и ставший в ее устах сплошной ложью, мог, утверждал Ленин, из обмана сделать его правдой⁶.

Первая мировая империалистическая война стала для международного рабочего движения испытанием верности принципам пролетарского интернационализма. Ленинские идеи и практика созданной им партии оказывали все большее воздействие на мировой революционный процесс. Обоснование Лениным сущности пролетарского интернационализма в связи с провозглашением лозунга о праве наций на самоопределение оказало огромное влияние на теоретические взгляды и политическую деятельность передовых представителей международного рабочего движения. Немецкие спартаковцы, болгарские тесняки, польская социал-демократия и ППС-левица, сербские социал-демократы и интернационалисты других стран стали сплачивать боевое ядро будущего коммунистического Интернационала.

Великая Октябрьская социалистическая революция, явившаяся триумфом идей ленинизма, впервые в истории подняла пролетариат до положения правящего класса, который выступил с конкретной программой установления мира между народами, полного равноправия и независимости наций, освобождения трудящихся от всякого угнетения. Октябрьская революция дала мощный стимул освободительной борьбе народов мира, вооружила их огромным практическим опытом, создала благоприятные международно-политические условия для успеха этой борьбы.

То обстоятельство, что пролетарская революция произошла в огромной многонациональной стране, народы которой находились на самых различных уровнях экономического, политического и культурного развития, предопределило значение разрешения национального вопроса в нашей стране, как одного из коренных вопросов строительства социалистиче-

³ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 24, стр. 123.

⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 40, стр. 43.

⁵ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 68.

⁶ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 436.

ского общества. Именно поэтому исторические достижения нашей партии в разрешении национального вопроса стали неисчерпаемой сокровищницей опыта для всех прогрессивных сил. Многогранность и богатство опыта нашей революции в решении задач, которые раньше ставились абстрактно, теоретически, явились источником ее широкого и всестороннего международного воздействия. В. И. Ленин не сомневался, что на этом, вошедшем в историю социализма опыте мировая революция будет строить свое социалистическое здание ⁷.

В «Декларации прав народов России», «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», конституциях первых советских республик были сформулированы основные принципы национальной политики пролетарской диктатуры, провозглашены равенство и суверенность всех народов России, их право на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

Об огромном воздействии Октября на мировой исторический процесс свидетельствовали и буржуазно-демократические революции в Австро-Венгрии и Германии, и образование новых независимых государств на карте Европы — польского, финского, чехословацкого, югославского и других, и мощное движение за создание Советов, этой новой конкретной формы народовластия, рожденной творчеством трудящихся революционной России, почти во всех государствах Центральной и Восточной Европы. Уже на заре своего существования Советское государство стало образцом, а национальная политика его партии — примером для возникших за его рубежами первых пролетарских республик — Венгерской, Словацкой, Баварской. «Наша национальная политика — ленинская», — телеграфировал Б. Кун Г. В. Чичерину, сообщая о подготовке к провозглашению Словацкой Советской Республики ⁸. Словацкие рабочие, солдаты и крестьянская беднота, говорилось в декларации, принятой в день провозглашения новой республики 16 июля 1919 г., «продолжают дело того революционного фронта, дорогу которому открыли русская и венгерская советские республики, завоевав новую территорию для великой идеи Советов во всем мире» ⁹.

Интернационалистская политика большевиков, делавших «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»¹⁰, явилась важным фактором международного развития. Советская Россия выполнила свой интернациональный долг по отношению к международному освободительному движению, а выступления солидарности с Советской Россией трудящихся капиталистических стран, их поддержка и сочувствие были важной причиной того, что все направленные против нее нашествия кончались крахом.

Утвердив свою власть, пролетариат России создал политические предпосылки для осуществления ленинской программы по национальному вопросу, обеспечил возможность полной ликвидации национального гнета, торжества межнациональных и межгосударственных отношений нового типа. В результате утверждения социалистических производственных отношений эта возможность была превращена в действительность. Именно в решении национального вопроса социалистический строй сразу же показал свое преимущество над капиталистическим. Установление политического равноправия всех наций и народностей, создание национальной государственности, развитие взаимоотношений межнационального

⁷ В. И. Ленин. Указ соч., т. 36, стр. 383.

⁸ «Slovenská Republika Rád. Dokumenty». Bratislava, 1970, s. 118.

⁹ Ibid., s. 145.

¹⁰ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 37, стр. 304.

сотрудничества на протяжении первого пятилетия существования Советской власти создали условия для возникновения единого многонационального государства рабочих и крестьян. Прообразом такого государства стала Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, «учрежденная, — как говорилось в „Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа“, — на основе свободного союза наций, как федерация Советских национальных республик»¹¹.

Объективный ход исторического развития требовал объединения всех советских республик, возникших на территории бывшей Российской империи, в союзное федеративное государство, способное обеспечить внутренние и внешние условия строительства нового общества. «Признавая федерацию переходной формой к полному единству, — указывал В. И. Ленин в „Тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала“, — необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденция к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»¹². Единство классовой природы советских республик, общность целей, интернациональный характер новых органов власти — Советов, в свою очередь, явились важными факторами сплочения народов России в единую социалистическую семью. Так в декабре 1922 г. возник новый тип федеративного государства — советская федерация равноправных республик. Воля народов всех советских республик, единодушно принявших решение объединиться, говорилось в «Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик», принятой I Всесоюзным съездом Советов, «служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожителства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»¹³.

Жизнь подтвердила, что в советской федерации гармонически сочетались требования интернационального единства и национального суверенитета. Утвердив политическое равноправие, партия приложила все усилия для достижения фактического равенства в экономическом, политическом и культурном развитии всех народов, объединившихся в союзное государство. Ликвидация фактического неравенства, касавшаяся прежде всего многочисленных отсталых народностей, племен и этнических групп, была успешно осуществлена в период строительства социализма. Усилиями коммунистической партии была расчищена дорога для действия двух ос-

¹¹ «Съезды Советов в документах. 1917—1936 гг.», т. 2. М., 1959, стр. 27.

¹² В. И. Ленин. Указ. соч., т. 41, стр. 164.

¹³ «Съезды Советов в документах. 1917—1936 гг.», т. 3. М., 1960, стр. 16—17.

новых объективно закономерных тенденций социализма в национальном вопросе: расцвета наций и их сближения.

Советский государственный строй стал политической основой, общественная собственность на средства производства — экономической, а марксизм-ленинизм — идеологической основой новых отношений наций и народностей СССР.

Советский опыт ликвидации национального гнета, опыт развития и консолидации наций, опыт национально-государственного строительства сразу же стал объектом внимательного изучения со стороны международного рабочего движения, облегчил теоретическую и практическую деятельность молодых коммунистических партий, прежде всего партий, действовавших в многонациональных государствах, в частности, европейских, таких, например, как Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия и других. В. И. Ленин и созданный им Коммунистический Интернационал неизменно руководствовались принципом всестороннего учета национальных интересов и исторической необходимости интернационального сплочения пролетариев и трудящихся всех стран в борьбе против гнета монополистического капитала. Испытанный временем боевой лозунг коммунистов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», — был расширен включением обращения ко всем неполноправным и угнетенным народам. «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, — начертал на своем знамени Коммунистический Интернационал, — соединяйтесь!».

Наряду с позитивным примером последовательного разрешения национального вопроса, огромное, поистине историческое значение для всего международного революционного движения имела последовательная борьба ленинской партии против идеологии буржуазного национализма, мелкобуржуазных извращений принципов пролетарского интернационализма. В начале двадцатых годов национализм и шовинизм стали главным оружием международной буржуазии в борьбе с Республикой Советов и вздымавшейся волной революционного движения в мире. В этих условиях В. И. Ленин развернул титаническую теоретическую и практическую работу по разработке, обоснованию и воплощению в жизнь единства тактики международного коммунистического движения. Ленин подчеркивал при этом, что такая тактика требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий, а такого применения основных принципов коммунизма, «... которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частности*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»¹⁴.

Речь шла, таким образом, о диалектике правильного сочетания общего и особенного, интернационального и национального в политике коммунистов, с тем чтобы, в частности, выбить отравленное ядом национализма оружие из рук буржуазии. В этой связи уместно вспомнить, с каким вниманием Ленин изучал сущность процессов развития наций и национальных отношений в разных странах, как он помогал коммунистам Польши исправлять допущенные ими ошибки в национальном вопросе, как он поддерживал программное положение чехословацких революционеров о необходимости бережного отношения к национальным чувствам рабочих, одновременно решительно выступая против всего того, что тормозило их интернациональное сплочение. Ленин бескомпромиссно боролся против социал-реформистского игнорирования национально-колониального вопроса и мелкобуржуазного отступления от принципов пролетарского интернационализма, нашедшего свое выражение уже в те годы в так называемом национал-коммунизме.

¹⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 41, стр. 77.

Все это помогало коммунистическим партиям выработать правильную тактику в национальном вопросе, содействовало сближению трудящихся разных стран и наций на интернациональной основе.

Многонациональный советский народ, строя социализм в своей стране, продолжал выполнять свой основной интернациональный долг. И выполнение им этого долга, построение социализма, нашло высокую оценку в рядах международного революционного движения. «С победой социализма, — говорилось в резолюции VII конгресса Коминтерна, — СССР стал великой государственно-политической, экономической и культурной силой, воздействующей на мировую политику, стал центром притяжения и сплочения всех народов, стран и даже государств, заинтересованных в сохранении международного мира, стал оплотом трудящихся всех стран против угрозы войны, могучим орудием сплочения трудящихся всего мира против мировой реакции»¹⁵.

Неуклонное укрепление Советского Союза вызывало ненависть и растущую тревогу в стане империалистов. Международная реакция стремилась во что бы то ни стало погасить маяк социализма.

В июне 1941 г. вооруженные до зубов фашистские полчища вторглись в пределы нашей Родины. Великая Отечественная война явилась самым суровым испытанием в истории Советского Союза. И народы СССР с честью выдержали это испытание. Напрасно агрессоры рассчитывали разъединить советские народы, оторвать их один от другого и поработить. За годы строительства советского государства было выковано идейно-политическое единство народов СССР. Если на Западе фашистский бронированный кулак легко опрокинул ряд капиталистических государств, то на Востоке он оказался перед несокрушимой стеной.

В огне войны закалилась и стала еще более прочной дружба трудящихся многонационального социалистического государства.

Свой вклад в дело разгрома фашизма внесли все народы Советского Союза, ставшего единым боевым лагерем. История Великой Отечественной войны запечатлела бесчисленные подвиги советских людей на фронте и в тылу во имя социалистической Родины, во имя победы над врагом. Под руководством Коммунистической партии — великого организатора и вождя советского народа — была одержана всемирно-историческая победа.

Победоносный исход Отечественной войны показал всему миру преимущества социалистического общества, огромную силу патриотизма народов, живущих по законам социализма.

Любовь и преданность социалистической Родине у советских людей неразрывно связаны с чувством пролетарского интернационализма. Уже в самом начале Великой Отечественной войны советский народ заявил о своей решимости не только ликвидировать опасность, нависшую над Отечеством, но и помочь другим народам и странам, подпавшим под фашистское иго, завоевать свободу и независимость.

Разгром фашизма и вступление Советской Армии на землю ряда государств Европы и Азии создали благоприятные условия для свержения реакционных режимов и перехода власти в руки народа.

Важную роль в годы Великой Отечественной войны сыграла идея объединения славянских народов для отпора общему врагу — фашизму. В едином боевом строю с русским, украинским, белорусским народами, со всеми народами СССР сражались народы Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии. Опираясь на всестороннюю помощь Советского

¹⁵ «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 48.

Союза, они добились не только национального, но и социального освобождения, вступили на путь строительства социализма. Вместе с трудящимися Венгрии, Германской Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам, Румынии и ряда других социалистических стран они образовали мировую систему социализма — социальное, экономическое и политическое содружество свободных, суверенных народов, идущих по пути социализма и коммунизма.

Советские люди с гордостью могут отметить, что Союз Советских Социалистических Республик положил начало созданию мировой системы социализма, историческому процессу сближения народов. По мере ликвидации классовых противоречий в государствах социалистического содружества стираются и противоречия между нациями. И снова примером служит ленинская дружба народов Советского Союза.

Замечательные качества, воспитанные Коммунистической партией, — преданность социалистической Родине, стойкость, самоотверженность, трудолюбие, взаимопомощь — помогли советскому народу успешно преодолеть многочисленные трудности. 50-летие образования СССР позволяет обозреть величественный путь, пройденный народами Советского Союза, и подвести итоги достигнутому на этом пути. Подлинное единство, использование всех сил и возможностей страны помогли в дотоле неслыханные короткие сроки покончить с тяжким наследием прошлого — экономической и культурной отсталостью — и начать строить могучую советскую державу. При активном участии всех народов СССР была проведена социалистическая индустриализация, осуществлено переустройство сельского хозяйства, совместными усилиями трудового крестьянства и рабочего класса проведена коллективизация. Создание экономического фундамента социализма сочеталось с подлинной культурной революцией.

Огромный, самоотверженный, напряженный многолетний труд всех народов СССР, вдохновленных великой целью, был увенчан созданием нового общественного строя, построением социализма.

Минувшие пять десятилетий показали всему миру, что образование и успешное развитие Союза ССР — выдающийся результат революционного творчества советских народов во главе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии. Достойный вклад в это историческое дело внесли все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ, который заслужил искреннее и глубокое уважение всех братских народов¹⁶.

Отстояв завоевания социализма в трудные годы войны, восстановив народное хозяйство и значительно превысив довоенный уровень развития экономики, трудящиеся СССР развернули строительство коммунистического общества. Преобразилась вся наша Родина, каждая советская социалистическая республика. В сравнении с 1922 г., когда советские народы добровольно объединились в единый Союз, национальный доход страны увеличился более чем в 100 раз. Это великое достижение обеспечено объединенными усилиями — развитые республики помогали в прошлом отсталым и все вместе добивались общего подъема.

Братская взаимопомощь народов СССР позволила создать на востоке и западе, юге и севере страны новые индустриальные центры, распахать целину, обводнить некогда бесплодные степи, постепенно выровнять уровень экономического, социально-политического и культурного развития всех пятнадцати советских республик.

Благодаря проведению ленинской национальной политики сложились социалистические нации, еще более укрепилось идейно-политическое един-

¹⁶ «Правда», 1972, 29 июля.

ство советского народа, повысилось благосостояние трудящихся, выросли национальные кадры, расцвели национальные литература и искусство.

Особенно впечатляет развитие языков и культуры всех социалистических наций и народностей СССР: более 40 народов, не имевших ранее своей письменности, обладают теперь развитыми литературными языками. В то же время русский язык служит языком межнационального общения и сотрудничества. Добровольно избранный в этом качестве всеми нациями и народностями, он еще больше роднит советских людей между собой, помогает им овладеть высотами отечественной и мировой культуры.

Пятьдесят лет — не столь уж значительный срок для истории. Тем величайшей результат революционного творчества советского народа — созданное им за это время развитое социалистическое общество. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» дана научная характеристика этого общества. Оно отличается высоким уровнем развития экономики — взаимосвязанным народнохозяйственным комплексом, включающим в себя народное хозяйство республик и развивающимся по единому государственному плану в интересах всего Советского Союза и каждой республики в отдельности. В развитом социалистическом обществе уничтожен классовый и национальный антагонизм, и само общество в целом и каждая нация и народность в отдельности имеют однотипную социальную структуру, которую составляют рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция. Союзная государственность и национальная государственность республик развиваются в неразрывном единстве на основе принципов демократического централизма и социалистического федерализма, советской социалистической демократии.

Развитое социалистическое общество обеспечивает необходимые условия для активного участия трудящихся всех национальностей в прогрессе науки, техники, культуры. Для его духовной жизни закономерны расцвет, сближение и взаимообогащение культур социалистических наций и народностей.

В построенном в СССР обществе утвердилась идеология марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма и дружбы народов. В нем интенсивно протекают процессы обмена материальными и духовными ценностями, кадрами, в различных формах усиливается взаимовлияние, интернационализация всего уклада жизни народов.

Ныне трудящиеся каждой республики составляют многонациональный коллектив, в котором национальные особенности органически сочетаются с интернациональными социалистическими, общесоветскими чертами и традициями.

Экономическое, политическое и идеологическое единство трудящихся многонационального Советского Союза, созданное в течение полувека, привело к возникновению новой исторической общности людей — советского народа. Самоотверженный труд на благо Родины, совместное строительство социализма, беззаветная защита его завоеваний — все это предопределило появление новых, гармоничных отношений между классами и социальными группами, нациями и национальностями. Общность идеологии, стремление к единой цели — построению коммунизма — сплотили и объединили советских людей, создали прочную основу для дальнейшего укрепления между ними отношений дружбы и сотрудничества. Для советского человека характерны преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм и интернационализм, желание и умение работать для общей пользы, непримиримость к социальному и нацио-

нальному гнету, к расовым предрассудкам, солидарность с братьями по классу — трудящимися всех стран.

Большое видится на расстоянии. О том, какое огромное значение для мирового революционного движения, для народов, борющихся против империализма, имело формирование нового советского человека, с восхищением говорят друзья СССР. Во время недавнего визита в Советский Союз Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-министр Революционного правительства Республики Куба Фидель Кастро Рус заявил, что самое яркое впечатление у кубинской делегации — это впечатление от советского народа.

«Мы в курсе того, что происходит в мире в целом, мы знаем, как обстоят дела в Западном мире, и я говорю вам, что никакому сравнению не поддается то, что достигнуто в вашей стране благодаря Великой Октябрьской революции, власти рабочих и крестьян и благодаря воспитательной деятельности Коммунистической партии. Возможно, что даже сами советские люди не могут в полной мере представить себе это»¹⁷.

За годы Советской власти в нашей стране были воспитаны поколения убежденных интернационалистов, начиная с тех, кто готов был пожертвовать жизнью, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», вплоть до сегодняшних стойких борцов за коммунизм, за дело освобождения человечества.

Такова природа союза социалистических республик — он сближает все нации и народности внутри нашей страны, а за ее пределами служит образцом наиболее жизнеспособной и совершенной формы устройства многонационального государства.

Трудно переоценить международное значение советского опыта строительства социалистического государства, решения национального вопроса.

«После победы социалистической революции в Болгарии.— говорил Первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков,— мы без колебаний и с полным доверием восприняли советский опыт, советский пример. Жизнь в полной мере оправдала наше доверие, подтвердила всемирно-историческое значение и всеобщую значимость основных принципов строительства социалистического общества, разработанных величайшим гением нашего века Владимиром Ильичем Лениным и блестяще осуществленных КПСС и советским народом в ходе строительства социализма в СССР»¹⁸. Первый секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак отмечал, что ленинское решение национального вопроса, осуществление великой ленинской идеи является примером и образцом того, чему мы можем постоянно учиться у Советского Союза¹⁹.

Ныне советский опыт созидания новой жизни стал еще более ценным. Он обогащается в ходе осуществления начертанной КПСС программы строительства коммунизма. Советская федерация, как форма государственного устройства, полностью обеспечивает необходимые условия для успешного коммунистического строительства. Об этом свидетельствуют достижения всех советских республик в развитии экономики и культуры, в повышении жизненного уровня трудящихся.

Советское государство целеустремленно координирует усилия всего советского народа, сосредоточивает все необходимое для решения огромных проблем, стоящих перед нашим обществом. Среди них — создание материально-технической базы коммунизма, интенсификация общественного производства, соединение достижений современной научно-техни-

¹⁷ «Литературная газета», 1972, 12 июля.

¹⁸ Тодор Живков в 40 в. Четверть века по пути социализма. София, 1969, стр. 36.

¹⁹ «Rudé právo», 17 VI 1972.

ческой революции с преимуществами социалистической плановой системы хозяйства, обеспечение дальнейшего подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся, формирование нового человека.

Успешно решая свои собственные проблемы, Советское государство в то же время тесно сотрудничает с братскими социалистическими странами, всемерно способствует укреплению мировой социалистической системы. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, Центральный Комитет КПСС и Советское правительство развивают все формы сотрудничества — политическое, экономическое, дипломатическое, культурное, оборонное — со странами социализма.

Всесторонние связи между социалистическими странами растут и укрепляются к их общему благу. Успешно реализуется Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции. В результате экономика стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи развивается значительно более высокими темпами, чем экономика капиталистических государств.

Координация народнохозяйственных планов социалистических стран открывает замечательные перспективы воплощения в жизнь грандиозной программы развития этого содружества наций с населением в 382 миллиона человек. Осуществление принятых планов должно привести за 10 лет к увеличению экономического потенциала стран — членов СЭВ почти вдвое, к быстрому развитию науки и техники.

КПСС и Советское правительство держат курс на еще большее сплочение и укрепление дружбы и сотрудничества советского народа с народами других социалистических стран.

Общеизвестно, что Советское государство с первых дней своего существования выступает как последовательный поборник мира и дружбы между народами. Самый характер социалистического строя предопределяет миролюбивую политику СССР. Цели советской внешней политики были вновь четко определены XXIV съездом КПСС, разработавшим Программу мира: обеспечить вместе с другими социалистическими странами благоприятные международные условия для построения социализма и коммунизма; крепить единство и сплоченность социалистических стран, их дружбу и братство; поддерживать национально-освободительное движение и осуществлять всестороннее сотрудничество с молодыми развивающимися государствами; последовательно отстаивать принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, давать решительный отпор агрессивным силам империализма, избавить человечество от новой мировой войны.

Советское государство настойчиво добивается достижения этих целей. Уже один тот факт, что человечество более 27 лет живет в условиях мира, свидетельствует об успешном осуществлении советской внешней политики. Она противостоит агрессивной политике империализма, препятствует развязыванию захватнических войн, оказывает содействие борьбе народов за свободу и независимость.

За последние годы на политической карте мира появился ряд новых государств. Свою самостоятельность они обрели при поддержке социалистических стран во главе с Советским Союзом. Достаточно напомнить хотя бы историю образования Бангладеш.

Советский Союз углубляет и укрепляет равноправные отношения с молодыми национальными государствами. Ряд из них встал на путь некапиталистического развития, в перспективе у них — проведение социалистических преобразований. Молодые национальные государства рассчитывают на поддержку и помощь СССР и не ошибаются в своих расчетах.

Советский Союз помогал, помогает и будет помогать героическому народу Вьетнама в его самоотверженной борьбе против американского империализма, арабским народам, борющимся против израильской агрессии.

Давая решительный отпор проискам империализма, Советское государство вместе с тем всегда было верно ленинскому принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Советское правительство претворяет в жизнь разработанную XXIV съездом КПСС Программу мира. Нынешний юбилейный год принес убедительные доказательства успешной реализации этой Программы. Вступил в силу договор между СССР и ФРГ, подтверждающий нерушимость границ в Европе. Заключено четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, имеющее важное международное значение. Большим достижением советской политики мира явились итоги советско-американских переговоров в Москве на высшем уровне.

Ленинская внешняя политика Советского государства отражает интересы советского народа, который ее полностью одобряет и поддерживает. Эта политика близка и понятна всем сторонникам мира на земле и пользуется у них огромным авторитетом.

Достижения советской внешней политики неразрывно связаны с ростом мощи СССР, с развитием советского общества, которое обеспечивает и прогресс экономики страны, и неуклонное укрепление ее обороноспособности, и подъем благосостояния трудящихся.

«Наше сегодняшнее общество,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— это сплав ума и таланта всех поколений, всех наций и народностей, всех трудящихся страны. И нет таких задач и свершений, которые были бы не под силу такому обществу, такому народу»²⁰.

О грандиозности задач, успешно решаемых советским обществом, советским народом, свидетельствует девятый пятилетний план развития народного хозяйства, который поистине поражает воображение. Счет идет уже не только на миллионы, но и на миллиарды и на триллионы. Так, в 1975 г. стоимость всех основных фондов в народном хозяйстве составит более триллиона рублей. Годовой объем промышленной продукции в денежном выражении достигнет почти 500 миллиардов рублей. Выработка электроэнергии превысит один триллион киловатт-часов. Будет выплавлено около 150 миллионов тонн стали, добыто примерно 500 миллионов тонн нефти. Эти и многие другие экономические достижения обеспечат значительное повышение материального и культурного уровня жизни народа.

Девятый пятилетний план определил масштабы и темпы дальнейшего подъема экономики и культуры союзных республик. Производство промышленной и сельскохозяйственной продукции существенно увеличится во всех без исключения республиках. Это будет еще одним закономерным результатом проведения ленинской национальной политики, плодом дружбы и сотрудничества всех наций и народностей Советского Союза.

Выполнение девятого пятилетнего плана стало делом всей партии, всего советского народа. ЦК КПСС одобрил предложение передовых коллективов предприятий,строек, колхозов, совхозов широко развернуть социалистическое соревнование за достойную встречу юбилея Союза ССР и досрочное выполнение плана второго года девятой пятилетки.

Нынешний юбилейный год проходит под знаком этого всенародного соревнования. Многие трудовые коллективы уже рапортовали партии и правительству о выполнении и перевыполнении социалистических обяза-

²⁰ Л. И. Б р е ж н е в. Пятьдесят лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 28.

тельств, взятых в честь 50-летия СССР. Юбилейный год ознаменовался дальнейшим развитием интернациональных связей трудящихся.

ЦК КПСС указывает, что интернационалистское воспитание является одной из центральных задач всех партийных, советских, хозяйственных, культурных и общественных организаций, всех наших кадров в центре и на местах, в каждой республике, крае, области, в каждом коллективе. Это воспитание имеет целью укреплять в массах сознание принадлежности к единой социалистической Родине, к великой интернациональной армии строителей нового общества.

Центральный Комитет КПСС подчеркивает необходимость и впредь настойчиво вести работу по воспитанию трудящихся в духе глубокого уважения ко всем нациям и народностям, непримиримости к пережиткам национализма и шовинизма. При этом ставится неперемнная задача — обеспечить классовый, строго научный подход к оценке истории народов.

Советские ученые вносят свой вклад в решение этой задачи. В частности, благодаря коллективным усилиям историков-славистов, советская общественность располагает рядом капитальных трудов по истории народов Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии. Однако многое предстоит еще сделать, особенно в области изучения национального вопроса.

Империализм всегда стремился использовать национальный вопрос в антинародных целях. Ныне империалисты пытаются нанести ущерб социалистическому строю, сея на национальной почве семена раздора между отдельными отрядами трудящихся. Идеологи империализма, а заодно с ними и проповедники правого и «левого» ревизионизма усиленно пропагандируют националистические взгляды.

Как отмечалось на XXIV съезде КПСС, «именно на националистические тенденции, и в особенности те из них, которые принимают форму антисоветизма, буржуазные идеологи, буржуазная пропаганда охотнее всего делают ныне ставку в борьбе против социализма и коммунистического движения»²¹.

Нет сомнения, что и эта ставка империализма будет бита. Активное участие в деле разоблачения буржуазной пропаганды и впредь будут принимать советские ученые. Выступая с позиций пролетарского интернационализма, дружбы и братства народов, они продолжают научную разработку национального вопроса, решительно препятствуя попыткам империалистических идеологов прикрыть плащом науки отравленное оружие национализма и шовинизма.

Вместе со всеми трудящимися СССР работники советской науки встречают славный юбилей Союза Советских Социалистических Республик в обстановке политического и трудового подъема, тесно сплотившись вокруг Коммунистической партии.

Ныне особенно ясно видно, что создание многонационального социалистического государства представляло собой выдающийся рубеж в истории не только советских народов, но и всего человечества.

Огромные достижения СССР в течение минувшего полувека — убедительное свидетельство правильности марксистско-ленинского учения. Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии народы СССР уверенно идут к новым победам в строительстве коммунизма.

²¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 21.

В. МАРЬИНА

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К СРЕДНЕМУ КРЕСТЬЯНСТВУ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 40-х ГОДОВ

Вопрос об отношении пролетариата к мелкобуржуазным слоям города и деревни всегда, и особенно в период назревания и свершения революции, представлял особую важность для коммунистических и рабочих партий. Ведь именно от позиции этих слоев, от того, на чью сторону встанут они в классовой битве между пролетариатом и буржуазией, подчас зависит течение и исход революции. Поэтому сравнительное изучение опыта пролетарских партий в решении этого вопроса представляется безусловно актуальным в научном и политическом смысле. Политика по отношению к среднему крестьянству составляет часть указанной проблемы.

Данная статья не ставит целью рассмотреть весь сложный комплекс проблем, связанных с политикой коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы по отношению к различным слоям крестьянства в период народно-демократических революций, развернувшихся в этих странах после освобождения от фашизма. Статья представляет собой попытку в самой общей форме дать ответ на вопрос, почему в России политика нейтрализации среднего крестьянства была необходима и почему ни в одной из указанных стран рабочие партии не выдвинули этого лозунга в период борьбы за установление и упрочение диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин не раз подчеркивал сложность задачи определения на практике отношения к среднему крестьянству. Эта сложность обусловливается положением данного слоя деревенского населения между пролетариатом и буржуазией, что наложило отпечаток на его поведение, для которого характерны постоянные колебания. «Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности»¹, — писал В. И. Ленин.

Теоретически вопрос об отношении пролетариата к среднему крестьянству в период подготовки и проведения социалистической революции был поставлен и разобран еще в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Поэтому В. И. Ленин указывает, что «... этот вопрос для марксистов не представляет трудности с точки зрения теоретической...»².

Известно, что в период между Февралем и Октябрем 1917 г., в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистиче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 196.

² Там же, стр. 193.

скую, и еще в течение года после Октябрьской революции, т. е. тогда, когда происходило развитие и углубление социалистической революции в деревне, партия большевиков проводила политику нейтрализации среднего крестьянства. Сущность ее состояла в том, «... чтобы сделать из среднего крестьянства, если не активно помогающий революции пролетариата, то, по крайней мере, не мешающий ей, нейтральный, не становящийся на сторону наших врагов,— как говорил В. И. Ленин,— общественный слой»³. Нейтрализация среднего крестьянства в период подготовки и проведения социалистической революции преследовала иные цели, чем нейтрализации буржуазии в период подготовки и осуществления буржуазно-демократической революции. Нейтрализовать или, как говорил В. И. Ленин, парализовать неустойчивость буржуазии, потенциального противника пролетариата в грядущей социалистической революции, значило разоблачить ее сговор с царизмом, изолировать от революции, не дать ей обмануть массы трудящихся; нейтрализовать среднее крестьянство, которое, по словам В. И. Ленина, «может, по своему классовому положению, быть союзником пролетарской власти при переходе к социализму или, по крайней мере, нейтральным элементом»⁴, значило отвоевать его у соглашателей, оторвать от кулаков, привлечь к революции, сделать союзником пролетариата⁵. Отсюда и разные методы проведения этой политики.

Накануне Октября политику нейтрализации среднего крестьянства можно рассматривать лишь в рамках политики нейтрализации всей мелкой буржуазии в борьбе между пролетариатом и буржуазией. Эта политика осуществлялась тогда партией большевиков в форме разоблачения соглашательства меньшевиков и эсеров, являвшихся главными политическими представителями мелкобуржуазной демократии, в том числе и среднего крестьянства, в России. Большевики стремились оторвать от них массы трудящихся.

Партия большевиков была в ту пору единственной партией, стремившейся развить революцию в деревне, активизировать борьбу крестьян за захват помещичьей земли и ликвидацию помещичьего землевладения. Открытый переход соглашательских партий на сторону контрреволюции, голод, разруха, продолжение империалистической войны, активная агитационная деятельность большевиков способствовали тому, что с июля 1917 г. «началась полоса разрыва народных масс с политикой соглашения»⁶. Крестьянство покончило с колебаниями и перешло к открытой революционной борьбе. По всей России ширилась и нарастала волна крестьянских восстаний против помещиков и буржуазии. В борьбе за установление власти Советов в ходе Октябрьской революции пролетариат, как это неоднократно подчеркивал В. И. Ленин⁷, получил поддержку всего крестьянства. «В октябре 1917 г.,— отмечал В. И. Ленин,— мы брали власть *вместе с крестьянством в целом*»⁸.

Разоблачая колебания и соглашательство партий мелкобуржуазной демократии, стремясь вырвать из-под их влияния массы, большевики в то же время не отказывались от политических блоков с левыми элементами этих партий в борьбе с контрреволюционной буржуазией. Однако в условиях 1917 г. в России блок с революционной мелкой буржуазией, прежде

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 128—129.

⁴ Там же, т. 38, стр. 101.

⁵ См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1971, стр. 194.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 94.

⁷ Там же, т. 37, стр. 311—316, 508, 509; т. 38, стр. 102; т. 39, стр. 298—299.

⁸ Там же, т. 38, стр. 192.

всего с крестьянством, был установлен через голову представляющих ее партий, путем борьбы с ними за влияние на широкие массы⁹.

С первых же дней своего существования Советская власть попыталась поставить свою политику по отношению к слоям, промежуточным между пролетариатом и буржуазией, «на те рельсы, которые, — по выражению В. И. Ленина, — нами предусмотрены теоретически»¹⁰, а именно — на рельсы соглашения. «Мы на этот путь вступили с самого начала, — писал В. И. Ленин, — например, тем, что голосовали закон о социализации земли...»¹¹. Декрет о земле, составленный на основании крестьянских наказов, принятый 26 октября, содержал требование уравнительного землепользования, которое не отвечало взглядам большевиков на решение аграрного вопроса и в котором было «много уступок интересам и воззрениям среднего крестьянина»¹². Пролетарская власть не на словах, а на деле стремилась к соглашению с середняком, содействуя проведению в жизнь закона о социализации земли. И этим она снискала поддержку всего крестьянства в целом. В. И. Ленин говорил, что закон о социализации земли «означает как раз наше соглашение с средними крестьянами, с крестьянской массой»¹³. Однако в условиях, когда главной задачей развертывающейся революции было укрепление, утверждение Советской власти, окончательная победа пролетариата над буржуазией, средние слои не могли не колебаться между этими двумя полярными силами. Беспощадная, по выражению В. И. Ленина, борьба за Советскую власть, борьба с демократическими иллюзиями части мелкобуржуазной демократии, разгон Учредительного собрания, необходимость заключения тяжелейшего Брестского мира привели к тому, что, как пишет В. И. Ленин, «от нас резко отшатнулась мелкобуржуазная демократия»¹⁴.

Эти обстоятельства, по словам В. И. Ленина, обострили «тогда нашу вражду с целым рядом мелкобуржуазных элементов, которые далеко не при всех условиях и далеко не во всех странах являются, могут являться и должны являться противниками социализма»¹⁵. И когда мелкобуржуазная демократия, как говорил В. И. Ленин, оказалась по ту сторону баррикады, когда она перешла на сторону контрреволюции, тогда, естественно, Советская власть вынуждена была объявить ей беспощадную войну. В связи с этим В. И. Ленин подчеркивал, что «к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех „демократов“ и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул»¹⁶. «По отношению к мелкобуржуазной демократии, — отмечал он, — наш лозунг был соглашение, но нас заставили применить террор»¹⁷.

Летом 1918 г. социалистическая революция, пролетарская и беспощадно твердая война с кулаками и спекулянтами¹⁸ развернулась и в деревне. В июле по России прокатилась волна контрреволюционных кулацких выступлений. Сельская буржуазия стремилась привлечь на свою сторону среднее крестьянство, прекрасно понимая, что «на чью сторону встанет эта большая часть русского крестьянства, тот победит»¹⁹. «Кулаки стараются перетянуть на свою сторону среднего крестьянина, и иногда им это

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 37, стр. 36.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 222.

¹¹ Там же, стр. 220.

¹² Там же, стр. 41.

¹³ Там же, стр. 36.

¹⁴ Там же, стр. 212.

¹⁵ Там же, т. 38, стр. 133.

¹⁶ Там же, т. 37, стр. 221.

¹⁷ Там же, стр. 222.

¹⁸ Там же т. 36, стр. 418.

¹⁹ Там же, стр. 532.

удается»²⁰, — писал В. И. Ленин в августе 1918 г. Но и в этот труднейший для Советской власти период, когда часть среднего крестьянства качнулась в сторону буржуазии и поддержала кулацкие восстания²¹ (следует отметить, что в своей массе середняки придерживались нейтралитета), В. И. Ленин неоднократно в своих выступлениях и статьях подчеркивал необходимость проведения линии на соглашение со средним крестьянством. Вот лишь некоторые из его высказываний этого времени, касающихся политики по отношению к среднему крестьянству. «Неправда, — писал он в июле 1918 г., — что это борьба с крестьянами! <...> Нет, не только с крестьянами беднейшими, но и с средними мы не боремся. Крестьяне средние имеют во всей России ничтожные излишки хлеба. <...> С этими средними крестьянами мы идем путем соглашения»²². «Наша социалистическая революция, — подчеркивал В. И. Ленин тогда же, — зовет на союз сознательных рабочих с большинством беднейших и средних крестьян для борьбы с кулаками»²³. «Мы... за союз, за соглашение с средним крестьянством, — писал он в августе 1918 г., в период резкого обострения классовой борьбы внутри страны, — ибо с ним нам, рабочим-коммунистам, расходиться не следует, и ему мы готовы делать ряд уступок. Мы доказали это и доказывали не словами, а делами... Мы вообще стоим и стоим за беспощадную борьбу с кулаками, но за соглашение с средним крестьянином и за слияние с деревенской беднотой»²⁴. В августе же 1918 г. В. И. Ленин писал: «Рабочий класс не может помириться с кулаком, а с средним крестьянином он может искать и ищет соглашения. Рабочее правительство, т. е. большевистское правительство, доказало это делом, а не словами... Рабочая власть никогда не обижала и не обидит среднего крестьянина... Теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой; уступки и соглашение с средним крестьянином; беспощадное подавление кулаков... — вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса»²⁵. И еще: «С средним крестьянством социалистическое правительство обязано проводить политику соглашения»²⁶.

Линия на соглашение со средним крестьянством ярко проявилась в привлечении в комитеты бедноты, создаваемые летом 1918 г. в деревне, наряду с бедняками и середняков, в «мягком» обложении средних хозяйств натуральным налогом²⁷, в поднятии закупочных цен на хлеб и т. д. Уже в первый год своего существования Советское государство стремилось проводить экономическую политику, направленную не только на укрепление бедняцкого, но и на поддержку середняцкого хозяйства.

Однако хозяйственная помощь Советской власти крестьянству тогда из-за войны и разрухи носила ограниченный характер.

Все это говорит о том, что и в период, когда пролетарская власть должна была проводить политику нейтрализации по отношению к среднему крестьянству, она продолжала по мере возможности придерживаться линии на соглашение с ним. «По отношению к среднему крестьянству наша политика была всегда союзом с ним»²⁸, — говорил В. И. Ленин в декабре

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 41.

²¹ Значительная часть среднего крестьянства Сибири и Поволжья летом 1918 г. не поддержала Советскую власть. См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2, стр. 83.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 508.

²³ Там же, стр. 528.

²⁴ Там же, т. 37, стр. 36.

²⁵ Там же, стр. 41—42.

²⁶ Там же, стр. 45.

²⁷ Там же, стр. 93.

²⁸ Там же, стр. 361.

1918 г. И когда пролетарская власть одержала окончательную победу не только в городе, но и в деревне, когда середняк, ставший основной фигурой в деревне, перешел от колебаний к нейтралитету, была поставлена задача «*стать на почву прочного союза*» с ним²⁹. Выступая на VIII съезде РКП (б), В. И. Ленин говорил: «Мы можем линию нашей партии, которая недостаточно шла на блок, на союз, на соглашение со средним крестьянством,— мы эту линию можем и должны выравнять и выправить»³⁰.

Из всего вышеизложенного ясно, что было бы неправильно резко противопоставлять политику нейтрализации среднего крестьянства политике соглашения, союза с ним. Вторая явилась продолжением первой и вытекала из нее. В работах В. И. Ленина, написанных в период с марта 1917 г. по март 1919 г., мы нигде не найдем резкого противопоставления этих двух линий партии в отношении к среднему крестьянству. Он говорил о более последовательном проведении всегда существовавшей, но не всегда осуществимой на практике линии партии на соглашение со средним крестьянством. Это подчеркивается и в резолюции об отношении к среднему крестьянству, написанной В. И. Лениным и принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г., в которой говорится о более правильном проведении партийной линии по отношению к этому слою деревенского населения. В 1-м пункте резолюции подчеркивалось, что «смешивать средних крестьян с кулачеством... значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством, в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплуатации». «Съезд напоминает,— говорилось в 10-м пункте резолюции,— что ни в постановлениях партии, ни в декретах Советской власти никогда не было отступлений от линии соглашения со средним крестьянством»³¹. Таким образом, изменение внешних и внутренних условий развития российской революции в конце 1918 г. (революция в Германии, ликвидация Брестского договора, победа над внешней и внутренней контрреволюцией, окончательное укрепление Советской власти не только в городе, но и в деревне) позволило во всей полноте поставить вопрос о проведении более последовательной, направленной на соглашение с мелкобуржуазной демократией, политики Период нейтрализации середняка можно назвать периодом подготовки к привлечению его на сторону Советской власти³².

Изучение ленинских работ позволяет сделать вывод, что на тех или иных этапах развития пролетарской революции вопрос об отношении к среднему крестьянству решался в зависимости от задач, которые выдвигались на первый план, в зависимости от расстановки классовых сил в стране, от поведения самой мелкобуржуазной демократии, частью которой являлось и среднее крестьянство. Поэтому, на первый взгляд, политика по отношению к среднему крестьянству выглядит противоречиво, что подчеркивал и сам В. И. Ленин³³. В действительности эта противоречивость была порождением сложной противоречивой обстановки того времени, отражением поведения самой мелкобуржуазной демократии, которая постоянно колебалась между пролетариатом и буржуазией. В Отчетном докладе Центрального комитета VIII съезду РКП(б) В. И. Ленин

²⁹ Там же, т. 38, стр. 129.

³⁰ Там же, стр. 146.

³¹ Там же, стр. 207—210.

³² «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1967 стр. 239.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 137.

говорил: «Теоретически мы сошлись на том, что средний крестьянин не враг наш, что он требует к себе особого отношения, что здесь дело будет меняться в зависимости от многочисленных приходящих моментов революции... Тут от нас требуется тактика, чрезвычайно гибкая, чрезвычайно осторожная, ибо приходится иногда давать одной рукой и брать другой... От нас требуется частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным... Да, противоречие, — продолжает В. И. Ленин. — Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево. Мы переменили по отношению к ней свою тактику, и всякий раз, когда она поворачивается к нам, мы говорим ей: „Милости просим“. Мы нисколько не хотим экспроприировать среднего крестьянства, мы вовсе не желаем употреблять насилие по отношению к мелкобуржуазной демократии. Мы ей говорим: „Вы — не серьезный враг. Наш враг — буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры“»³⁴.

Политика нейтрализации среднего крестьянства в том виде, как она проводилась в России, обуславливалась особенностями развития русской революции, протекавшей в обстановке самой острой классовой борьбы пролетариата и буржуазии, в обстановке гражданской войны. Опыт осуществления нейтрализации мелкобуржуазной демократии, в том числе и среднего крестьянства, в России показал, что это не однозначная, а внутренне чрезвычайно противоречивая политика, объяснение чему следует искать в двойственности положения слоев населения, в отношении которых она проводилась. Их поведение характеризовалось одновременно согласием с политикой рабочего класса и сопротивлением ей, революционностью и реакционностью, ненавистью к буржуазии и преклонением перед ней, страхом перед революционным движением и участием в нем и т. д. Поэтому при проведении политики нейтрализации Советская власть использовала методы как убеждения, так и принуждения, соглашения и насилия. Который из них выдвигался на первое место, зависело прежде всего от поведения самого среднего крестьянства. Пока оно не выступало против пролетарской власти и не поддерживало буржуазию, рабочий класс применял методы убеждения, шел на уступки и соглашение. Но, как только оно сознательно или несознательно брало сторону классового врага пролетариата, пролетарской власти приходилось прибегать к методам подавления, принуждения, насилия. Следует отметить, что и в сложнейших условиях развития революции в России партия большевиков стремилась реализовать свою политику в отношении середняка преимущественно методом соглашения. Поэтому переход к политике прочного союза со средним крестьянством, закрепленный VIII съездом партии в марте 1919 г., явился по существу закономерным и логическим развитием в новых условиях основной линии партии, которую она проводила в предшествующие два года, линии на соглашение со средним крестьянством.

Опыт народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы показал, что выдвижение задачи нейтрализации среднего крестьянства в период утверждения и окончательной победы диктатуры пролетариата не обязательно, что коммунистические и рабочие партии этих стран с самого начала углубления революционного процесса в социалистическом направлении проводили линию на соглашение со всем трудящимся, в том числе и средним крестьянством. Возможность такого решения задачи определялась внеш-

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 135—137.

ними и внутренними условиями развития этих революций, в значительной степени отличающимися от тех, в которых происходила Октябрьская революция.

Линия на союз, соглашение со всем трудящимся крестьянством была принята пролетарскими партиями еще в довоенные годы, когда VII конгресс Коминтерна выдвинул задачу борьбы за создание широкого народного антифашистского фронта. Основой этого фронта должен был стать союз рабочего класса и крестьянства. Выступая на конгрессе, Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров говорил: «... успех всей борьбы пролетариата тесно связан с установлением боевого союза пролетариата с трудящимся крестьянством»³⁵. При этом Г. Димитров подчеркивал, что крестьянские массы надо принимать такими, какие они есть, что «только в процессе борьбы они изживают свои сомнения и колебания, только при терпеливом отношении к их неизбежным колебаниям и при политической помощи пролетариата они поднимутся на более высокую ступень революционного сознания и объективности»³⁶.

VII конгресс рекомендовал компартиям в целях создания народного фронта добиваться соглашения о единстве действий с крестьянскими партиями и организациями. Он указал, что к этим партиям необходим дифференцированный подход, с учетом того, что большая часть членов их не знает действительного политического лица своего руководства, в капиталистических странах представленного, как правило, сельской буржуазией. «Мы должны направлять свои усилия к тому, — говорил Г. Димитров, — чтобы вопреки их буржуазному руководству, привлечь эти партии или отдельные их части на сторону антифашистского народного фронта»³⁷.

В период борьбы против фашизма и освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы от гитлеровского засилья пролетарские партии неуклонно проводили в жизнь эту линию. Постепенно возник блок рабочего класса по существу со всем крестьянством, включая и антифашистски настроенную часть аграрной буржуазии. Для коммунистов было ясно, что блок с сельской буржуазией может носить лишь временный характер и что распад его неминуем при переходе от решения национально-освободительных задач к революционным задачам общедемократического характера, и тем более к задачам социалистическим. В то же время блок со средним крестьянством, сложившийся в период национально-освободительного движения, пролетарские партии стремились сохранить и укрепить. Характерной чертой рабоче-крестьянского союза в период войны и в начальный после освобождения период была его антифашистская, антиимпериалистическая (а в ряде стран и антифеодальная) и демократическая направленность. Коммунистические партии, руководившие национально-освободительным движением, сумели привлечь на свою сторону среднее крестьянство, снискать его симпатии. Однако говорить о полном его завоевании было еще рано. Прошедшие школу войны трудящиеся крестьяне не могли уже полностью доверять буржуазии, но еще не могли решиться и на полный союз с пролетариатом. Предстояла упорная борьба за среднего крестьянина между пролетариатом и буржуазией в самом процессе развития революции. В условиях углубления революционного процесса в социалистическом направлении пролетарские партии всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы, не выдвигая лозунга нейтрализации среднего крестьянства, взяли курс на укрепление и расшире-

³⁵ Г. Димитров. Съч., т. 10. София, 1950, стр. 56.

³⁶ Там же, стр. 58.

³⁷ Там же, стр. 68.

ние соглашения с ним, которое было достигнуто в годы освободительной борьбы. Отказ от лозунга нейтрализации среднего крестьянства как генеральной линии в политике по отношению к этому слою деревенского населения в период борьбы за окончательное утверждение власти пролетариата был обусловлен рядом обстоятельств.

К моменту установления народно-демократической власти уже более двух десятков лет существовало первое в мире социалистическое государство, которое одержало величайшую победу в борьбе против фашистской Германии. Укрепление сил социализма и демократии в мире под влиянием и в результате этой победы было несомненным. Поддержка народно-демократических правительств Советским Союзом и мировыми прогрессивными силами воспрепятствовали контрреволюционной интервенции в целях свержения власти народа и возврата к капиталистическим порядкам.

Эти внешнеполитические условия не могли не сказаться на позиции средних слоев населения и в значительной степени определили их более лояльное отношение к вновь возникшему строю, чем это было в России.

Антифашистская национально-освободительная борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы вылилась в народно-демократические революции. В 1943—1945 гг. к власти здесь пришли антифашистские силы во главе с рабочим классом, ближайшими союзниками которого были трудящиеся слои города и деревни. Наиболее последовательным борцом против немецкого фашизма и коллаборационистской буржуазно-помещичьей верхушки выступали коммунистические и рабочие партии, что снискало им поддержку и симпатии со стороны всех трудящихся. В то же время крупная буржуазия и помещики, а также представляющие их политические партии были скомпрометированы сотрудничеством с фашизмом. Это, безусловно, сказалось на отношении к ним мелкобуржуазной демократии, подорвало связывающие их традиционные узы, пошатнуло часто стихийное стремление средних слоев следовать за буржуазией и поддерживать ее.

Благоприятная внешнеполитическая обстановка и расстановка классовых сил внутри стран создавали условия, при которых возможно было мирное развитие революции, не сопровождающееся вооруженной борьбой двух основных борющихся классов и гражданской войной между ними. В сложившейся обстановке буржуазия не могла оказать пролетариату и его партии того «дикого, бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления», о котором говорил В. И. Ленин и которое имело место в России. Путь постепенного решения главного общественного противоречия между пролетариатом и буржуазией был приемлем для непролетарских трудящихся масс, что облегчало привлечение их на сторону революционных властей. Политика народного фронта дала возможность включить в сознательную деятельность широкие слои населения. В состав правительств вошли партии, которые представляли интересы крестьянства или объявляли себя таковыми: Болгарский земледельческий народный союз (Болгария), Партия мелких крестьянских хозяев (Венгрия), Фронт земледельцев (Румыния), Стронництво людове и Польске строицтво людове (Польша), Демократическая партия и Народная партия (Чехословакия). Это также оказало влияние на позиции средних слоев крестьянства, которые отнеслись с доверием к новой власти.

Прочные позиции, занятые рабочим классом и его партиями во всех народно-демократических правительствах, расширение этих позиций по мере углубления революции, позволили пролетариату развернуть действенную борьбу за интересы трудящегося крестьянства. Уже на первом этапе развития революции народная власть смогла предоставить трудя-

щимся крестьянам такие экономические выгоды и так улучшить их положение, что искренность ее намерений, и прежде всего главной и руководящей силы этой власти — рабочего класса, не вызвала сомнений. В то же время буржуазные партии, претендовавшие на роль выразителей и защитников крестьянских интересов, по мере развития революции все более и более разоблачали себя как противники трудящихся слоев крестьянства и сторонники и выразители интересов кулацко-капиталистической верхушки деревни.

В бесперспективности надежд на буржуазию и помещиков в деле справедливого решения аграрного вопроса убеждал крестьян и опыт проведения земельных реформ правительствами этих стран в межвоенный период. Эти реформы были проведены по существу в интересах крупных земледельцев и крестьянской верхушки. Буржуазные аграрные реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы привели к ускорению классово дифференциации крестьянства, усилению его кулацко-капиталистической верхушки и увеличению числа мелких и мельчайших крестьянских хозяйств за счет вымывания и постепенного сокращения середняцких хозяйств. Результатом обострения аграрных противоречий было то, что в последние годы в этих странах были налицо признаки нарастания аграрной революции.

Таким образом, особенности внешнеполитического и внутреннего развития в рассматриваемой группе стран дали возможность пролетарским партиям, стремящимся укрепить рабоче-крестьянский союз, после установления народно-демократического строя ориентироваться, опираясь на бедноту, на соглашение со всем трудящимся крестьянством. От соглашения с середняком в борьбе за национальное освобождение рабочему классу надлежало перейти к соглашению с ним в борьбе против буржуазии. Наиболее действенным способом решения этой задачи было последовательное проведение в жизнь и развитие демократических требований самого крестьянства, тех требований, которые буржуазия уже не могла и не хотела осуществить. Главным среди них было справедливое решение аграрного вопроса в интересах трудящегося крестьянства. Это требование было выдвинуто крестьянством всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и пролетариат этих стран явился самым активным и последовательным борцом за его претворение в жизнь. Стремясь развить аграрную революцию, пролетарские партии начали борьбу за земельные реформы, основной целью которых было наделение землей трудящихся масс деревни. В большинстве стран эти реформы носили всеобщий характер и были в основном проведены или еще в период освобождения, или в первые месяцы после него (Венгрия, Румыния, Югославия, ГДР). Поэтапно в течение 1945—1949 гг. аграрная реформа проводилась в Чехословакии. В Польше на основных землях реформа была осуществлена в 1944—1945 гг., но освоение и заселение воссоединенных земель происходило в последующие годы. В Болгарии, где отсутствовало крупное землевладение и проведение земельной реформы не имело первостепенного значения в комплексе аграрных преобразований, реформа была проведена в 1946—1948 гг.

Учитывая необходимость привлечения середняка на сторону революции, развития и укрепления союза с ним, пролетарские партии в ряде стран, прежде всего там, где это позволяло наличие земли, подлежащей разделу, поддерживали требование о наделении ею середняка. Конечно, ввиду острого земельного голода и ограниченности земельных фондов землю получили в первую очередь безземельные и малоземельные крестьяне, а из середняков — лишь наиболее нуждающиеся и в первую очередь многосемейные. В результате проведения реформы часть средних крестьян Венгрии, Польши, Чехословакии, ГДР, Болгарии увеличили свои зе-

мельные наделы. Согласно данным польского исследователя Слабека, в Польше 35,2% середняцких хозяйств получили землю по аграрной реформе, в Чехословакии — 24,7%, в ГДР — 32%, в Румынии — 19,8%³⁸.

Социальным итогом аграрных реформ явилось осереднячивание крестьянства в таких странах, как Чехословакия, Польша, Венгрия, ГДР, где середняк стал центральной фигурой деревни. В Чехословакии хозяйствам середняков, составляющим 22% всех хозяйств, принадлежало в 1949 г. 37% обрабатываемой земли³⁹. В Венгрии количество середняцких хозяйств в 1947 г. возросло по сравнению с 1935 г. на 78,4%. Они составляли 33,1% всех хозяйств, им принадлежало 42,5% сельскохозяйственных угодий⁴⁰. В ГДР в 1949 г. 45,8% хозяйств с наделом 5—20 га владели 59,3% сельскохозяйственной площади⁴¹. Удельный вес середняцких хозяйств в Польше поднялся в 1950 г. по сравнению с 1931 с 23 до 34%⁴².

Румынская деревня осталась мелкокрестьянской: в 1948 г. 75,6% хозяйств с наделом до 5 га владели 57,7% всех сельскохозяйственных угодий⁴³. В Болгарии существенных изменений в социальной структуре деревни не произошло. Здесь в 1946 г. 70,3% бедняцких хозяйств распорядились 53% обрабатываемой земли⁴⁴. В Югославии произошел сдвиг в сторону некоторого увеличения числа малоземельных и низших середняцких хозяйств⁴⁵. Таким образом, в результате проведения аграрных реформ значительная часть мелкого и среднего крестьянства, так называемые «новые» крестьяне, оказалась связанной с новым строем и рабочим классом. Это облегчало завоевание среднего крестьянства на сторону революции, сделало его активным сторонником политики пролетариата. Реформы были выгодны не только для тех крестьян, которые увеличили свои земельные наделы, но и для всего крестьянства в целом. Оно, безусловно, выиграло, избавившись от конкуренции ликвидированного реформами крупного помещичье-капиталистического землевладения, освободившись от ипотечной задолженности, различных форм кабальной аренды, сбросив с себя путы феодальной и отчасти капиталистической эксплуатации. Таким образом, уже воплощение в жизнь основного крестьянского требования о справедливом, демократическом разделе земли создавало реальную основу укрепления союза рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Завоевание среднего крестьянства на сторону рабочего класса стало особенно актуальным в тех странах, где оно заняло решающие позиции в деревне. Исход революции в значительной мере зависел от того, чью сторону возьмет этот многочисленный крестьянский слой в борьбе между пролетариатом и буржуазией. Во всех странах после завершения аграрных реформ (или по мере их радикализации) и в ходе углубления революции усилилось стремление кулачества и городской буржуазии оторвать крестьянство от рабочего класса, склонить середняка к отходу от рабоче-

³⁸ H. S l a b e k. O politice komunistických stran v oblasti agrarních reform (1945—1948). «Příspěvky k dějinám KSČ», 1966, № 2, s. 245.

³⁹ Z. R i c h t o v á. O některých podmínkách přechodu k združtévňovaní československé vesnice «Příspěvky k dějinám KSČ» 1965, № 3, s. 386.

⁴⁰ А. И. П у ш к а ш. Борьба за аграрные преобразования в Венгрии. М., 1959, стр. 135.

⁴¹ «Statistisches Jahrbuch der DDR», 1959, S. 420.

⁴² «Очерки истории народной Польши». М., 1965, стр. 188.

⁴³ М. Ф. К о в а л е в а. К вопросу об аграрных реформах и земельной собственности в европейских странах народной демократии. Ученые записки АОН, вып. 26. М., 1957, стр. 218.

⁴⁴ М. И с у с о в. О социальной структуре болгарской деревни после второй мировой войны. «Academie Bulgare des sciences. Institut d'histoire. Etudes historiques», t. V, 1970, p. 595.

⁴⁵ «Аграрная реформа в Югославии». Белград, 1961, стр. 15.

крестьянского союза. В этом направлении активизировали свою деятельность буржуазные и псевдокрестьянские партии: миколайчиковское Польское стронництво людове (ПСЛ), образовавшееся в Польше летом 1945 г., Партия мелких сельских хозяев в Венгрии, Народная партия и Демократическая партия в Чехословакии, национал-царанистская и национал-либеральная партии в Румынии, руководитель Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) Гемето, а потом пиколо-петковская оппозиция в Болгарии и т. д.

Углубление демократической аграрной революции, все более четко вырисовывающаяся перспектива социалистических преобразований (а в некоторых странах, например, в Болгарии, эта перспектива стала уже реальностью) не могли не насторожить среднее крестьянство, опасавшееся за свою собственность. Некоторая его часть, прежде всего зажиточная, начала проявлять колебания, заняла выжидательную позицию, а в некоторых случаях выразила доверие буржуазии и ее партиям.

В Польше наибольшей остроты классовая борьба между пролетариатом и реакцией, стремящейся оторвать крестьянство от рабочего класса, достигла после образования Временного правительства национального единства (в июле 1945 г.).

Спекулируя на экономических и политических трудностях развития страны, используя мелкобуржуазную психологию крестьянства, объявив себя общепародной партией, ПСЛ осенью 1945 г. привлекла на свою сторону часть трудящегося крестьянства, особенно среднего.

В Чехословакии Демократическая партия и Народная партия, которым удалось дезориентировать некоторые слои крестьянства, получили их поддержку на парламентских выборах в марте 1946 г. В Венгрии реакция группировалась на правом крыле Партии мелких сельских хозяев, которая рекламировала себя как защитницу крестьянских интересов. На выборах в Национальное собрание в октябре 1945 г. она, опираясь на реакцию и часть крестьянства, получила более половины голосов. В Болгарии часть среднего крестьянства пошла за отколовшимся от БЗНС летом 1945 г. никола-петковским крылом. Петковцы, как и реакция в других странах, использовали для утверждения своего влияния в деревне серьезные экономические трудности, переживаемые Болгарией, и частно-собственнические тенденции крестьянства. Поддавшись влиянию оппозиционной демагогии, некоторая часть среднего крестьянства отдала петковцам свои голоса на выборах в Великое народное собрание в октябре 1946 г. Однако здесь кандидаты Отечественного фронта получили большинство (70%). За них проголосовала и основная масса трудящегося крестьянства. В сложившейся обстановке задачей пролетарских партий, особенно в тех странах, где середняк представлял собой значительную силу, стало не допустить его отхода от революции, укрепить соглашение с ним и добиться его поддержки в борьбе против буржуазии.

По мере завершения аграрных реформ или в ходе их углубления коммунистические и рабочие партии, используя прочные позиции в правительствах, направили свои усилия на укрепление экономического союза с крестьянством. Были разработаны программы, предусматривающие усиление помощи сельскому хозяйству со стороны государства, подъем трудового крестьянского хозяйства, улучшение материального положения трудящегося крестьянства.

I съезд Польской рабочей партии (декабрь 1945 г.) четко определил позиции партии в крестьянском вопросе: «съезд считает необходимым укреплять рабоче-крестьянский союз в конкретной ежедневной хозяйственной деятельности». Была подчеркнута важность улучшения снабжения деревни промышленными товарами, оказания помощи в развитии инди-

видуальных хозяйств бедняков и середняков⁴⁶. Программа широкой экономической помощи крестьянству, улучшения положения бедняцких и середняцких хозяйств была разработана и Коммунистической партией Чехословакии — снижение арендной платы за участки до 20 га; введение дифференцированных закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и прогрессивного сельскохозяйственного налога; предоставление кредитов, субсидий для восстановления хозяйства, покупки машин, скота, инвентаря, семян и т. д.; демократизация сельскохозяйственной кооперации; введение социального страхования для крестьян и пр.⁴⁷

III съезд Венгерской коммунистической партии (осень 1946 г.) принял программу «Развитие сельскохозяйственного производства и улучшение положения трудящегося крестьянства», которая предусматривала укрепление наделных крестьянских хозяйств, снижение цен на сельскохозяйственные машины и горючее, улучшение агрономического образования, демократизацию кооперативов, дешевый кредит, прогрессивные сельскохозяйственные поставки, снижение цен на промтовары и т. д.⁴⁸

Программы экономической помощи трудовому крестьянству были разработаны пролетарскими партиями Болгарии, Румынии, ГДР, Югославии. Они последовательно боролись за проведение этих программ в жизнь, стремились к укращению крестьянских партий и организаций, действительно представляющих интересы широких слоев трудовой деревни, а также поддерживали левые группировки в буржуазных и псевдокрестьянских партиях. ППР поддерживала демократическое Стронництво людове, «Союз крестьянской взаимопомощи». Одновременно тактика ППР была направлена на раскол миколайчиковского ПСЛ. В Чехословакии коммунисты стремились действовать в деревне через единые союзы чешских и словацких крестьян. В Венгрии коммунистическая партия сотрудничала с Национально-крестьянской партией, оказывала поддержку левому крылу Партии мелких сельских хозяев, организовала в деревне «Всеенгерский союз сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян» и «Союз новых хозяев и крестьян, получивших землю». В Болгарии коммунисты опирались на БЗНС, в Румынии — на «Фронт земледельцев». Одновременно коммунистические и рабочие партии старались создавать свои партийные организации в деревне, привлекая в них трудящееся крестьянство, вели работу по разоблачению политики буржуазных партий, направленной на защиту интересов в первую очередь сельской буржуазии.

По мере развития и углубления революции все более и более стали обнажаться те антагонистические противоречия между трудящимся крестьянством и аграрной буржуазией, которые в предшествующий период находились как бы на заднем плане и были прикрыты сначала общенациональными, а затем общедемократическими интересами крестьянства. Процесс нарастания противоречий внутри крестьянства ускорился в результате сопротивления, которое аграрная буржуазия и вся реакция оказывала мероприятиям народной власти, направленным на помощь трудящимся крестьянам и улучшение их положения. Иллюзии о единстве интересов деревни, свойственные в первую очередь среднему крестьянству, давали все новые и новые трещины.

⁴⁶ Г. В. Порфирьева. Борьба Польской рабочей партии за дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства Польши, за перерастание народно-демократической революции в социалистическую (июль—декабрь 1945 г.). «Сборник научных работ (по материалам конференции молодых научных работников г. Казани)». Казань, 1960, стр. 102—103; Н. Г. Климо. Общественно-экономические преобразования в деревне Польской Народной Республики. Киев, 1959, стр. 110—127.

⁴⁷ K. J e s h. Probužena vesnice. Praha, 1963, s. 119—129, 182—186, 232—235, 239—248, 292—297.

⁴⁸ А. И. Пущкаш. Там же, стр. 185—188.

Последовательная борьба пролетариата за интересы трудящегося крестьянства, непосредственные экономические и политические выгоды, полученные сельскими труженниками в ходе революции от народно-демократического строя, явились, бесспорно, решающим фактором, который все более крепко привязывал мелкое и среднее крестьянство к рабочему классу. Период колебания некоторой части середняков кончился.

В решающий момент схватки с буржуазией большинство середняков во всех странах оказалось на стороне пролетариата.

Итак, с самого начала перерастания или углубления революций в социалистическом направлении пролетарские партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы проводили линию на соглашение со всем трудящимся крестьянством. Однако установление союза со средним крестьянством не было единовременным. Его укрепление и развитие происходило по мере становления и упрочения диктатуры пролетариата. Сначала соглашение было достигнуто с низшими слоями среднего крестьянства и «новыми» середняками, а потом с более крепкими хозяевами.

Осуществление генеральной линии на соглашение со средним крестьянством вовсе не исключало проведения политики нейтрализации в отдельные моменты развития революции по отношению к отдельным, прежде всего к наиболее зажиточным его слоям.

Как правило, это было связано с обострением классовой борьбы и колебаниями середняка. Безземельные и малоземельные крестьяне были надежными и стойкими союзниками рабочего класса с самого начала революции, средний крестьянин был потенциальным и колеблющимся союзником. Поэтому, держа курс на укрепление союза с середняком, пролетарские партии в момент наиболее острых столкновений с буржуазией не отказывались от нейтрализации его. В условиях мирного развития революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы пролетарские партии добивались нейтрализации середняка, действуя преимущественно методами убеждения, идя на уступки ему, оказывая экономическую помощь, разблачая политику буржуазии и ведя борьбу против нее. Указывая, какими мерами следует добиваться нейтрализации среднего крестьянства в капиталистических странах Европы, В. И. Ленин писал в «Первоначальном наброске тезисов по аграрному вопросу»: «Победивший пролетариат даст ему (среднему крестьянству. — В. М.) непосредственное улучшение его положения, уничтожая арендную плату и ипотеки. Немедленную полную отмену частной собственности пролетарская власть в большинстве капиталистических государств отнюдь не должна производить, и во всяком случае они гарантируют и мелкому и среднему крестьянству не только сохранение за ними их земельных участков, но и увеличение их на всю обычно арендуемую ими площадь (отмена арендной платы).

Соединение мер этого рода с беспощадной борьбой против буржуазии вполне гарантирует успех политики нейтрализации»⁴⁹. Пролетарские партии рассматриваемых стран осуществляли нейтрализацию некоторых слоев среднего крестьянства, когда и где это было необходимо, по существу с помощью тех же экономических и политических мер, которые были направлены на соглашение с трудящимися слоями деревни. Оптимальным результатом этих мер было установление союза с середняком, привлечение этого слоя на сторону революции, минимальным — его нейтрализация.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

Л. Я. ГИВИАНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В ЮГОСЛАВИИ

Едва ли какая-нибудь тема привлекла большее внимание послевоенной югославской историографии, нежели освободительная борьба и народная революция 1941—1945 гг. Югославские историки добились здесь больших и важных результатов. Особенно плодотворны последние годы, отмеченные изданием ряда крупных работ как обобщающего либо обзорного характера, так и рассматривающих отдельные аспекты народно-освободительной войны и революции. Внося серьезный вклад в научную разработку данной проблематики, работы эти интересны и в том отношении, что они — одни в большей, другие в меньшей степени — отразили, с одной стороны, своего рода итог определенного и довольно длительного этапа в развитии историографии, а с другой — дальнейшие перспективы, направления и характер исследования.

В югославской историографии уже отмечалось, что при изучении периода 1941—1945 гг. основное внимание долгое время обращалось прежде всего на ход вооруженной борьбы за освобождение Югославии, на военную сторону войны и революции, в то время как политическая сторона (исследование общественно-политических отношений) оказывалась разработанной гораздо меньше, почти не была еще предметом специального рассмотрения.¹ Это достаточно определенно сказалось в вышедших в последние годы общих трудах о народно-освободительной борьбе²: если, пользуясь формулой Б. Петрановича, военная сторона войны и революции раскрыта в целом весьма полно, то общественно-политические процессы затронуты преимущественно лишь в самом общем виде, больше в плане констатации определенных результатов, фиксирования тех или иных организационно-политических форм революции и возникавших постепенно институтов новой государственности, нежели рассмотрения самого хода революционного развития, его внутренней социальной динамики. Такая особенность в направлении исследования была вызвана различными причинами, в частности, она, очевидно, в значительной мере связана со спе-

¹ См., например: Б. Петрановић. О систему окупације у Југославији 1941—1945 и његовој научној обради. «Правни зборник», Титоград, 1968, бр. 1—2, стр. 1—2; V. D j u r e t i ć. Revolucija i kontrarevolucija kod nas 1941—1945 g. Teorisko-metodološki pogled, s. 1 (напечатанный на ротаторе доклад на симпозиуме в Сплите в октябре 1969 г., посвященном 50-летию СКЮ).

² «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941—1945». Drugo prepravljeno i dopunjeno izdanje, knj. 1—2. Beograd, 1963—1965; V. S t r u g a r. Rat i revolucija naroda Jugoslavije 1941—1945. Beograd, 1962; е го же. Osvobodilna vojna v Jugoslaviji. Ljubljana, 1967 (в несколько расширенном виде эта книга вышла затем под названием «Jugoslavija 1941—1945». Beograd, 1969) и др.

циффикой самого революционного процесса в Югославии. В отличие от других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где революции развернулись преимущественно к концу войны, захватив и первые послевоенные годы, в Югославии, где вооруженная борьба с оккупантами и их пособниками, начавшаяся уже летом и осенью 1941 г., быстро приобрела чрезвычайно сильный размах, революционный процесс почти целиком уместился в рамках самой войны. Буквально слившись с народно-освободительной борьбой, развиваясь как ее внутренний социальный компонент, югославская революция оказалась в известной мере как бы скрытой под ее оболочкой. Естественно, что ход вооруженной борьбы, которая, как подчеркнул Л. И. Брежнев во время недавнего визита в Югославию, «вписала самые яркие страницы в историю европейского сопротивления»³, в первую очередь попадал в поле зрения исследователей, которые могли располагать здесь обширной документальной базой, между тем как проникновение в социально-политические процессы революции оказывалось куда более затруднительным, а требуемый материал — гораздо более скудным и сложным для анализа.

Понадобился некоторый путь развития югославской историографии, накопление ею необходимого материала, чтобы обозначился более значительный поворот от военных сюжетов к социально-политическому аспекту. Как раз в течение ряда последних лет поворот этот становится все более ощутимым. Прежде всего здесь следует назвать интересные работы П. Морачи⁴, Й. Марьяновича⁵, Д. Живковича⁶, Б. Петрановича⁷, В. Джуретича⁸, которые при некотором различии точек зрения несомненно имеют большое значение в деле изучения югославской революции.

Примечательно при этом, что такой подход к изучению народно-освободительной борьбы становится все более характерным и для ряда исследований, которые по своей тематике на первый взгляд продолжают прежние, уже сформировавшиеся направления в югославской историографии. Хотя в книге Й. Марьяновича о восстании и народно-освободительном движении в Сербии в 1941 г.⁹ в основном рассматривается развитие воору-

³ «Правда», 1971, 24 сентября.

⁴ См. Р. М о р а ч а. Društveno-politička kretanja i politika KPJ u ustanku 1941. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1962, br. 1; е г о ж е. O osnovnim karakteristikama jugoslovenskog oslobodilačkog rata i revolucije 1941—1945. «Pregled posleratnog razvitka Jugoslavije (1945—1965)». Beograd, 1966; е г о ж е. O nekim osnovnim karakteristikama oslobodilačkog rata i revolucije u 1942 godini. «Prvo zasjedanje AVNOJ-a». Bihać, 1967; е г о ж е. Komunistička partija Jugoslavije u stvaranju Narodnog fronta u oslobodilačkom ratu i revoluciji 1941—1945. «Narodni front i komunisti. Jugoslavija, Čehoslovačka, Poljska 1938—1945». Beograd, 1968. Необходимо назвать также вышедшую в самом конце 1971 г. книгу П. Морачи (Р. М о р а ч а. Jugoslavija 1941. Beograd, 1971), которая требует отдельного рассмотрения.

⁵ См., например: Ј. М а р ј а н о в и ć. Karakter, forme i specifičnosti Narodne revolucije. «Iz istorije Jugoslavije 1918—1945». Beograd, 1958; е г о ж е. Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963.

⁶ D. Ž i v k o v i ć. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969.

⁷ См. Б. П е т р а н о в и ћ. КПЈ као конституент политичког система створеног у току НОБ-е. «Историјски записи», књ. XXVI, св. 2—3. Титоград, 1969. В исследовании революционного процесса в Югославии важное место занимают также две монографии Петрановича: В. П е т р а н о в и ć. Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Beograd, 1964; е г о ж е. Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslaviji za vreme obnove. Beograd, 1969. Однако в них рассматривается в основном период после окончания народно-освободительной борьбы и освобождения Югославии и лишь частично затрагиваются процессы в ходе самой войны.

⁸ Помимо названного выше доклада см. также: В. Ђ у р е т и ћ. Карактеристике устанка 1941 године у Црној Гори и Босни и Херцеговини (паралела). «Историјски записи», књ. XXVI, св. 2—3; В. Ђ у р е т и ć. Neki elementi konstituisanja revolucije u nas. Teorijski konsept. «Gledišta», 1971, № 2.

⁹ Ј. М а р ј а н о в и ć. Ustanak i narodnooslobodilački pokret...

женной борьбы, освещение военной стороны совмещается в ней со стремлением автора к углубленному анализу общественно-политических процессов разразившейся революции. Другим, быть может, еще более ярким примером является упомянутая монография Д. Живковича, посвященная возникновению и развитию народной власти в 1941—1942 гг. По проблематике она как будто идет в русле тех исследований, которые получили уже широкое развитие в югославской литературе и представлены обширным кругом трудов историко-юридического характера, в первую очередь известными работами Ф. Чулиновича, Л. Гершковича, В. Симоновича, М. Шнудерла¹⁰. Но Живкович рассматривает проблемы возникновения и развития народной власти не в историко-правовом ракурсе, не с точки зрения формально-юридической характеристики норм и институтов складывавшейся системы революционного повстанческого управления и выраставшей из него новой государственности, как свойственно работам этого направления. Через призму вопроса о власти — коренного вопроса всякой революции — Живкович исследует в сущности основные общественно-политические проблемы революционной борьбы, ее объективных и субъективных факторов, динамики, форм, темпов ее развития, соотношения сил, стратегии и тактики КПЮ.

Книга Д. Живковича свидетельствует и о том, что новое направление в югославской историографии войны и революции вступает уже в стадию фундаментальной монографической разработки. При этом дело не только в том, что монография эта фундаментальна по своему объему (почти 700 стр.) или огромному материалу, как опубликованному, так и архивному, на котором она построена. Ей присуща и фундаментальность иного рода — соединение масштабности конкретного исследования с его проблемным, обобщающим характером. Стремясь преодолеть известный схематизм, когда черты, свойственные развитию революционного процесса в той или иной части страны, неоправданно принимаются за общеюгославские явления или когда некоторые авторы основываются преимущественно на тогдашних документах высших органов КПЮ, Живкович пытается проследить конкретный ход общественно-политической борьбы и складывания системы народной власти непосредственно на местах, раскрывает чрезвычайно интересную многообразную картину живой революционной практики. В то же время он не идет по линии фактографического описания, в лучшем случае лишь систематизированного, как это было свойственно ряду работ о народно-освободительной борьбе. Его монография представляет собой синтез конкретно-исторического и историко-социологического подхода, глубокое исследование фактов выступает здесь как база, опираясь на которую, автор стремится дать обобщенный анализ, теоретически осмыслить опыт югославской революции в борьбе за создание новой власти.

Благодаря такому подходу книга Д. Живковича по значимости проводимого в ней исследования и ее главных выводов выходит в сущности за хронологические рамки непосредственно охватываемого ею периода 1941—1942 гг. — с начала вооруженного восстания до I сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОУ), ибо в своем анализе этого периода автор ставит и определенным образом решает вопросы гораздо более общего плана, связанные с характеристикой наиболее существенных процессов югославской революции и создания народ-

¹⁰ См. F. Čulino vić. Stvaranje nove jugoslavenske države. Zagreb, 1959. L. Gerškovi ć. Historija narodne vlasti. Beograd, 1957; V. Simovi ć. AVNOJ. Pravno-politička studija. Beograd, 1958; M. Šnuderl. Zgodovina ljudske oblasti. Ljubljana, 1950 и др.

ной власти¹¹. Это не только делает монографию Живковича весьма заметным явлением, но и в значительной мере ставит ее вместе с обобщающими теоретическими работами П. Морачи и В. Джуретича¹² в центр внимания при рассмотрении проблем исследования югославской революции и образования новой Югославии, тем более, что она известным образом отражает и сам нынешний этап в историографии, совмеща в себе как ряд уже достаточно устоявшихся и распространённых концепций, так и некоторые новые точки зрения по отдельным вопросам.

Сосредоточиваясь прежде всего на вопросах характера народно-освободительных комитетов как важнейшего фактора революции, их роли и места в революционном процессе, Д. Живкович, быть может, впервые так глубоко и полно в югославской литературе, убедительно показывает, что на освобождаемых партизанских территориях комитеты уже в первый период борьбы превращались в подлинные органы власти. Но в отличие от ряда авторов, как правило, ограничивающихся этой характеристикой деятельности комитетов, Живкович обращает внимание и на другой аспект — на то, что комитеты играли также роль политических органов народно-освободительного движения, причем этот вывод, неоднократно повторяющийся в монографии¹³, делается им применительно отнюдь не только к первым народно-освободительным комитетам, как, например, было у Ф. Чулиновича¹⁴. Между тем он важен, например, с точки зрения исследования проблем формирования Народно-освободительного фронта (НОФ) и его реального места в революции, о чем в югославской историографии ведутся споры.

Как известно, руководство КПЮ и организуемого ею народно-освободительного движения выступило в восстании 1941 г. за объединенный фронт всех патриотических элементов, готовых, независимо от социально-политических и иных различий, к совместному выступлению против захватчиков. Но попытки заключить соглашение с другими группировками, в том числе буржуазными, заинтересованными в ликвидации оккупационного режима, за исключением Словении, где коммунистам удалось образовать Освободительный фронт вместе с некоторыми демократически ориентированными мелкобуржуазными группами, оказались тщетными. Возникшее первоначально в качестве организации, противостоящей оккупантам, четническое движение Михайловича, которое стало центром сербских буржуазных сил, стремившихся к освобождению и восстановлению королевской Югославии, вследствие крайне реакционной позиции своего руководства, нарушив кратковременное соглашение, уже с осени 1941 г. начало вооруженную борьбу с руководимыми КПЮ партизанскими отрядами и стало сотрудничать с этой целью с оккупационно-квислинговским режимом, превратившись, таким образом, на деле в одно из его звеньев. Соответственно, образование совместных с другими политическими течениями и военными организациями комитетов НОФ, как это планировал в начале восстания ЦК КПЮ, особенно в Сербии, осталось, как сформулировал Живкович, «только желанием партийного руководства»¹⁵.

Значит ли это, однако, что и само создание НОФ не пошло тогда дальше желания руководства партии? Д. Живкович оставляет вопрос открытым,

¹¹ Об этом, в частности, свидетельствует и опубликованная в «Советском славяноведении» (1971, № 3) статья Д. Живковича «Некоторые вопросы создания нового югославского государства», основывающаяся главным образом на его книге.

¹² См. P. Morač a. O osnovnim karakteristikama...; V. Đur e ti ć. Neki elementi konstituisanja...

¹³ D. Živković. Ibid., s. 243, 458—463 etc.

¹⁴ F. Čulinović. Ibid., s. 105, 115, 118.

¹⁵ D. Živković. Ibid., s. 62.

хотя, говоря о факторах революции, он нигде не упоминает НОФ. Ряд других югославских историков прямо относит образование НОФ к гораздо более поздней фазе революции, считая, что на первом этапе существовало лишь народно-освободительное движение, которое отнюдь не означает то же, что и НОФ, как подчеркивал, например, Дж. Станисавлевич¹⁶. Между тем, представляя иную точку зрения, П. Морача склонен говорить о НОФ как факторе революции на протяжении всего ее развития¹⁷. Проблема эта имеет ряд аспектов, и прежде всего, на наш взгляд, важно отметить, что само народно-освободительное движение представляло собой практически объединение всех патриотических сил, оказавшихся способными непосредственно вступить в борьбу с оккупационно-квислинговской системой. В этом плане народно-освободительное движение и было конкретным воплощением НОФ, который в специфических условиях Югославии не принял межпартийных коалиционных форм, а развивался как единое народное движение во главе с КПЮ. Убедительный же вывод Живковича, что народно-освободительные комитеты выполняли роль не только революционной власти, но и политических органов народно-освободительной борьбы, позволяет утверждать, что НОФ почти с самого начала существовал не только как выражение общей политической платформы этой борьбы, но и имел в лице комитетов определенную организационно-политическую структуру. Поэтому тезис Б. Петрановича о том, что организационное строительство НОФ началось только в середине 1944 г.¹⁸, может быть принят лишь в известном смысле. Народно-освободительные комитеты возникли в ходе борьбы как самоорганизация восставших масс под руководством КПЮ, и естественно, что в течение длительного времени они объединяли функции повстанческого управления, т. е. революционной власти, и политической структуры НОФ. Соответственно и образованное в ноябре 1942 г. АВНОЮ, опиравшееся на систему народно-освободительных комитетов, представляло собой — и здесь, на наш взгляд, прав П. Морача — высший общегославский орган как складывавшейся революционной власти, так и НОФ¹⁹. Лишь позднее, с созданием других звеньев НОФ (Объединенного союза антифашистской молодежи, Антифашистского фронта женщин и других массовых организаций), под влиянием различных, прежде всего международных обстоятельств, ведших к частичному, верхушечному восстановлению прежних партий в условиях компромиссных соглашений Тито — Шубашич, а особенно в обстановке, когда с началом полного освобождения страны осенью 1944 г. народно-освободительные комитеты стали из органов повстанческого управления превращаться в органы государственной власти в полном смысле слова, возникла необходимость в разделении функций, в формировании особой структуры НОФ как общественно-политической организации. Это и было сделано в 1944—1945 гг., что, как справедливо заметил П. Морача, вовсе не значит, что до того времени НОФ не существовал²⁰.

¹⁶ «Narodni front i komunisti...», s. 550.

¹⁷ См. Р. М о р а ч а. Komunistička partija Jugoslavije u stvaranju Narodnog fronta...

¹⁸ В. П е т р а н о в и ć. Narodni front u političkoj strukturi Jugoslavije (1944—1946). «Narodni front i komunisti...», s. 653.

¹⁹ Р. М о р а ч а. Komunistička partija Jugoslavije u stvaranju Narodnog fronta..., s. 86.

²⁰ «Narodni front i komunisti...», s. 682. Эту точку зрения подтвердил позднее и Б. Петранович, когда отметил, что в середине 1944 г. началось организационное строительство НОФ как «специфической политической организации, отделенной от государственной власти и вне ее рамок». В. П е т р а н о в и ć. Politička i ekonomska osnova..., s. 82.

В связи с характером народно-освободительных комитетов Д. Живкович останавливается и на другом вопросе, также вызывающем значительные споры в югославской литературе. Как известно, выдвинув осенью 1941 г. тезис о необходимости создания комитетов как органов народной власти на освобожденной территории, руководство КПЮ подчеркнуло в тот момент, что они являются временными органами власти, осуществляющими свою функцию в интересах освободительной борьбы лишь до момента, когда с изгнанием оккупантов можно будет перейти к организации государственного управления. В сентябре 1942 г. руководство КПЮ и народно-освободительного движения указывало на то, что комитеты не являются больше временными, а представляют собой постоянные органы власти. Основываясь на этом, ряд югославских авторов, прежде всего историков права, утверждал, что комитеты действительно были вначале временными органами власти и лишь позднее переросли в постоянные²¹. Это вызвало возражения, в частности Й. Марьяновича, писавшего, что «глядя исторически, нет оснований народно-освободительные комитеты периода 1941 г. квалифицировать сегодня как временные органы власти»²². Д. Живкович также отвергает точку зрения правоведов как поверхностную, считая, что нет реальной разницы между комитетами осенью 1941 г. и в сентябре 1942 г., что они все время были постоянными органами революционной власти, так же как сами они до окончательного освобождения страны оставались всегда временными, поскольку освобожденная территория была временной, а не постоянной²³.

Вместе с тем Д. Живкович выдвигает еще более широкую формулу, согласно которой народно-освободительные комитеты вообще не менялись по своему существу и характеру с момента их оформления в 1941 г. и до конца войны²⁴, что, очевидно, должно включать все особенности комитетов не только как государственно-правового, но и социально-политического явления. Об этом свидетельствует, например, и вывод, что «народно-освободительные комитеты были особой формой диктатуры пролетариата», даваемый без каких-либо временных оговорок²⁵ и относящийся, как явствует из монографии, к комитетам на протяжении всей войны, с момента их возникновения в восстании 1941 г., которое оценивается как «начало социалистической революции»²⁶. Живкович выдвигает при этом — пожалуй, впервые в югославской историографии — тезис о том, что восстание возникло и стало развиваться в условиях создавшейся в стране революционной ситуации, которой он считает революционное настроение, охватившее, по его мнению, массы «почти во всех частях Югославии»²⁷. И выросшее из этой революционной ситуации вооруженное восстание носило, с его точки зрения, с самого начала пролетарский характер, поскольку платформа, на которой стало развертываться освободительное движение, была классово-пролетарской платформой борьбы за уничтожение буржуазного строя, за победу социалистической революции. Хотя Живкович и отмечает хорошо известный факт, что с июля 1941 г., когда началась борьба, руководство КПЮ выдвинуло в программных документах восстания в качестве его платформы не какие-либо классовые задачи, не ту или иную социально-политическую ориентацию, а общенациональ-

²¹ F. Čulinović. Ibid., s. 126; L. Geršković. Ibid., s. 55, 144; M. Šnuderl. Ibid., s. 105 и др.

²² J. Marjanović. Ustanak i narodnooslobodilački pokret..., s. 426.

²³ D. Živković. Ibid., s. 189—191.

²⁴ Ibid., s. 190.

²⁵ Ibid., s. 619.

²⁶ Ibid., s. 613.

²⁷ Ibid., s. 52—53.

ные цели освобождения и, как мы уже говорили, выступило за широкий фронт всех патриотических сил, он считает это лишь тактической сменой лозунгов, существо которых остается, однако, классово-пролетарским, направленным на достижение в рамках освободительной войны конечных, социалистических целей КПО²⁸.

В югославской историографии многократно — и совершенно справедливо — указывалось на то бесспорное обстоятельство, что освободительная борьба против фашистских захватчиков уже в своей начальной фазе оказалась направленной и против основ реакционного буржуазного режима довоенной Югославии, что она стала одновременно острым, принявшим форму вооруженного конфликта столкновением между восставшими массами, чьим организатором и безраздельным руководителем выступала КПО, и почти всей югославской буржуазией как политически организованной классовой силой. Это, несомненно, явилось одной из основных отличительных особенностей народно-освободительной борьбы в Югославии. Однако некоторые положения, высказываемые Живковичем, при непосредственном анализе возникновения и развития югославской революции оказываются в определенном противоречии с точкой зрения ряда других югославских исследователей, а также со значительным фактическим материалом, введенным в научный оборот югославскими историками как в документальных публикациях, так и в исследовательских трудах.

Прежде всего — о платформе, на которой началась и стала разворачиваться летом и осенью 1941 г. освободительная борьба. Обращает на себя внимание то, что в своей аргументации Д. Живкович, подобно тому, как уже делал Д. Лукач²⁹, стремится опереться не на программные документы самого восстания, а на некоторые партийные документы, относящиеся к начальному периоду оккупации, предшествовавшему восстанию, в которых в качестве непосредственных задач, наряду с борьбой против оккупантов, в той или иной мере выдвигались социалистические цели вплоть до установления «советской власти», провозглашалась борьба с буржуазными группировками и т. п.³⁰

П. Морача выражал уже в связи с выступлением Д. Лукача сомнение в правомерности обоснования революционной и социалистической направленности освободительной борьбы и платформы, выдвинутой КПО, цитатами из партийных документов, относящихся к периоду с апреля до июля 1941 г.³¹ Ничего не доказывая, такая аргументация может скорее свидетельствовать об обратном, тем паче, что Живкович сам вынужден оговариваться, что классовые лозунги были затем заменены общенациональными. Более того, в самих послеиюльских документах руководящих партийных органов — и притом не в публичных декларациях, «писанных актах», как их именует Живкович, а в деловых, внутренних директивах партийного и партизанского руководства — указывалось, что смена лозунгов неотделима от существа дела, категорически отвергалась всякая попытка подменить широкие национально-освободительные задачи и платформу объединения всех патриотических сил жесткой социальной или политической ориентацией, особенно чисто пролетарскими, социалистическими целями, ограничить народно-освободительное движение и политически и организационно классовыми и идеологическими рамками, направить борьбу непосредственно против югославской буржуазии и подчеркивалось, что, наоборот, ни социалистическая революция, ни какие-

²⁸ Ibid., s. 40—41, 614 etc.

²⁹ «Narodni front i komunisti...», s. 587—588.

³⁰ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 39—40, 61, 74, 143.

³¹ «Narodni front i komunisti...», s. 681.

либо меры против буржуазии как класса не стоят в данный момент в повестке дня³².

Правда, Д. Живкович справедливо указывает, что одновременно с выдвиганием руководством КПЮ общенациональной платформы практической деятельности партийных организаций по развертыванию вооруженного сопротивления на местах сопровождалась в ряде случаев и после июльской перемены выдвиганием классово-пролетарских, социалистических задач борьбы. Но сама же монография свидетельствует о достаточной ограниченности подобного явления, и Живкович считает нужным отметить лишь расхождения, которые имелись с ЦК КПЮ у краевого партийного комитета Черногории³³. Едва ли меняет дело и формула Живковича, что лозунг борьбы против оккупантов за национальное освобождение имел глубоко классовое содержание, поскольку он «изолировал от народа открытых коллаборационистов и почти все буржуазные политические партии и группы, которые в сущности были реакционными и потому неизбежно связывались с оккупантами или квислингами, а тем самым и изолировались от масс»³⁴. Если принять эту формулу, то следует, что, выдвигая платформу объединения всех патриотических сил во имя борьбы за освобождение страны независимо от различий во взглядах на будущее политическое и общественное устройство, КПЮ и руководимое ею народно-освободительное движение руководствовались в действительности не декларированными целями, а прибегли к этому лишь как к тактической уловке с расчетом на то, что буржуазные силы откажутся от такого объединения и, наоборот, свяжутся с оккупантами, благодаря чему окажется возможным изолировать их от масс. Помимо того, что такая постановка вопроса более чем странно характеризовала бы действия КПЮ, она опять-таки никак не согласуется с упомянутыми усилиями на достижение договоренности с буржуазными группировками и особенно с четниками в первые месяцы борьбы.

Точка зрения, представляемая Д. Живковичем, в своем толковании платформы восстания и своем тезисе о революционной ситуации по существу проходит мимо того отмечавшегося другими югославскими историками обстоятельства, что оккупация и расчленение Югославии означали в огромной мере изменение условий национального и общественного развития. Как указывал П. Морача, оккупация объективно выдвигала на первый план в югославском обществе не его собственные классовые противоречия, а вопрос самого национального существования народов Югославии, задачу их национального освобождения³⁵. В этой связи, во-первых, не может не вызвать возражения то, что Живкович без каких-либо оговорок определяет возмущение масс против оккупационно-квислинговского режима и их готовность к освободительной борьбе как «революционное настроение» и «революционную ситуацию»³⁶, игнорируя тем са-

³² См. «Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda» (далее — «Zbornik»), т. I, knj. 1. Beograd, 1949, s. 37—38, 48, 63—66, 111—112; т. II, knj. 2, s. 36, 51, 54; т. V, knj. 1, s. 145; т. IX, knj. 1, s. 2—3, 8, 14; «Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda» (далее — «Зборник»), т. I, кн. 2, стр. 169—175; т. III, кн. 1, стр. 229—230, 367 и др.

³³ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 244. Что же касается брошенного им вскользь упоминания, что такие явления имели место, в частности в августе 1941 г., и в Сербии (ibid., s. 63), то, как свидетельствует литература и прежде всего специальная работа Й. Марьяновича (J. M a r j a n o v i ć. Ustanak i narodnooslobodilački pokret...), они отнюдь не определяли здесь практической политики КПЮ, прилагавшей, наоборот, все усилия к установлению сотрудничества с любыми буржуазными группировками, в первую очередь с четниками.

³⁴ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 41.

³⁵ «Narodni front i komunisti...», s. 680.

³⁶ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 53.

мым то, что речь прежде всего шла о проблемах национального освобождения. Во-вторых, как справедливо подчеркивал Морача, поскольку эти проблемы стали сами по себе главными, определяющими, постольку именно на их решение и была в первую очередь направлена деятельность КПО³⁷. Разумеется, Живкович прав, когда подчеркивает, что, выдвигая платформу борьбы за национальное освобождение, КПО не отказывалась от своей принципиальной классовой программы, от основной стратегической цели. Но и сам путь к этой цели, как и любой аспект национального развития, также лежал лишь через достижение национального освобождения. Национально-освободительные цели, платформа единого общенационального фронта, выдвинутые КПО, не были лишь сменой лозунгов, они отражали глубокое изменение объективных условий и диктовавшуюся этими изменениями новую политическую линию партии — своего рода национально-освободительную программу-минимум. Не отменяя никоим образом классовую пролетарскую программу-максимум, а, наоборот, являясь в сложившейся обстановке единственной действенной концепцией борьбы, открывавшей путь к социалистической перспективе, она сама по себе ставила во главу угла не классовые, а общенациональные антифашистско-освободительные критерии, требовавшие объединения со всеми — в том числе буржуазными — силами, готовыми бороться против оккупационно-квислинговского режима.

Эта линия стала проявляться сразу же вслед за фашистской агрессией и оккупацией Югославии, но в целом она формировалась постепенно между апрелем и июлем 1941 г., и в ряде партийных документов, относящихся к этому периоду, в определенной мере совмещались как положения национально-освободительной программы-минимум, окончательно сформулированные в июле, так и некоторые прежние установки, ставившие развертывание классовой борьбы с буржуазией и ликвидацию капиталистического строя в качестве непосредственных задач³⁸. Известные рецидивы прежних представлений проявлялись даже после июля 1941 г. в виде того самого выдвигания в ряде мест лозунгов социалистической революции, стремления придать народно-освободительному движению пролетарский характер, о котором и говорит Д. Живкович применительно отчасти к Сербии, а особенно к Черногории, где носителем подобной линии выступило само местное партийное и партизанское руководство. Поэтому вызывает возражения и защищаемый Д. Живковичем тезис, что расхождения между ЦК КПО и черногорским партийным руководством касались лишь тактики, осуществления поставленной цели, в то время как в самих целях борьбы существенного различия не было³⁹. Различия действительно не было в принципиальных классовых целях КПО, в ее программе-максимум. Но оно заключалось в том, что сторонники «левой» линии рассматривали задачу осуществления социалистической революции и уничтожения капиталистического строя не как выражение общей ориентации партии, а в качестве непосредственной цели борьбы в данный момент, определяющей платформу народно-освободительного движения, т. е. подменяли пролетарской программой-максимум общенациональную антифашистско-освободительную программу-минимум. Между тем, если кто-нибудь, в том числе в самой партии, и воспринимал такую программу-минимум только как тактику, как способ осуществления классово-пролетарских целей, то на деле она сама заключала в себе первоочередную в тот момент общенациональную цель и в качестве таковой служила основой объединения широких народных масс в освободительном движении, организуемом КПО.

³⁷ «Narodni front i komunisti...», s. 680.

³⁸ См., например: «Zbornik», t. II, knj. 2, s. 12, 21, 22.

³⁹ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 244.

Однако в реальных общественных условиях само национальное освобождение не могло не получать определенного социально-политического смысла. В Югославии освободительная борьба почти с самого начала стала приобретать глубокое революционное содержание и даже сильную пролетарскую окраску. Но если Д. Живкович связывает это с классово-пролетарским характером народно-освободительного движения и его платформы, выдвинутой КПЮ, то, на наш взгляд, гораздо более прав П. Морача, который, отмечая, что главными были вопросы национального освобождения и национального существования и что именно эти вопросы лежали в основе борьбы партии за народно-освободительный фронт, подчеркивал: «Это естественно, ибо такие вопросы вышли на первый план, и КПЮ их со всей серьезностью поставила и пошла на борьбу за их решение. А тогда выяснилось, что их полное и истинное решение предполагает коренные общественные преобразования, смену носителя власти, изменение основ общественного устройства»⁴⁰. Здесь, очевидно, и заключается один из главных моментов возникновения и развития югославской революции и — одновременно — специфики политической линии КПЮ. С одной стороны, социально-революционная цель ставилась в качестве практической задачи дня лишь постольку, поскольку она могла совмещаться с упомянутой выше национально-освободительной программой-минимум. С другой стороны, само осуществление революционных стремлений КПЮ в ходе борьбы за национальное освобождение оказалось уже почти с самого начала практически возможным именно потому, что оно стало диктоваться как раз потребностями проведения общенациональной программы-минимум, целиком оставаясь в ее рамках.

Это последнее обстоятельство является, пожалуй, особенно важным в исследовании развития революционного процесса в Югославии. Какими факторами оно обуславливалось?

В югославской историографии обращалось внимание, во-первых, на то, какое значение имел в этом смысле национальный вопрос, игравший в многонациональной Югославии огромную роль. Сама задача эффективной борьбы за освобождение объективно требовала объединения югославских народов. Более того, оно было единственной альтернативой национальным и религиозным столкновениям, вплоть до физического истребления, к которым привели в условиях оккупации и расчленения страны глубочайшие межнациональные противоречия прежней, буржуазно-монархической Югославии, поощрявшиеся и еще больше подогревавшиеся оккупационно-квислинговским режимом. Такое объединение, естественно, могло основываться только на платформе, принципиально отличной от великосербской шовинистической концепции довоенной монархии, на принципах братского сотрудничества равноправных югославских народов. Это обстоятельство, отмечавшееся, в частности, Марьяновичем⁴¹, делало выдвинутые компартией принципы братства и единства всех югославских наций и национальностей, их свободного и равноправного объединения в совместной борьбе во имя общего освобождения единственно возможной платформой общенационального освободительного движения и способствовало успеху КПЮ в реализации этих принципов в практике вооруженного Сопротивления. Последнее выражалось, в частности, в том, что сама организационная структура народно-освободительного движения основывалась на своеобразном объединении равноправных в военно-политическом отношении крупных национальных земель, где были соз-

⁴⁰ «Narodni front i komunisti...», s. 680.

⁴¹ J. M a r j a n o v i ć. Prilog izučavanju jugoslovenstva u ustanku 1941. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1962, br. 1.

дапы свои главные штабы как руководящие национально-территориальные органы борьбы, направляемой общегославским Верховным штабом. Более того, уже осенью 1941 — в начале 1942 г. в рамках системы народно-освободительных комитетов стали создаваться и первые главные комитеты национальных земель (в Словении, Сербии, Черногории). Так начала складываться новая межнациональная организация, практически противостоявшая государственной структуре старой Югославии, а также политике четнического руководства и объединявшегося вокруг него буржуазного лагеря.

Еще большее значение имело то, что, хотя КПЮ, поднимая массы на восстание, вообще не ставила в выдвинутой ею платформе народно-освободительного движения вопроса о власти⁴², размах вооруженного Сопrotивления привел уже скоро к образованию свободных партизанских территорий, а это требовало создания там определенной системы управления. И было очевидно, что от того, какой будет эта система, в огромной мере зависит государственно-политическое устройство страны после изгнания оккупантов. Разумеется, КПЮ и объединенные вокруг нее революционно-демократические силы были против того, чтобы на свободных партизанских территориях произошло простое восстановление довоенных реакционных органов власти, и по мере образования освобожденных районов партия выработывает линию на создание народно-освободительных комитетов. Вместе с тем эта линия могла быть успешно проведена в жизнь именно в условиях, когда сама конкретная обстановка, сложившаяся в стране в результате оккупации и развернувшегося вооруженного восстания, делала совершенно неприемлемым восстановление старых органов власти в освобожденных районах. В областях с несербским населением была абсолютно неприемлема уже какая бы то ни было реставрация всего, связанного с прежней государственной структурой великосербского режима. В Сербии, где в 1941 г. была создана наиболее обширная свободная территория, местный административный аппарат довоенной Югославии в значительной части фактически включился в квислинговскую систему органов власти. Наконец, главное было в том, что восстание явилось результатом непосредственной активности самого народа в оккупированной стране, начавшего борьбу независимо от прежней, рухнувшей государственной структуры, представляемой эмигрировавшим королевским правительством, наоборот, даже вопреки призывам этого правительства воздержаться от развертывания борьбы. Вооруженное выступление против захватчиков развивалось в рамках создаваемой в процессе Сопrotивления боевой самоорганизации оставших масс. Естественно, что рождавшаяся в ходе восстания система организации жизни в освобожденных районах могла в этих условиях исходить лишь от самих масс, поднявшихся на борьбу.

Таким образом, именно курс КПЮ на равноправное содружество югославских народов и на создание народно-освободительных комитетов выступал в качестве единственной реальной альтернативы, удовлетворяющей потребности последовательного развития общегославской национально-освободительной борьбы. Но этот курс в то же время оказывался направленным на глубочайшее революционно-демократическое переустройство югославского общества с точки зрения как национально-государственной структуры, так и характера власти в освобожденной Югославии.

Такая направленность народно-освободительного движения крайне усиливалась тем специфическим обстоятельством, что в Югославии бур-

⁴² Это отмечает и Живкович: D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 62.

жуазный класс в целом, за исключением отдельных его представителей либо незначительных групп, не только практически не принял участия в освободительной борьбе и даже занял по отношению к ней враждебную позицию, но, в отличие от других стран, как активная организованная политическая сила почти весь связал себя с коллаборационистским лагерем, причем это касалось даже тех группировок, представленных прежде всего четническим движением, которые были заинтересованы в освобождении страны. Поддерживая политику четников, выступавших в качестве «королевской армии на родине», с подобной политикой оказывалось связанным и королевское эмигрантское правительство, входившее в антигитлеровскую коалицию. В итоге, во-первых, борьба против оккупантов и их пособников превращалась на практике и в борьбу с собственной буржуазией; во-вторых, в отличие от ряда других стран, в югославском Сопротивлении сложился лишь один, революционно-демократический лагерь в лице народно-освободительного движения, в котором КПЮ стала безраздельным руководителем в военном, политическом, организационном и даже идейном отношениях.

Соответственно, с одной стороны, КПЮ имела значительные возможности воздействовать в рамках национально-освободительной программы — минимум на ускорение создания народно-освободительных комитетов, на придание им характера подлинных органов власти сражающегося народа, действующих в интересах народа, прежде всего трудящихся слоев населения, на процесс организации комитетов в единую общенациональную систему, означавшую на деле постепенное складывавшуюся основу новой государственности, т. е. на то, чтобы в конечном счете, выражаясь словами Живковича, «через народно-освободительную борьбу, через борьбу против оккупантов осуществить перемену общественно-политической системы и обеспечить власть трудового народа»⁴³. С другой стороны, то обстоятельство, что освободительное движение целиком возглавлялось рабочим классом, политически представленным КПЮ, а буржуазия как политически организованная классовая сила вообще оказалась вне движения и даже во враждебном ему лагере, вело к еще большему усилению революционного характера комитетов. Во-первых, как абсолютный руководитель движения КПЮ полностью направляла всю их деятельность. Почти повсеместно секретарями народно-освободительных комитетов, непосредственно организующими повседневную практическую работу органов новой власти, являлись, как указывает Живкович, члены КПЮ⁴⁴. Во-вторых, за исключением краткого периода сотрудничества партизан с четниками осенью 1941 г., буржуазный класс в лице его группировок по сути не получал в системе повстанческой власти политического представительства, и сама эта система, как и вся борьба, также оказывалась направленной непосредственно против буржуазии. В результате новая, повстанческая власть на деле выходила за пределы даже самой широкой буржуазной демократии. Это была своеобразная революционная диктатура антифашистских национально-демократических сил народа, где главную роль играли трудовые массы, а пролетариат, политически представляемый компартией, был не только гегемоном, но и безраздельным руководителем всей системы власти.

Тем самым развертывавшаяся в ходе народно-освободительной борьбы югославская революция в двух важнейших элементах — с одной стороны, по объективно происходившему классовому размежеванию, с другой, по комбинации сил в новых органах власти — стала почти сразу приобре-

⁴³ D. Živković. Ibid., s. 244.

⁴⁴ Ibid., s. 241, 634.

тать черты, свойственные социалистической революции, а сама новая власть — черты основанной на широком классовом союзе диктатуры пролетариата⁴⁵.

Но если точка зрения, представляемая Д. Живковичем, констатирует сам этот факт, то она вряд ли может удовлетворить своим объяснением его причин. Живкович подчеркивает, что «народно-освободительная борьба не началась как классическая революция»⁴⁶, однако даваемый им анализ по сути сводит все именно к «классическому» варианту, не будучи, как мы видели, достаточно адекватным выражением специфики возникновения югославской революции в рамках борьбы за национальное освобождение. Рассматривая затем процесс дальнейшего развития революции и новой, революционной системы власти, Живкович также не уделяет необходимого внимания тому обстоятельству, что и после уже происшедшего в конце 1941 — начале 1942 гг. размежевания между массами, объединившимися в народно-освободительном движении, и буржуазным этническим лагерем выдвинутая КПО платформа, на которой строилось народно-освободительное движение по-прежнему оставалась общенациональной.

Правда, в югославской историографии отмечается, что в условиях острого, вооруженного размежевания с буржуазным классом, а также под влиянием распространившихся представлений о поражении фашизма в течение 1942 г. и об обострении вследствие этого противоречий внутри антигитлеровской коалиции между СССР и западными союзниками в политике КПО проявились на рубеже 1941—1942 гг. и некоторые иные тенденции. В частности, Д. Живкович, ссылаясь на письмо ЦК КПО Центральному комитету компартии Словении от 10 января 1942 г., говорит о стремлении партийного руководства внести в платформу народно-освободительного движения новые акценты, носившие классовый характер, выдвигая наряду с вопросом национального освобождения социальные проблемы, заостряя внимание на преимуществах социалистического строя, держа курс на ускорение классовой дифференциации и вступление во «второй этап» борьбы, подчеркивая роль КПО и усиливая рабоче-крестьянское ядро движения, развертывая агитацию за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, особенно сельской бедноты, и их объединение вокруг партии как выразителя интересов трудящихся⁴⁷. В югославской историографии отмечалось, что в той или иной степени эта тенденция проявилась в ряде других документов, направленных руководством КПО партийным организациям в Сербии, Черногории, Словении, Санджаке и т. д.⁴⁸ Но если это и влияло в какой-то мере на реальное изменение платформы народно-освободительного движения, то сам же Д. Живкович, склонный подчеркивать эти тенденции, констатирует, во-первых, что в упомянутых директивах ЦК КПО предупреждал, что по-

⁴⁵ Что же касается выдвигавшего Д. Живковичем, а также рядом других югославских историков в качестве критерия при определении характера революции и содержащая устанавливаемой в ее ходе власти еще и такого признака, как руководящая роль пролетариата и его партии (D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 611; J. M a r j a n o v i ć. Karakter, forme i specifičnosti..., s. 421; е го же. Ustanak i narodnooslobodilački pokret..., s. 433; P. M o r a ć a. Društveno-politička kretanja..., s. 30 и др.), то напомним о ленинской концепции возможности — и необходимости — гегемонии пролетариата и в непролетарской революции, что было наиболее полно обосновано В. И. Лениным в «Двух тактиках...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11).

⁴⁶ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 611.

⁴⁷ Ibid., s. 334—335.

⁴⁸ См., например: Ђ . В у ј о в и ћ. О лијевиm грешкама КПЈ у Црној Гори у првој години народноослободилачког рата. «Историјски записи», књ. XXIV, св. 1. Титоград, 1967, стр. 74—76. См. также «Зборник», т. I, књ. 2, стр. 253; т. III, књ. 1, стр. 371; «Zbornik», t. II, knj. 2, s. 141—145, 154—158, 192—193 и др.

добный курс не должен вести к сектантству, не означает отказа от объединения с теми, кто готов участвовать в борьбе за национальное освобождение, независимо от их политической ориентации и социального положения⁴⁹, а во-вторых, что уже в апреле 1942 г. партийное руководство, как он выражается, «смягчило» свою линию, «выдвигая вновь на первый план борьбу против оккупантов за национальное освобождение»⁵⁰.

Начиная с апреля, руководство КПЮ на протяжении ряда последующих месяцев решительно критиковало квалифицировавшиеся им как левосектантский уклон действия партийных организаций Черногории, Восточной Герцеговины, Далмации, Словении, Срема, связанные с представлением о переходе ко «второму этапу» борьбы, борьбы непосредственно за власть пролетариата, резко осуждая попытки форсирования дифференциации на социальной основе, придания народно-освободительному движению классового характера, излишнего подчеркивания роли КПЮ и т. п.⁵¹ Применив даже в ряде случаев организационные меры в отношении партийных и партизанских руководителей на местах, руководство КПЮ и народно-освободительного движения как в публичных заявлениях, так и в закрытых партийных документах энергично выступило за сохранение и упрочение общенациональной платформы борьбы, в основе которой по-прежнему, как подчеркивалось, лежали не классовые, социалистические цели, а в первую очередь задачи освобождения страны и необходимость сплочения, независимо от социальных и политических различий, всех патриотических сил, готовых бороться за осуществление этих задач⁵².

Некоторые югославские историки склонны связывать это главным образом или даже исключительно с причинами внешнего характера — с необходимостью для КПЮ учитывать позицию Коминтерна, существование антигитлеровской коалиции и т. д., в частности тот же Дж. Вуйович делает основной упор на влиянии Коминтерна⁵³. Несомненно, международные обстоятельства играли весьма важную роль в освободительной борьбе и народной революции в Югославии, и нельзя не согласиться с Д. Живковичем, когда он это подчеркивает⁵⁴. Но сводить все исключительно или преимущественно к этому едва ли верно, поскольку в таком случае совершенно упускалась бы, как и применительно к восстанию 1941 г., внутренняя специфика развития югославской революции.

Эта специфика и летом—осенью 1941 г. и весной 1942 г. заключалась в том, что столкновение масс, пошедших за КПЮ и объединившихся под ее руководством в народно-освободительном движении, с силами буржу-

⁴⁹ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 334. См. также «Зборник», т. I, кн. 2, стр. 253; т. III, кн. 1, стр. 367, 371; «Zbornik», т. II, кн. 2, s. 156—157, 192 и др.

⁵⁰ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 338.

⁵¹ См. «Zbornik», т. II, кн. 3, s. 354, 387; кн. 5, s. 50, 80—81, 134—135, 162—163, 275—276, 308—309 etc. Некоторые югославские историки, например Дж. Вуйович, в этой связи считают, что ряд представлений и установок, получивших распространение в упомянутых партийных организациях, в частности в Черногории, и подвергшихся критике ЦК КПЮ, был в определенной мере следствием названных выше предшествовавших директив руководства партии на рубеже 1941—1942 гг. либо их интерпретации (Ђ. В у ј о в и ћ. Там же, стр. 78, 79, 108—109). Ряд югославских авторов придерживается взглядов, что причиной было неправильное понимание директив ЦК КПЮ некоторыми партийными организациями, как, например, считает М. Миладинович (M. M i l a d i n o v i ć. Lenjinovo učenje u NOR-u i revoluciji naroda i narodnosti Jugoslavije. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1970, br. 3—4, s. 31—33).

⁵² См. «Zbornik», т. II, кн. 3, s. 354, 387; кн. 5, s. 25, 384—385; «Зборник», т. III, кн. 3, стр. 46, 49; Ј. Б р о з Т и т о. Говори и чланци, кн. I. Загреб, 1959, стр. 41—42, 46, 49, 66—67 и др.

⁵³ Ђ. В у ј о в и ћ. Там же, стр. 78, 91—93, 109, 111.

⁵⁴ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 637.

азного лагеря происходило, говоря словами Б. Зихерла, «не на фронте „чистой“ классовой борьбы, а на фронте борьбы народа против фашистской оккупации и национальной измены»⁵⁵. Сама конфронтация между противостоящими общественно-политическими силами, как неоднократно отмечалось в югославской историографии, практически развертывалась непосредственно на национально-освободительной основе, по линии «за» или «против» борьбы с оккупантами⁵⁶. Дело здесь заключалось не просто лишь в специфической форме развития революции, это была существенная черта самого механизма революционного процесса, вытекавшая из тех реальных условий, которые сложились в оккупированной Югославии и определили неразрывность социально-революционных и национально-освободительных задач.

В своих чрезвычайно интересных работах В. Джуретич весьма убедительно, на наш взгляд, подчеркнул, что вовлечение широких слоев народа в освободительную борьбу, приобретающую революционный характер, обуславливалось, особенно первоначально, прежде всего национальными стимулами, в то время как социальные, идейно-политические стимулы сплошь и рядом не играли определяющей роли, будучи даже оттесненными на второй план⁵⁷. И размежевание борющихся масс с буржуазией, выступившей против борьбы с захватчиками, было в значительной мере не столько результатом выступления этих масс против буржуазии как класса, как враждебного социального фактора, сколько скорее следствием того, что она как организующая сила сама поставила себя по другую сторону баррикад в качестве пособника оккупационного режима, т. е. национального предателя. Разумеется, и национальная измена буржуазии, и то, что именно КПЮ выступила последовательным борцом за освобождение, став организатором и руководителем освободительной борьбы, обуславливалось социальными причинами, а конфронтация между народно-освободительным движением и коллаборационистскими силами имела в конечном счете глубоко социальный смысл. Но если В. Джуретич прав, когда, имея в виду этот классово-политический смысл четнической линии и линии народно-освободительного движения, отмечает, что здесь «уже в 1941 году можно говорить о двух платформах — коммунистической и буржуазной», то он не менее прав, когда добавляет, что «они были только признаком верхов» и что даже после формирования двух названных военно-политических движений в их рамках действуют не только глубоко сознательные носители их политики, но и гораздо более отсталая масса, достаточно еще далекая от полного понимания и принятия их подлинных целей. В этой связи он справедливо указывает, что для этих масс, особенно в первых фазах освободительной борьбы, сама грань между двумя движениями, двумя классово-политическими линиями была еще достаточно зыбкой, чем вызывался даже переход со стороны на сторону, в частности, частичный отлив из партизанских рядов в конце 1941 — начале 1942 гг. в условиях временных успехов оккупационно-квислинговского режима и осложнения обстановки. «Путь революционизирования сознания масс, — заключает Джуретич, — был дольше политического определения и организационного конституирования разных политических течений»⁵⁸.

⁵⁵ Б. Зихерл. О некоторых особенностях социалистической революции в Югославии. «Октябрьская революция и пролетарский интернационализм». М., 1970, стр. 117.

⁵⁶ См., например: «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, стр. 356; Р. Мораца. О основним karakteristikama..., s. 13; В. Ђуретић. Neki elementi konstituisanja..., s. 271.

⁵⁷ См. В. Ђуретић. Карактеристике устанка..., В. Ђуретић. Neki elementi konstituisanja...

⁵⁸ В. Ђуретић. Neki elementi konstituisanja..., s. 282.

Участие масс в освободительной борьбе под руководством КПЮ и происходившая конфронтация между ними и буржуазией, вставшей на путь национального предательства, сами по себе сплошь и рядом еще не были адекватным выражением непосредственной готовности к радикальным общественно-политическим преобразованиям, тем более к решительному, принявшему форму вооруженного столкновения размежеванию с буржуазией как социальной силой. Даже та часть масс, которая следовала за КПЮ не только на базе бескомпромиссной национальной позиции коммунистов, но и сознавая в той или иной степени революционную направленность борьбы, воспринимала в значительной мере эту направленность не на чисто классовом основании, а в рамках осуществления насущных национально-освободительных задач. Показательно, что там, где коммунисты пытались, не считаясь с этими факторами, форсировать развитие событий, преждевременно придать объективно складывавшемуся размежеванию борющихся масс с буржуазией ярко выраженный классовый характер, заострить пролетарскую направленность борьбы, там возникали осложнения в рядах народно-освободительного движения. Так было как раз в первой половине 1942 г. в Черногории и ряде других областей, что признает и Д. Живкович, отмечающий, что, например, в Черногории такой «левый уклон» способствовал распространению влияния враждебных буржуазных группировок среди части масс уже в конце 1941 г. и что это было в полной мере использовано четниками в момент их усиления и временного поражения народно-освободительного движения в Черногории в 1942 г.⁵⁹ В этом, как видно из упомянутых документов руководства КПЮ весной — летом 1942 г. по поводу «левого уклона», заключалась одна из важнейших причин, по которой даже в условиях, когда уже происходило фактически размежевание и вооруженное столкновение борющихся масс не только с откровенно квислинговским, но и прозападным буржуазным лагерем в лице четнического движения, попытки подменить общенациональную платформу народно-освободительного движения классово-пролетарской были тем не менее по-прежнему признаны ошибочными и осуждены.

Таким образом, во-первых, позиция, занятая руководством партии и народно-освободительного движения еще в 1941 г., обуславливалась серьезными внутренними, а не только внешними причинами. Во-вторых, в ее основе лежало не только первоначальное стремление привлечь буржуазные группировки к сотрудничеству в освободительной борьбе, а прежде всего реальная обстановка, связанная с настроениями масс, со степенью их готовности принять цели революционного переустройства. Сама эта готовность являлась, соответственно, первостепенным фактором развития и характера революционного процесса. Между тем, если точка зрения, представляемая Д. Живковичем, особенно его концепция революционной ситуации, фактически трактует готовность масс к тому, чтобы национальная реконструкция строилась на принципах радикального общественного преобразования, на принципах социалистической революции и диктатуры пролетариата, как изначальный, отправной пункт, обуславливавший развертывание югославской революции, то в свете сказанного выше представляется более оправданным анализ, даваемый В. Джуретичем, который показывает, что такая готовность масс формировалась и получала более отчетливый характер постепенно в ходе самой борьбы, под влиянием ее логики.

В своем исследовании В. Джуретич рассматривает развитие борьбы как «классово-политическое конституирование социалистической революции», прошедшее три основных этапа: на первом, который обозначен раз-

⁵⁹ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 239, 242, 252—253, 633.

делением на антифашистские, антиоккупационные и профашистские, прооккупационные силы и их конфронтацией, и втором, который обозначен дифференциацией внутри антиоккупационных и прооккупационных сил и в основном завершается в 1943 г., непосредственной основой размежевания и столкновения служит отношение к оккупантам; третий этап обозначен идеологической, классово-политической поляризацией, т. е. за или против социалистической ориентации⁶⁰. Можно соглашаться либо не соглашаться с теми или иными конкретными моментами этой схемы, но вряд ли есть достаточно весомые аргументы, опровергающие то обстоятельство, что революционизация, социальная радикализация масс, темпаче их готовность к классовому выступлению против буржуазии в большой мере складывались уже в ходе самой борьбы и что это был один из важнейших элементов, определявших те практические задачи, которые могли быть выдвинуты на каждом этапе революционного процесса. Таких аргументов не выдвигает и Д. Живкович. Более того, в заключительной главе своей работы он, вступая в сущности в противоречие с собственными утверждениями, делает вывод, что КПЮ шла к осуществлению в рамках освободительной борьбы своей максимальной революционной программы через этапные программы-минимум, которые он сравнивает с программой-минимум нашей партии и которые содержали «те требования и те лозунги, которые в данный момент больше всего отвечали массам, включая сюда и ту часть, которая не была за социалистическую революцию»⁶¹.

Противоречивость, которая, на наш взгляд, свойственна трактовке революционного процесса, даваемой Д. Живковичем, в определенной мере отражает, пожалуй, своего рода противоречивость в развитии самого этого процесса: реально развернувшаяся почти с самого начала освободительной борьбы острая, превратившаяся в вооруженное столкновение конфронтация между народно-освободительным движением и силами югославской буржуазии как бы обгоняла в течение определенного времени непосредственные задачи борьбы, выражавшиеся платформой народно-освободительного движения, и конкретные возможности революции, связанные с готовностью масс, постепенно развивавшейся в направлении все более определенной классово-политической ориентации. Происходило то, что, если позволительно так выразиться, можно было бы охарактеризовать как своеобразный самообгон революции.

Видимо, целесообразно было бы в этой связи и некоторое уточнение упомянутой выше формулы Д. Живковича о характере народно-освободительных комитетов. Как мы уже отмечали, по объективно происходившему классовому размежеванию и обусловленной им комбинации сил в новых органах власти комитеты действительно очень быстро приобрели черты диктатуры пролетариата, основанной на широком классовом союзе. Но правильно ли ограничиваться лишь этой констатацией вне учета того, каким образом складывалось такое положение на первых этапах развития революционного процесса, вытекало ли оно прямо из непосредственных задач и возможностей революции, характера народно-освободительного движения и той платформы, на которой массы следовали за ним на данных этапах? Надо ли оставлять без внимания, что несомненная революционность новой власти, которая, как справедливо подчеркивает Живкович, развивалась как антитеза прежней буржуазно-монархической Югославии

⁶⁰ См. V. Đuretíć. Neki elementi konstituisanja..., s. 271, 274, 281—282. При этом он оговаривается, что берет эти этапы «как условные координаты» и что «они не могут быть ясно разграничены, многие их элементы взаимно переплетаются» (ibid., s. 271).

⁶¹ D. Živković. Ibid., s. 632.

и движению Михайловича⁶², вместе с тем сама по себе не означала сразу же, с момента создания комитетов, исключения представительства в них буржуазных сил? Сам Живкович, как и другие югославские историки, отмечает, что в период временного сотрудничества партизан с четниками осенью 1941 г. четнические представители в некоторых районах входили в комитеты, причем на паритетной основе, и лишь после выступления Михайловича против народно-освободительного движения это участие четников в комитетах автоматически прекратилось⁶³. Все эти вопросы требуют, очевидно, дальнейшего продумывания и исследования. Во всяком случае, если революционный процесс в Югославии развивался как постепенное «классово-политическое конституирование социалистической революции», то соответствующее классово-политическое развитие создававшейся в ходе революции народной власти не находит отражения в формуле о неизменности существа и характера народно-освободительных комитетов с момента их появления в 1941 г. и до конца войны.

Означает ли сказанное выше, что может быть подвергнут хоть малейшему сомнению социалистический характер югославской революции и созданной ею народной власти? На наш взгляд, никоим образом. Не подлежит никакому сомнению, что как единый, непрерывный процесс югославская революция по своей общей направленности и конечным результатам носила социалистический характер, а установленная революционной борьбой югославских народов новая власть утвердилась как диктатура пролетариата. Этот общественно-исторический факт, с нашей точки зрения, не является и не может являться предметом научной дискуссии. Предметом научного исследования является другое — анализ того, как развивалась революция, анализ механизма революционного процесса. Процесс же этот, весьма протяженный во времени, был далеко не однозначен, ему были свойственны не только огромное разнообразие форм, не только непрерывные количественные изменения, но и глубокое качественное развитие. И естественно, что в ходе исследования могут возникать несколько различные оценки конкретных параметров революционного процесса в тех или иных его фазах, как это имеет место в югославской историографии. Нам представляется, в частности, что в ряде оценок работе Д. Живковича свойственна известная статичность в рассмотрении революции, вследствие чего упускаются из вида существенные элементы ее классово-политической динамики.

Здесь некоторым образом отразились реальные сложности в исследовании столь многогранного и своеобразного в своем конкретно-историческом развитии явления, каким была югославская революция, сложности, в значительной части связанные, очевидно, как раз с тем, что почти с самого начала и до конца освободительной борьбы размежевание сил претерпевало преимущественно количественные изменения, выражавшиеся в соотношении масс, выбиравших между двумя лагерями, в то время как разграничение самих лагерей оставалось тем же. И хотя перемены в количественном соотношении были неотделимы от последовательного качественного углубления процесса революции, от ее классово-политического конституирования как революции социалистической, последнее в большой мере протекало в идейно-психологическом плане, в плане развития пациональных и национально-демократических устремлений масс, шедших в рядах народно-освободительного движения или постепенно приходявших к нему, наполнения этих устремлений все более определенным социальным содер-

⁶² Ibid., s. 622—624.

⁶³ Ibid., s. 195; см. также: J. M a r j a n o v i ć. Ustanak i narodnooslobodilački pokret..., s. 232.

жанием и, пользуясь формулой В. Джуретича, идейно-политического перевоспитания сил, объединявшихся вокруг КПЮ, до степени принятия ими революционных концепций⁶⁴. Между тем эта сторона революционного процесса в наименьшей степени затрагивалась в историографии, что вполне понятно, поскольку подобного рода социально-психологические аспекты, как уже отмечалось в югославской литературе, вообще в наименьшей степени и с наибольшим трудом поддаются сколько-нибудь точному анализу⁶⁵. Причем трудности исследования динамики революционного процесса в плане развития народной власти усугубляются тем, что вследствие неизменности принципиального размежевания комбинация сил в системе новой власти также оставалась почти неизменной.

Важную роль мог бы здесь, очевидно, сыграть глубокий сопоставительный анализ упоминаемых Д. Живковичем этапных программ-минимум, поскольку они должны были отражать ту реальную ступень, на которую в каждый данный момент поднималась революционная борьба. И сам Живкович отмечает некоторые чрезвычайно важные моменты, характеризующие то, как по мере неуклонной революционизации масс, по мере их политической и социально-классовой радикализации⁶⁶, усиливавшейся и систематически направлявшейся под воздействием КПЮ, партия и руководство народно-освободительным движением, сообразуясь также с развитием международной обстановки, постепенно все более отчетливо выдвигали задачи борьбы против всяких попыток восстановить после освобождения старые порядки, задачи создания совершенно нового народно-демократического федеративного государства, вкладывая в выдвигаемый лозунг борьбы за новую Югославию все более глубокий общественно-политический смысл. Это, например, — смена лозунгов осенью 1942 г., когда была снята выдвинутая первоначально в восстании 1941 г. формула о временном характере народно-освободительных комитетов и было заявлено о невозможности возвращения какой-либо старой власти; это — образование АВНОЮ и его исполкома, представлявших собой зачаток высших органов народной власти⁶⁷. Но фиксируя, что эти явления означают качественное изменение в развитии народной власти и самого революционного процесса, Живкович не дает достаточно дифференцированной характеристики и четкого сопоставления конкретного, применительно к определенной фазе революции, классово-политического значения каждого из них. Здесь тоже находят отражение объективные сложности подобного исследования, связанные с той специфической чертой самой революции, что углубление непосредственного социально-политического содержания программ-минимум, выражавших последовательное развитие революционного процесса, происходило преимущественно не в «чистых» классовых, а национально-демократических формах.

Характерно, например, что решения II сессии АВНОЮ базировались на национально-демократической платформе без каких-либо социально-классовых определений⁶⁸. Показательно, что даже на завершающем

⁶⁴ V. Đurčić. Neki elementi konstituisanja..., s. 283.

⁶⁵ См., например: N. Bajić, R. Hurm. Prilog izučavanju socioloških i društveno-psiholoških pojava kao faktora zbivanja u narodnooslobodilačkom ratu. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, br. 4.

⁶⁶ Ее отражением был и рост самой КПЮ, в которую во время войны вступило почти 180 тыс. человек — в 15 раз больше ее довоенного состава, и Союза коммунистической молодежи, увеличившегося с 30 тыс. членов в 1941 г. до 300 тыс. в 1945 г.

⁶⁷ См. D. Živković. Ibid., s. 350—353, 636—642. Важнейшим моментом такого рода было остающееся уже за хронологическими рамками монографии конституирование революционной власти в новую государственность на II сессии АВНОЮ.

⁶⁸ См. «Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии». М., 1956, стр. 91—104.

этапе революции, когда с полным и окончательным изгнанием оккупантов осенью 1944 — весной 1945 г. проблема национального освобождения была решена, осуществление прямых социалистических целей не только в политической, но и в социально-экономической сфере в течение некоторого времени по-прежнему не сопровождалось, как правило, выдвиганием непосредственно социалистических лозунгов⁶⁹. Так, прямой или косвенный коллаборационизм подавляющей части буржуазии позволил осуществить фактическую национализацию основных средств производства путем конфискации и секвестра собственности изменников и отсутствующих лиц, т. е. в виде общедемократических мер наказания за национальное предательство. Это позволяло, во-первых, избежать ряда внешнеполитических трудностей, связанных с позицией западных союзников в условиях заключения соглашений Тито — Шубашич, а во-вторых, более безболезненно и успешно вовлечь в решение социалистических задач широкие мелкобуржуазные и крестьянские массы, включая и тех, кто испытывал еще известные колебания перед открыто социалистическими лозунгами, но чьи национальные и демократические устремления в результате изменений, происшедших в годы войны, стали практически совпадать с социалистическими целями. При этом, однако, в публичных выступлениях руководителей и видных работников КПЮ и народного государства, в программе Народного фронта, принятая в июле 1945 г., практически разъяснялся подлинный социальный смысл проводившихся мероприятий, подчеркивалось, что речь идет по существу об отрицании капиталистической системы, что Югославия пойдет по тому же пути, по которому пошел СССР, что конфискация и секвестр на деле означают национализацию, что основой народно-демократического строя является не только политическая власть трудящихся, но и сосредоточение в их руках материальных средств власти⁷⁰. А к концу 1945 г. начал открыто фигурировать и термин «социализм»⁷¹.

Мы остановились здесь на некоторых, на наш взгляд, существенных проблемах исследования революции и становления народной власти в Югославии, привлекающих внимание в связи с вышедшими в последние годы работами югославских историков. Нам представляется, что югославская историография добивается тут значительных и интересных результатов как в постановке ряда важных вопросов, так и в их научном решении. Это касается, в частности, и затрагивавшихся в данном случае в наибольшей мере работ Д. Живковича, П. Морачи, В. Джуретича. Возникновение же различных точек зрения по тем или иным из рассматриваемых проблем вполне естественно, а их сопоставление и творческое, конструктивное обсуждение неотделимо от той систематической и глубокой разработки, которая только и может в итоге привести к необходимому уровню научного осмысления всего круга исследуемых вопросов.

⁶⁹ См. подробнее: В. Ретрановић. *Političke i pravne prilike...*; е го же. *Politička i ekonomska osnova...*; Л. Я. Гибанский. Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 гг. «Советское славяноведение», 1967, № 1; е го же. Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 — январь 1946). «Советское славяноведение», 1968, № 3.

⁷⁰ См. Е. Кардель. *Пут нове Југославије. 1941—1945.* Београд—Загреб, 1946, стр. 114—118; «Основна програмска начела Народног фронта Југославије». «Борба», 8 VIII 1945; В. Б е г о в и ћ. Развој индустрије Југославије и њена улога у нашој привреди. «Тридесет дана», 1945, № 1 и др.

⁷¹ См., например: Е. Кардель. Там же, стр. 201.

В. А. ДЬЯКОВ

ЭДВАРД ДЕМБОВСКИЙ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выдающемуся сыну польского народа Э. Дембовскому (1812—1846) посвящено немало исследований, но он рассматривается в них главным образом как философ и литератор¹. Революционная же деятельность Дембовского изучена еще слабо и преимущественно в связи с Краковским восстанием 1846 г. Что касается причастности Дембовского к революционному подполью до его отъезда из Варшавы летом 1843 г., то она либо декларируется, но почти не обосновывается фактами, либо оцепивается с более или менее скептических позиций. Литература в целом пока что создает впечатление, что в 1842—1843 гг. Дембовский, будучи идейным вождем демократического направления в польском освободительном движении, активного участия в конспиративной деятельности не принимал.

Сложившееся представление объясняется прежде всего узостью источниковедческой базы для исследования. Архивных материалов, сколько-нибудь подробно освещающих данный круг вопросов, до сих пор не было обнаружено. Кое-какие сведения имеются, правда, в мемуарных источниках, например у Паулины Вильконской² и особенно в воспоминаниях Генрика Каменского³. Однако содержащиеся в них сведения далеко не так полны, как хотелось бы. Вильконская жила в среде литераторов, близких к Дембовскому, и в этом смысле ее воспоминания весьма содержательны; конспиративные же контакты явно оставались вне поля зрения мемуаристики.

Каменский был ближе Дембовскому. Они были двоюродными братьями и друзьями детства. До определенного момента их идейно-политические взгляды, вероятно, не очень расходились, но в 1842—1843 гг. Дембовский стоял уже на значительно более демократических и радикальных позициях. Каменский был вовлечен Дембовским в конспиративную деятельность, но ему удалось остаться вне поля зрения карательных органов царского правительства во время арестов 1843 г. Представ перед Варшавской следственной комиссией в ноябре 1845 г., Каменский был наказан лишь высылкой на жительство в Вятскую губернию на три года. Отчасти это объясняется неосведомленностью следствия, а отчасти тем, что на допросах Каменский «решительно и упорно во всем заперся, а действия его, хотя и обнаруживают явно вредный образ мыслей, но так искусно укрыты, что

¹ См., в частности: И. С. Н'я р с к и й. Мировоззрение Э. Дембовского. Из истории польской философии XIX в. М., 1954; L. P r z e m s k i. Edward Dembowski. Warszawa, 1953; J. Ł a d y k a. Dembowski. Warszawa, 1968.

² P. W i l k o ņ s k a. Moje wspomnienia o życiu towarzyskim w Warszawie. Warszawa, 1959, s. 34, 179, 193.

³ H. K a m i e ņ s k i. Pamiątki i wizerunki. Warszawa, 1951.

убедительных доводов и улик к точнейшему обвинению его отыскать было невозможно»⁴.

После подавления Краковского восстания 1846 г. царская полиция, получив некоторые дополнительные сведения о Каменском от своих австрийских партнеров, попыталась добиться от него каких-либо признаний. Для этого III отделение послало в Вятку своего штаб-офицера, однако его поездка осталась почти безрезультатной. Каменский подтвердил наличие статей, опубликованных на страницах «Библиотеки варшавской» и издававшегося Дембовским «Пшеглэнда наукового», но заверил, что он «никогда не имел намерения сказать что-либо оскорбляющее правила порядка и морали»⁵. От авторства известного произведения «О жизненных истинах польской нации», изданного за границей под псевдонимом «Филарет Правдовский», он категорически отказался. Знакомства и дружбы с Дембовским Каменский, естественно, не отрицал, но ни в чем сверх того не сознался: «Эдварда Дембовского я знаю с его раннего детства, но никаких непозволительных отношений с ним не имел»⁶.

Воспоминания Каменского, написанные им в 1852—1853 гг., т. е. сразу же после выезда за границу, содержат вполне откровенный и довольно подробный рассказ о связях Дембовского с революционным подпольем. Однако даже по тексту воспоминаний видно, что осведомленность их автора в этом вопросе далеко не исчерпывающая. Кроме того, следует учитывать, что Каменский освещает факты с позиций человека, не верящего в целесообразность восстания и осуждающего конспиративную деятельность вообще. Тем не менее воспоминания Каменского до сих пор являлись важнейшим и фактически единственным источником по рассматриваемой теме.

Ныне источниковедческая база существенно расширилась. Автору этих строк удалось обнаружить подлинное судебно-следственное дело о варшавской организации «Содружества польского народа», разгромленной в июле 1843 г. Дело это состоит из четырех объемистых томов, насчитывающих в общей сложности около двух тысяч листов⁷. В деле находятся собственноручные показания всех привлеченных к ответственности лиц, изъятые у них письма и бумаги, судебно-следственная переписка и многие другие материалы. Они содержат массу новых данных не только о программе и практической деятельности названной конспиративной организации, но и о непосредственном участии в ней Дембовского, который многократно упоминается в документах. После завершения следствия Дембовский, наряду с Гервасием Гзовским, Адамом Гроссом, Владиславом Венцковским, Александром Карпинским и Александром Денкером, был отнесен к числу главных виновников. В обвинительном заключении эти лица фигурировали как «зачинщики в приготовлении мятежа ..., принимавшие полное участие в заговоре и распространявшие между знакомыми демократические правила» (т. II, л. I).

Таким образом, для изучения конспиративной деятельности Дембовского мы располагаем теперь как мемуарными, так и документальными источниками. И те и другие имеют свои недостатки. Каменский, вероятно, высказал все, что знал, но поле зрения его было ограниченным. Арестованные конспираторы (прежде всего Карпинский, Венцковский, Гросс) знали гораздо больше, но их показания не могли быть и не были полно-

⁴ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1286, оп. 9, 1846 г., д. 1092, л. 1—2.

⁵ Там же, л. 9.

⁶ Там же.

⁷ Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ф. 16233, оп. 3/29, д. 82, т. 1—4. В дальнейшем ссылки на это дело будут даваться непосредственно в тексте.

стью откровенными. Однако наличие двух видов источников уже само по себе открывает богатые возможности. Какие же новые факты содержатся в обнаруженных источниках, что дает их критическое сопоставление с воспоминаниями Каменского?

Наиболее подробные сведения о конспиративной деятельности Дембовского содержатся в показаниях люблинского адвоката Александра Карпинского. Близкий к С. Морозевичу, А. Белинскому, А. Валецкому и некоторым другим «свентокшижцам», Карпинский стал приверженцем демократических идей еще в гимназические годы. Многие из сочинений Дембовского Карпинский знал раньше, но лично познакомился с ним только в 1843 г. В показаниях Карпинского говорится: «Я находил в нем много способностей, а о хорошем нраве слышал давно. Мне понравились старания его ознакомить край наш с философией, о которой мало кто у нас слышал. Потому я старался подружиться с ним или по крайней мере познакомиться. И для того именно послал в редакцию статью, написанную Голуховским о философии; редакция, поместив статью в журнале. <...>, объявила мне, что Дембовский лично поблагодарит меня. С Дембовским я имел и другие литературные сношения, и потому мы познакомились ближе. С тех пор я имел к нему не только совершенное уважение, которое он вполне заслуживал, но и неограниченное доверие. И начал еще более трудиться над собою, дабы в случае чего-нибудь с помощью его иметь кусок хлеба от литературы. <...>. От знакомства перешло между нами некоторым образом к дружбе, которой я так давно искал и которую нужно было поддерживать» (т. I, л. 115—116).

Карпинский не скрывал перед следствием, что его беседы с Дембовским не ограничивались литературными темами, что особую заинтересованность собеседников вызывал, в частности, крестьянский вопрос. «Дело шло тогда, — рассказывает Карпинский, — об очиншевании крестьян. Мне казалось, что все почти пишут глупости, что это не имеет никакого основания. И потому я хотел написать это исторически, но мне недоставало материалов к тому. Впрочем, не имел и времени, и написавши несколько слов, бросил. Я высказал, однако ж, Дембовскому мысль свою и он одобрил таковую» (т. I, л. 115).

Первая встреча Дембовского с Карпинским произошла, судя по показаниям последнего, в Варшаве в первой половине 1843 г. (более точная датировка пока невозможна). Второй раз они встретились в Люблине, куда Дембовский приехал в начале лета того же года. Дембовский, говорится в показаниях Карпинского, — «сообщил мне, что в Варшаве существует якобы какой-то заговор и что он в этом отношении имеет совершенно верное донесение. <...>. Поэтому я сказал ему, что сам поеду в Варшаву и буду стараться разведать об оном, но вовсе не имел намерения принять участие в нем, если бы таковой существовал» (т. I, л. 116). Поездка Карпинского оказалась безрезультатной и, возвратившись, он убеждал Дембовского, чтобы тот «сам лично удостоверился и обо всем уведомил его, — а тогда уже я знал бы, что делать с собою и как сделать, ибо не зная, что делается в Варшаве, мы совершенно как со связанными руками. Это происходило в конце июня и в начале июля месяца» (т. I, л. 117).

О дальнейшем Карпинский рассказывает следующее: «В половине июля месяца Дембовский вторично приехал в Люблин вместе с женою. Был у меня и..., начал опять речь о вещах политических, говорил много о Княжестве Познанском, о Галиции: что там дела в весьма хорошем положении; что имеет оттуда верные сведения, что там все в готовности и только ожидают Царства Польского; что сами начинать не хотят, ибо нужно, чтобы мы восстали все вместе; что если мы и не восстанем, то все, однако же, пойдет своим путем и успех несомнителен, ибо, будучи теперь в Варшаве, он уз-

нал с достоверностью, что там есть сильнейший заговор между ремесленниками, которые решаются на все, хоть бы ни одной живой души не оставалось в Царстве; что они сами, своими силами начнут и продолжать будут оное; что это должно последовать в исходе августа; что потому и мы не должны оставаться в бездействии, а напротив того должны помочь им всеми силами» (т. I, л. 117—118).

На следующий день Карпинский рассказал о разговоре с Дембовским еще Александру Белинскому. Тот не очень поверил услышанному и потребовал встречи с Дембовским. О ней Карпинский показал: «Что говорил Белинский с Дембовским и чем кончился их разговор — не знаю, ибо я при этом не находился. Дембовский говорил мне только, что Белинский хочет послать Гросса, чтобы он старался в Варшаве вступить как-нибудь в заговор ремесленников, разузнать все хорошо и тогда уведомить нас о цели, силах и средствах оного. Ибо если бы это не было восстание целого народа, то и нам следовало бы сидеть спокойно, в противном же случае мы должны участвовать наравне с другими, наравне с целым народом. Дембовский говорил мне также, что если бы даже Варшава и не восстала в августе месяце, то все однако же весною надобно ожидать чего-нибудь. На это я отвечал ему, что насчет восстания весною я так и думал. Ибо, судя по положению вещей вообще в Европе, кажется, что так долго не продолжится, что малейший откуда-нибудь ветерок, малейшая искра, и произойти может большой пожар, а тем самым, что восстание весной — правдоподобно и легко бы можно привести оное в исполнение. Но если вещи в таком положении, то оно и без того само по себе последовать должно» (т. I, л. 118—119).

Последующие встречи Карпинского и Дембовского происходили в Варшаве. О разговоре во время одной из них в показаниях Карпинского читаем: «...Я сказал Дембовскому, что был у Гросса и виделся с ним. А он отвечал мне, что Гросс делает глупости. Я спросил: „Какие глупости?“ Он отвечал: „Вместо того, чтобы самому ему заняться разведыванием насчет ремесленников, он поручил это другим, а сам намерен, кажется, учредить какой-то новый заговор. Он имеет здесь большое знакомство; предлагал мне составить здесь какую-то Централизацию из нескольких человек, которая бы распорядилась всем делом, все бы устроила, обдумала средства, словом, чтобы приняла на себя власть начальственную“. Я спросил: „На какое время Гросс все это распределил?“ Что [именно] Дембовский ответил мне на это, — не помню. Я спросил потом: „Какие же лица имеют составлять эту Централизацию?“ Дембовский отвечал, что по назначению Гросса: „Ты, я, Гросс, Белинский, Венцковский и Дзвонковский“» (т. I, л. 122—123).

На следствии Карпинский показал, будто варшавского адвоката Владислава Венцковского и молодого помещика из окрестностей Варшавы Владислава Дзвонковского он ранее не знал. О своем участии в «централизации» Карпинский, по его словам, высказался отрицательно и заверил Дембовского, что Белинский также от такого дела уклонится.

Дембовский сначала, по словам Карпинского, занял по отношению к проекту Гросса не очень твердую позицию: «Я согласился на его предложение. Но когда ты говоришь, что это глупость, то и я скажу ему прямо, что не хочу никакой Централизации». Карпинский якобы отвечал: «Ты опять сделаешь дурно, ибо Гросс не так легко отступит от своего предприятия и мы ничего не сделаем с ним» (т. I, л. 123).

Карпинский был неплохим конспиратором и опытным юристом. Понимая, что следственную комиссию не убедит простое отрицание фактов, известных многим и потому легко поддающихся контролю, Карпинский выдвинул версию о том, что они с Дембовским, опасаясь упрямства Гросса,

приняли его план на словах, но вовсе не собирались осуществлять его на деле. Соответственно Карпинский уверял следствие, будто они всячески «охлаждали» Гросса, будто старались устранить его, торопя с отъездом в Люблин. Но сообщаемые ими же детали опровергают защитную версию и показывают, что споры были, однако речь шла вовсе не об охлаждении горячих голов, а об уточнении предложенного Гроссом плана и о распределении функций между конспираторами.

На следующее утро после разговора с Дембовским Карпинский, судя по его показаниям, отправился к Гроссу: «...Вскоре пришел туда и Дембовский. И тогда я сказал Гроссу, что вчерашний мой разговор с ним я пересказывал Дембовскому и что он одного мнения со мною. Дембовский же отозвался: „Так эту Централизацию будут составлять, как говорил Карпинский,— ты, я, Карпинский...“ и начал перечислять всех. Гросс, покрасневши, отвечал на это голосом робким и несмелым: „Я — нет“. Дембовский опять отозвался: „Как!? Ты не будешь, то и я не буду и никто из нас. Ты первый подал эту мысль, ты же и наилучше приведешь ее в исполнение“. Гросс отвечал: „Если так, то хорошо, я займусь Люблинской губернией (и еще чем-то, не помню чем именно); Карпинский возьмет Царство Польское, ты — Княжество Познанское“, Дзвонковского и Венцковского также предназначал куда-то, но куда кого, хорошо не помню» (т. I, л. 126—127).

Как видно из приведенной цитаты, версия, предложенная Карпинским на следствии, не выдерживает проверки. Во всяком случае, следственная комиссия этой версии не поверила, хотя опровергнуть ее не смогла, так как показания допрошенных участников событий были довольно согласованными. Почему так получилось — неизвестно, но сам факт зафиксирован любопытной пометой на полях показаний Карпинского, сделанной, вероятно, многоопытным председателем следственной комиссии сенатором А. Я. Стороженко: «Разбирая и сличая показания преступников, видим в них не только одинаковые мысли и выражения, но даже и слова; и я готов поклясться, что все они, или по крайней мере главные, были в сношениях, содержась в Цитадели! Или же, может быть, потому что им давали прочитывать показания других. Это ошибка и ошибка важная, затемнившая дело!» (т. I, л. 127).

По сравнению со свидетельствами Карпинского другие показания выглядят бледнее, но и они заслуживают пристального внимания, ибо подтверждают и дополняют уже приведенные сведения. Начнем с показаний А. Гросса. Его, как говорилось выше, Дембовский и Карпинский решили послать в Варшаву для установления связей с ремесленниками. Содержание их разговора с Белинским, который был инициатором такой поездки, Гросс изложил следующим образом: «Белинский говорил мне: что по настоятельной их просьбе, чтобы не отказывать в содействии столь священному делу, он почти согласился на их требование, но решительного обещания не сделал, требуя, чтобы прежде всего я был извещен об этом; что я, прибывши в Варшаву, где имею много знакомых, скорее разведу об этом заговоре; что он полагает, что, будучи по наружности своей более похож на ремесленника нежели Дембовский, я скорее нищу доверие их и уговорю воздержаться от этого безумного замысла, если они действительно имеют такое намерение. После того сказал мне: „Поезжай и посмотри, что это такое, а потом будем знать, что делать“. Имея и без того ехать в Варшаву, я охотно согласился на это, тем более что эта вовсе неожиданная новость заняла меня чрезвычайно. Сверх того, это немало льстило моему самолюбию, что я употреблен к такому делу» (т. I, л. 225—226).

Приехав в Варшаву, Гросс в течение нескольких дней безуспешно пытался установить связь с заговорщиками из ремесленников, затем решил

прекратить поиски до приезда в Варшаву Дембовского и Карпинского. Подробно описывая последующие встречи, Гросс между прочим подтвердил, что мысль о создании «централизации» была высказана им и сразу же подхвачена Дембовским. Когда дело дошло до конкретных персоналий, Дембовский, по словам Гросса, — «начал считать себя, Карпинского, меня. Я отозвался: „Позвольте! Я не хочу, я не имею ни значения, ни влияния, ни способностей к тому“. Дембовский отвечал: „Это не поможет — ты должен принадлежать; ты подал мысль, это твоё произведение и потому ты уже связан“» (т. I, л. 230). В конце концов Гросс согласился и предложил еще привлечь своего школьного товарища — Владислава Дзвонковского, которому был послан вызов в его имение под Варшавой.

Результаты разговора, продолженного на следующий день, Гросс резюмировал так: «Напоследок решение было, что Дембовский поедет в Княжество Познанское; Карпинский брал на себя все Царство Польское, которое, как оказалось со слов Карпинского же, вовсе не было приготовлено и не думало о восстании. Мне дали Люблинскую губернию. Дзвонковскому, которого тогда не было еще, назначали Подляскую, а Венцковскому — Варшаву» (т. I, л. 232).

Следующий этап переговоров проходил уже с участием Дзвонковского. Вот как он описан у Гросса: «Прибыл и Дзвонковский. Я представил его Дембовскому также в квартире Венцковского. Это было пополудни. Дзвонковский, как я и ожидал, наиболее противился всему этому. Наиболее спорил с ним Карпинский; Дембовский — также. И один другому до самого вечера уступить не хотели» (т. I, л. 233). В конце концов согласие было достигнуто; решили, что назавтра все выедут из Варшавы (л. 234).

Такова относящаяся к Дембовскому часть показаний Гросса. Очевидно, что в своей фактической основе показания совпадают со свидетельствами Карпинского, а кроме того, дают немало дополнительных деталей. Гросс всячески старается создать впечатление, что он был не очень активным в практической деятельности и менее радикальным в идеологии, чем другие конспираторы. Причина этого лежит на поверхности. Гросс хотел, насколько это возможно, выгородить себя и добиться снисхождения.

Александр Денкер, арестованный первым, дал столь откровенные показания, что ему было значительно снижено наказание, а впоследствии выплачивалось даже пособие⁸. Однако он был осведомлен меньше других, и потому его показания о Дембовском малоинтересны. В начале августа 1843 г. сразу же по приезде Денкера из Литвы Гросс познакомил его с Дембовским; это произошло в квартире Венцковского. «Дембовский, — говорится в показаниях Денкера, — спрашивал меня обо всем, и я рассказал ему. <...> Дембовский сказал потом: „И у нас хорошо; вскоре начнем. Когда же вы думаете ехать в Литву?“ Я отвечал: „Не прежде как в начале сентября сего года“» (т. I, л. 349).

Александр Белинский был осведомлен лучше Денкера, но показания его весьма и весьма уклончивы. Не имея возможности отрицать контактов с Гроссом и Дембовским⁹, он изображал свою позицию предельно скептической, старался доказать следователям, что он думал исключительно о пресечении намечавшихся конспираторами планов. Белинский, по его словам, всячески уговаривал их оставить «мятежнические замыслы», хотя и не решился объявить о них властям. А. Я. Стороженко прокомментировал

⁸ См. ЦГВИА, ф. I, оп. 1, д. 15644, л. 1—5.

⁹ Знакомство с Карпинским Белинский отрицал. Против соответствующего места показаний председателем следственной комиссии сделана помета: «Спрашиваю всех вообще и каждого в особенности, не вздор ли шипит Белинский, что он вовсе не знал Карпинского, посмел ли бы сей последний ни с того, ни с сего предложить ему о мятеже?!» (т. I, л. 432).

вал это место показаний следующим образом: «А почему? Тебе угрожала опасность, следовательно, должен был объявить. Но ты сего не сделал потому, что разделял умысел о мятеже. Дело ясное» (т. I, л. 434).

Большая часть показаний Белинского о Дембовском выдержана в том же духе, но факты то там, то здесь опровергают его слова. Изображая себя решительным противником планов Дембовского, Белинский все-таки пошел к Гроссу, передал ему просьбу о поездке в Варшаву и добился его согласия (л. 437). После этого, заявляет Белинский, он отстранился от всего и прекратил сношения с конспираторами. Однако из его же собственных показаний явствует, что он не только интенсивно переписывался с Гроссом («Со времени выезда Гросса я получил несколько записок, ибо письмами назвать оных не могу» — л. 438), но и поспешил в Варшаву, где занимался вовсе не хозяйственными, а конспиративными делами. Противоречий подобного рода у Белинского так много, что комментатор из следственной комиссии снова не выдержал и на полях написал: «Все ложь, тысячу раз ложь!» (т. I, л. 539).

Владислав Дзвонковский дал обширные, но уклончивые показания. Не случайно они пестрят раздраженными пометами А. Я. Стороженко. Сенатор возмущался неискренностью Дзвонковского, но был лишен возможности что-либо предпринять, поскольку допрос начался в его отсутствие и обвиняемому предварительно прочитали показания Гросса. «Для чего было читать и предварять Дзвонковского? — возмущался Стороженко. — Не так следовало бы с ним поступить и тогда вина его обнаружилась бы» (т. I, л. 694).

Одним из наиболее ценных мест в показаниях Дзвонковского представляется изложение сделанного Гроссом пересказа отчета Дембовского о его контактах с ремесленниками. Вот как оно выглядит: «У Дембовского бывал, якобы, часто какой-то столяр, который всегда твердил ему, что не может быть так, как теперь есть, и что непременно должен последовать мятеж. Дембовский спросил его однажды: отчего он так думает, и если это правда, что имеет быть мятеж, то и он хочет участвовать в таковом. (Дембовский сказал это якобы для того, чтобы снискать более доверия у столяра.) Столяр отвечал тогда якобы с радостью, что он введет его в собрание ремесленников. Вследствие того Дембовский пошел с ним довольно поздно вечером в один из переулков Старого Места. Там завязаны были ему глаза, он водим был долго по улице и, наконец, введен в какой-то дом, где в большой комнате нашел он сидевших на скамейках около сорока ремесленников, одетых [по-пеховому]. Люди сии сказали ему якобы, что в начале сентября месяца они сделают восстание. Впрочем, ни о чем больше говорить с ним не хотели и видно было, что не только на него, но и на того, который ввел его туда, смотрели очень недоверчиво» (т. I, л. 695—696).

Чрезвычайно интересны и показания Дзвонковского о тех соображениях, которыми в разговоре с ним и другими конспираторами Дембовский обосновывал мысль о необходимости вооруженного восстания. Приведем соответствующую часть их текста полностью, тем более, что она существенно дополняет сведения о контактах с ремесленниками.

Потом, говорится в показаниях, Дембовский стал говорить о войне, которую якобы должна начать Россия против Турции. Дзвонковский опровергал, но из вежливости дал себя убедить. «Тогда Дембовский с такою же уверенностью, как и о войне с Турцией, начал рассказывать, что на последнем сейме венгерцы требовали от австрийского императора, чтобы у них все дела производились на венгерском языке, чтобы из венгерских владений не выводились войск их, которые они обязываются содержать на свой счет (тридцать тысяч), и чтобы в целой Галиции восстановлен был польский язык и польская народность. Затем Дембовский присовоку-

пил, что ему известно из верных источников, что к такому требованию относительно Галиции венгерцы побуждены были польскими выходцами, находящимися во Франции. <...> Дембовский начал опять рассказывать, что в Сербии не имели никакого успеха старания российского двора и, несмотря на влияние российского духовенства и на деньги, избран начальствующим князем человек совершенно противный России. <...> Мы живем в такое время, когда приготавлиются большие события. Богемия, Моравия и все южные славянские народы начинают пробуждаться от усыпления, в котором находились столько столетий. Все хлопочут о своем языке, о своей народности и требуют самобытности. Видя же, что я молчу, присовокупил: Из того, что ближе относится к нам вы должны знать, что Галиция, Вольныя, Подолия и Литва совершенно взволнованы, а о политическом духе Княжества Познанского всем известно... Дембовский говорил далее: Не только в тех провинциях, но с некоторого времени видны и у нас большие старания в политическом отношении: в целом народе видно какое-то предчувствие войны, какая-то готовность к восстанию» (т. I, л. 700—701).

Гросс, сидевший до этого молча, попросил Дембовского рассказать о заговоре ремесленников. «Дембовский, как будто нехотя. <...> повторил слово в слово все то, что я слышал уже от Гросса, присовокупив, что, несмотря на то, что его дурно приняли там и хотя столяр, который ввел его туда, уехал в Вильно, он однако же, несколько дней тому назад, припомня себе место, где завязаны были ему глаза, и направление переулка, которыми был водим, хотел непременно найти это собрание, дабы узнать что-нибудь более, и с сею целью, блуждая в одиннадцатом часу ночи по улицам Старого Мясца, наткнулся на какого-то здорового человека, который, подошедши к нему, спросил его якобы: не вы ли господин Дембовский? Тогда Дембовский объявил якобы ему свое прозвание, услышавши которое тот незнакомый сказал „извините“, перебежал на другую сторону улицы и скрылся в какие-то ворота, которые тотчас были заперты. Дембовский побежал также к этим воротам и долго стучал, но никто не отозвался. Наконец, какой-то сторож спросил его, чего ему нужно? Дембовский якобы сказал, что ему нужен доктор, который вошел туда. Сторож отвечал, что там нет никакого доктора, что там живет какая-то вдова, Дембовский подхватил и сказал: эта самая вдова и нужна мне. Сторож отворил ворота, но, как говорил Дембовский, вовсе не был похож на сторожа. Тогда он начал стучать туда, где с улицы был виден свет. Свет тотчас был потушен, и голос, который вовсе не показался ему женским, спросил его: кто он и чего хочет. Дембовский объявил свое прозвание и присовокупил, что он один раз уже был там и что хочет войти опять. На это мнимая женщина отвечала якобы, что никакого Дембовского она не знает и что в такое позднее время визитов не принимает» (т. I, л. 702—703).

Из приведенных цитат видно, что в показаниях арестованных содержится масса сведений, многократно повторяемых разными лицами и, следовательно, соответствующих действительности. Показания не оставляют сомнения в том, что Дембовский в 1842—1843 гг. имел тесный контакт, с одной стороны, с варшавско-люблинской конспиративной организацией «Содружества польского народа», с другой — с тайным обществом варшавских ремесленников. Дембовский попытался соединить эти силы вместе и фактически встал во главе готовившегося вооруженного восстания, которое, однако, не состоялось из-за арестов, начавшихся незадолго до назначенного срока.

Показания конспираторов подтверждаются и дополняются другими документальными источниками, в частности справкой люблинского жандармского штаб-офицера, которая суммирует собранные «из-под руки» сведения об А. Карпинском. В своей основе следственные материалы не проти-

воречат источнику совершенно иного происхождения — мемуарам Г. Каменского. Сопоставление их друг с другом позволяет выделить ряд весьма важных фактов, достоверность которых теперь можно считать неоспоримой. Назовем некоторые из них.

По словам Каменского, Дембовский заговорил с ним о конспиративных делах в январе или феврале 1843 г.¹⁰ Карпинский — виднейший из люблинских участников конспирации не датирует точно свою первую встречу с Дембовским, но по контексту ее можно отнести примерно к тому же времени. Каменский в ходе указанного разговора узнал от Дембовского, что у него в Варшаве уже было 30—40 единомышленников, которые готовились к скорому восстанию. Для создания такой группы необходимо время — это позволяет вполне обоснованно отнести начало конспиративной деятельности Дембовского на 1842 г.

Во время пребывания в Познани в апреле — июне 1843 г. Каменский, как явствует из его воспоминаний, получал от Дембовского «почти ежедневные» письма, в которых говорилось о вооруженном выступлении в самое ближайшее время. Завершив работу над рукописью сочинения «О жизненных истинах польской нации», Каменский собирался остаться в Познани для отдыха. «Но Дембовский, — читаем в воспоминаниях, — не позволил. Он давал мне понять, что восстание близко, писал, что не позже конца июня или начала июля ждет меня в Варшаве...». Судя по его воспоминаниям, Каменский весьма скептически относился к планам Дембовского, считал, что в них «много легковерия и легкомыслия»¹¹. Оставляя это суждение на совести мемуариста, мы можем констатировать, что с фактической точки зрения его свидетельства полностью совпадают с показаниями варшавских и люблинских конспираторов. Действительно, весной и в начале лета 1843 г. Дембовский имел многочисленные встречи с теми, кого можно было привлечь к восстанию, он фактически стоял в центре его подготовки как в Варшаве, так и в Люблине.

По пути из Познани Каменский ненадолго задержался в Варшаве. «Дембовский, — читаем в воспоминаниях об этих июльских днях, — ежеминутно приходил ко мне советоваться о тысяче второстепенных мелочей, касающихся то конспиративных дел, то его журнала. <...> Главное же — как действовать в первые минуты восстания. Это было его любимой темой в разговоре со мной, если не оказывалось чего-либо срочного, требующего немедленного решения». Мемуарист сообщает далее, что он вынужден был отказаться от совместных прогулок с Дембовским, поскольку тот заговаривал на улице с десятками встречных, среди которых преобладали люди, «много делающие для Отчизны и потому вынужденные скрываться». Прогуливаясь затем в одиночку, Каменский не раз видел Дембовского в обществе 8—10 молодых людей, «одетых по большей части в очень поношенные костюмы»¹². Все эти детали, окрашенные Каменским в нарочито гротескные тона, пересыпанные нередко прямыми выпадами против убеждений и способа действий Дембовского, с фактической стороны вполне совпадают с материалами следствия.

Воспоминания Каменского подтверждают содержание показаний арестованных и в том, что касается времени, места и характера конспиративных встреч Дембовского в Варшаве и в Люблине. На некоторых встречах Каменский присутствовал сам, о других слышал от Карпинского или кого-то другого. Большой интерес представляет, в частности, рассказ Каменского о той люблинской встрече его и Дембовского с Карпинским, на кото-

¹⁰ H. K a m i e Ń s k i. Ibid., s. 21.

¹¹ Ibid., s. 38.

¹² Ibid., s. 65—67.

рой было решено не уклоняться от участия в подготавливаемом восстании¹³.

Весьма существенным представляется также совпадение следственных показаний и мемуарных свидетельств о заговоре ремесленников. Встретив Каменского, прибывшего из Познани, Дембовский сразу же начал излагать ему варшавские новости: «Стало известно о союзе ремесленников, и он всячески старался войти в него. Ему пришлось столкнуться с большими трудностями, ибо эти ультрадемократы неохотно принимали представителей иных сословий, особенно шляхтичей. Имел он у них одну аудиенцию, во время которой его хотели провозгласить изменником за то, что он советовал и просил отложить восстание, чтобы другие, желающие к нему присоединиться, получили время для подготовки. Хотя Дембовский был рекомендован ремесленникам как подлинный демократ, они смотрели на него не без подозрения и нельзя было надеяться оказать на них сколько-нибудь значительное влияние. Тайных намерений ремесленников узнать было невозможно, но их организация, несомненно, многочисленна и они думают, что в состоянии овладеть Варшавой и Цитаделью»¹⁴. У Каменского нет красочных деталей, но по существу свидетельства Дзвонковского и рассказ мемуариста совпадают друг с другом. Это неопровержимо доказывает, что Дембовский многократно информировал конспираторов о своих контактах с ремесленниками. Каменский пытается прставить под сомнение саму суть его рассказов¹⁵, но объективные основания для этого едва ли имеются.

Из новых документальных материалов и воспоминаний Каменского можно извлечь еще немало сведений о Дембовском и о деятельности связанных с ним конспираторов. Есть и другие источники, которые при сопоставлении с судебными материалами приобретут иное звучание и существенно увеличат свою познавательную ценность. Среди такого рода источников назовем прежде всего относящиеся к 1842—1843 гг. тексты самого Дембовского. Их нужно перечитать заново, учитывая известные нам теперь идейно-теоретические дискуссии и практическую деятельность конспираторов. Примером здесь может служить, во-первых, полная полемическая записка и имеющая очевидный подтекст статья «Несколько мыслей об эклектизме», во-вторых, явно автобиографичные «Путевые заметки», которые начинаются словами: «Я вышел пешком, чтобы посмотреть окрестности Кракова, Сандомира, Люблина»...¹⁶. Оба текста относятся к лету 1843 г. и, вне всякого сомнения, имеют генетическую связь с конспиративной деятельностью Дембовского в 1842—1843 гг. Глубокое ее исследование на фоне общего развития польского освободительного движения — дело будущего. Но уже сейчас мы уверенно можем сказать, что существующие представления в данной области требуют значительных корректив.

¹³ Ibid., s. 90—95.

¹⁴ Ibid., s. 64—65.

¹⁵ Ibid., s. 86.

¹⁶ «Избранные произведения прогрессивных польских писателей», т. III, М., 1958, стр. 217.

А. ЛИПАТОВ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Литературоведческая периодизация — это как бы искусственная схема, призванная до определенной степени «упорядочить» сложное переплетение в литературном процессе разнородных, зачастую противоборствующих тенденций. Причем ведущие тенденции, давая представление о характере исследуемого объекта, не охватывают всей полноты, всей сложности картины минувшего. Суть же проблемы состоит в том, чтобы схема в наибольшей степени приблизилась к образу действительности. И здесь ключевым моментом является вопрос, что следует подразумевать под историей литературы, как ее интерпретировать, а отсюда — какие выбирать критерии для периодизации (точнее — их систему).

В наше время порой сказывается воздействие традиций позитивизма, культурно-исторической школы XIX в., нередко в разной степени сочетаясь с некоторыми (нередко трансформированными) тенденциями социологической школы. История литературы в этом случае рассматривается как история отображения национальной действительности — определенных идей, философских, политических, социально-экономических, моральных и т. п. процессов и явлений — в художественном творчестве. Весь круг проблем, связанных со спецификой искусства, сужается таким образом до вопросов тематики и идейности, а поскольку тематика и идейность тесно связаны с конкретным историческим периодом жизни общества, и обусловлены им, то и система периодизации носит по преимуществу историко-общественный характер. Итак, некогда периодизационными вехами для историков были даты правления князей и монархов, а позднее — вехи социальных «переворотов» и общественно-экономических преобразований, точно так же эти границы были определяющими и для литературоведов¹. Естественно, что у наиболее ортодоксальных приверженцев подобного рода периодизация истории литературы превращалась в некое иллюстрированное приложение к истории государства, в унифицированный перечень и характеристику идей, тематики, идеалов и героев. Тем самым создавался искусственный разрыв между идейно-тематической и философско-эстетической сторонами единого целого — с явной недооценкой (или игнорированием) последней. Между тем одна и та же идея, тематика, один и тот же идеал, тип воплощались средствами разных поэтик, соотносимых с разными философско-эстетическими системами. К тому же художественная идея не адекватна определенным идеям из сферы филосо-

¹ О проблемах периодизации советской литературы, а также связанных с этим трудностях интерпретации литературного процесса писал Г. Сивоконь («Вопросы литературы», 1968, № 1).

фии, политики, идеологии, с которыми она связана, отнюдь не являясь их дагерротипным отражением, ибо в свете определенной поэтики, определенного типа художественного видения, преломляясь в призматическом образно-обобщенном восприятии, идеи приобретают специфическую эмоционально-психологическую окраску, насыщаются интеллектуальным своеобразием, свойственным конкретной творческой личности. Поэтому понимание и интерпретация художественной идеи невозможны вне сферы поэтики с возможным привлечением психологии творчества; социально-политический аспект анализа должен сочетаться с этими аспектами (как он сочетается и в самосознании художника, и в художественном произведении), а не подменять их. Методологический пробел культурно-исторической школы — игнорирование как специфики объекта исследования, так и специфики литературоведения как самостоятельной науки, имеющей этот только ей присущий объект — литературный процесс. Развитие художественного видения, средств и способов его воспроизведения (комплекс литературных форм), типов его восприятия (рецепция), естественно, связано с эволюцией человеческого сознания, развитием общества, отдельных наук, но связано не механически, а поэтому не адекватно им. Этапы литературного процесса определяются изменениями (жанровыми, стилистическими, версификационными), что связано с ревизией определенных предшествующих традиций и выбором иных в ходе создания новых ценностей. Такого рода эволюция сопровождается отказом от одних форм, преобразованием других, созданием принципиально новых (что, как правило, осуществляется в руслах определенных литературных направлений, либо в результате их взаимодействия). Рассматриваемая в таких категориях история литературы является предметом исторической поэтики, которая в отличие от поэтики описательной изучает явления не в статике, а в динамике, не как законченные, а как изменяющиеся, деформирующиеся, отмирающие, рождающиеся и эволюционирующие (причем речь идет как об отдельных составляющих элементах, так и о структуре как взаимосвязанном, функционирующем целом). Категории исторической поэтики специфичны лишь для художественной литературы, являясь выражением тех ее особенностей, которые выделяют ее среди других типов и форм письменности, общественного сознания, общественной деятельности.

Литературный процесс реализуется не только в художественном творчестве писателей, но и в теоретических системах поэтик. Изучение теоретической мысли представляется чрезвычайно важным, ибо здесь отражено литературное самосознание эпохи, уяснение которого предотвратит интерпретационные анахронизмы (когда сознание и психология современного исследователя деформируют специфику прошлого). Заметим, что ведущая роль в развитии литературного процесса не всегда (особенно до XIX в.) принадлежит художественному творчеству. Тут имеет место своего рода попеременная смена ролей. Теория переосмысливала и возводила в роль эталонов конкретные художественные свершения, создавая на их основе стройную логическую систему, философско-эстетическая специфика которой отражала своеобразие определенного периода или целой эпохи в истории литературы (барокко, классицизм, сентиментализм и т. п.). Утверждая и популяризируя определенную философско-эстетическую систему, теория постепенно начинала активно влиять на художественное творчество (особенно остро в период неизбежного угасания того или иного направления, сдерживая тем самым естественный процесс), обуславливать его характер и тенденции развития, нередко воздействуя не только посредством диктата моды, но и выступая как фактор меценатства или культурной политики, что оставило столь глубокий след в судьбах искусства. В этом отношении хронология национальных литературных тенденций (например, француз-

ский классицизм, русский классицизм и сентиментализм, польское барокко, классицизм, сентиментализм, рококо) может соответствовать определенным отрезкам периода истории данного общества. Однако это соответствие даже в таких случаях не будет абсолютным, ибо социально-политическая история и история литературы отражают качественно разные (хотя и взаимосвязанные) явления, эволюция которых имеет свою специфику, обуславливается не только общими, но и внутренними, соответственно присущими им факторами². История французского классицизма не замыкается периодом меценатства и культурной политики Людовика XIV. Литература русского Просвещения расцветает уже после реформ Петра, не сопутствуя им. Польское барокко не вмещается в рамки контрреформации или королевско-магнатского меценатства, точно так же как эволюция польского классицизма (равно как и других литературных тенденций национального Просвещения) не ограничивается ни кругом меценатства Станислава Августа и его культурной политики, ни периодом его правления³. Историки государства замыкают эпоху польского Просвещения датой гибели государственности, однако литература Просвещения продолжает существовать: составляющие ее направления — классицизм, сентиментализм, рококо, предромантизм по-прежнему и исключительно составляют облик национальной литературы вплоть до выступления романтиков (20-е годы), отступая на второй план с 30-х годов и постепенно угасая к середине века (к этому времени данные направления были периферией литературы). Эпоха Просвещения в истории государства и эпоха просветительских веяний в литературе — взаимосвязанные, но не адекватные явления, относящиеся к разным сферам истории цивилизации.

Смена литературных направлений, составляющих литературную эпоху (этап литературного процесса), происходит постепенно, по мере качественного нарастания и количественного распространения нового, вытесняющего старое. Поэтому определенная дата «перелома» в периодизации может рассматриваться лишь условно.

В определенных фрагментах литературного процесса эволюционирующее новое существует одновременно с отмирающим старым. Это характерная черта переходного периода, являющегося заключительной стадией угасания старого и одновременно вступительной фазой распространяющегося нового. Новое не становится количественно ведущим сразу же при зарождении. Старое, достигнув фазы качественного угасания, отнюдь не всегда отмирает в количественном отношении, распространяясь в творчестве эпигонов⁴. Таким образом, переходный период — это своего рода «совмещенная» стадия, где новое не только вступает в борьбу со старым, но и уступая, сосуществует с ним.

² В этой связи не стоит забывать суждение Маркса: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно также и с развитием материальной основы последнего. . . .» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 736).

³ Точно так же польский сентиментализм и рококо связаны не только с Пулавами и меценатством А. К. Чарторьского. Подробнее об этом см. А. Липатов. Литературные направления эпохи польского Просвещения и проблема художественного метода. «Советское славяноведение», 1968, № 4.

⁴ Литература польского Просвещения XVIII в. ограничивалась средой Варшавы и Пулав. Вне этих центров продолжало существовать сарматское барокко. Исчерпавший себя к концу XVIII в. классицизм тем не менее вплоть до 30-х годов XIX в. был количественно ведущим и официальным (культурная политика) направлением. Романтизм, вспыхнув в Вильне, угас после разгрома филوماتов. Даже в 30-е годы здесь процветали классицизм и сентиментализм.

...Начало новой эпохи связывали с именем Коначского как идеологи Просвещения⁵, так и автор первой польской поэтики (1786) Ф. Н. Гольянский, что, впрочем, естественно, ибо в трудах этого предтечи просветителей сочетались и общественно-политические и литературно-теоретические аспекты. В поэтике и риторике, занимающих ведущее место в школьных программах, формирующих эстетические воззрения и вкусы поколений, Коначский подготавливал почву и прокладывал путь классицизму. Латинский трактат «Об исправлении пороков красноречия» (1741) — критика барочной риторики, требование вытекающих из логики простых, естественных стилистических построений. Это положение получит развитие в позитивной программе риторики («Об искусстве хорошего мышления, необходимом для хорошей речи», 1767), где в философском обосновании концепции стиля, подчиненного логике мышления, Коначский ссылается на Буало — «великой учености поэта»⁶. Отбросив технические предписания школьных поэтик барокко, Коначский заменил их принципами логики, а во главу угла ставил не эстетическую сущность поэзии, а ее морализаторско-дидактические функции⁷. Реформируя программы школ пиарского ордена, Коначский включает в них произведения писателей польского Возрождения, восстанавливая ту линию прерванной традиции, к которой обратятся просветители, обосновывавшие национальный генезис своей программы (важный фактор в полемике с консервативными противниками — традиционалистами). Из французских классицистов особой симпатией пользовались Корнель, Мольер, Фенелон и Лафонтен. С особой выразительностью новые тенденции проявились на школьной сцене, издревле используемой и как амвон (пропаганда католицизма) и как кафедра (наглядный урок поэтики и риторики). Здесь польские пиары (подобно школьным, прежде всего иезуитским сценам Европы) используют классицистическую теорию и репертуар французских иезуитов из Louis le Grand (Ле Жэ, Порэ, Сэрсо и др.). Постановки осуществлялись на латинском, французском и польском языках. Трагедия, в соответствии с инструкцией, всегда шла на польском, ей отводилась высшая не только дидактическая, но и идейно-политическая функция. Растет интерес и к «светскому» классицизму: наибольшим успехом пользуется Вольтер, затем Корнель, Расин, Мольер. Пиарские театралы не только переводили и адаптировали драмы, но и пытались создавать свои по новым образцам. Намечается тенденция к строгому соблюдению трех единств. В то же время Коначский в «Трагедии Эпаминонда» (1756) не соблюдает единства места, вводит противоречащую канонам жанра счастливую развязку, а в отборе исторического материала позволяет себе серьезные отступления от подлинных событий. Утилитарный дидактизм подавляет требования нормативной эстетики. Так было и в лишенной эстетического стержня риторике Коначского, так будет не раз и в теории просветителей: потребности об-

⁵ В 1765 г. Станислав-Август в честь Коначского приказал выбить медаль с надписью «Тому, кто отважился быть мудрым».

⁶ S. K o n a c k i. Pisma pedagogiczne. Wrocław, 1959, s. 528—529.

⁷ Здесь берут начало истоки утилитаризма и прагматизма польской просветительской эстетики, причем дело не только в программной трактовке литературы как орудия борьбы за реформы — так рассматривало литературу и французское Просвещение, теория которого развивалась, однако, в собственно эстетическом русле. Суть, по-видимому, в том, что крупнейшие деятели польского Просвещения, его ученые, писатели и публицисты были духовными лицами, а это не могло не отразиться как на общей концепции искусства, так и на трактовке самой тематики. По-видимому, именно тут следует искать причины дидактизма и пуританства «официальной» литературы

щественной ситуации — как основной фактор художественной теории и практики — предотвратят эстетическую догматизацию поэтики, но они же ограничат и высоту ее теоретического уровня.

Театр пиаров стал своего рода эталоном для просветителей начала 60-х годов, когда только начинали создаваться театральная доктрина и первый общедоступный театр. Еще ранее опыт пиаров оказал воздействие на иезуитов и светские сцены — королевскую и магнатские, где с большей или меньшей периодичностью выступали иностранные труппы; в репертуаре их был Корнель, Расин, Мольер, Мариво, Детуш, Дидро, что, естественно, не могло не повлиять на формирование вкусов (и моды) элиты. Об этом свидетельствуют магнатские сцены с частично профессиональными труппами, ставящими французскую классику также и в переводе⁸. Особый интерес в этом отношении представляет театр В. Жевуского в Подгорцах. Его классицистическая драматургия 50-х годов идейно чуждая Просвещению, в то же время высоко оценивалась просветителями⁹, видевшими в ней выдающуюся реализацию постулатов классицистической эстетики, первый опыт создания польской политической трагедии. Особо отмечалась и чистота языка. В этом Жевуский шел по линии Конарского, а в полемике с барокко (стихотворный трактат «О науке поэтической», 1762) выступал с позиций классицизма. Идеи (социально-политические и эстетические) Конарского звучат и в концепции театра и трагедии С. П. де Вария «Compendium politicum», 1760)¹⁰.

Наряду с пиарами и светской средой роль, своего рода, третьего центра распространения классицизма сыграли польские иезуиты (в Польше и при дворе С. Лещинского в Люневиле). Известны заслуги Ю. А. Залуского в популяризации французской классицистической литературы и теории, следы чего проявляются также и в его эклектичном творчестве и воззрениях. Вслед за пиарами и иезуитами, обращаясь к тем же источникам, реформируют свой театр, ставят в оригинале, переводят и адаптируют французскую классицистическую драматургию (духовную и светскую) и в отдельных случаях самостоятельно создают комедии¹¹. Крупнейшей фигурой среди драматургов (не только иезуитских) был ранний Ф. Богомолец, который пошел смелее и дальше как в колонизации адаптируемых комедий, так и в использовании приемов *commedia dell'arte* и новой западноевропейской драматургии. С доктриной Конарского его роднит отношение к языку («*De lingua polonica colloquium*», 1752) и обращение к традициям национального Возрождения. Рост нового литературного сознания, обретающего чувство стиля, отражен в высказывании переводчика, поэта и историка литературы И. Нагурчевского, который указывал на необходимость сохранения при переводе особенностей языка оригинала¹². Ранее польские переводы приобретали характерный барочный налет, утрачивая характер оригинала. Теперь — в период широкой переводческой практики, заполняющей пробелы прошлых лет, такое суждение является симптоматичным. При всей мозаичности новых тенденций, исходящих из разных

⁸ См. A. S a j k o w s k i. Z dziejów teatru nieświeskiego (1746—1769). «Pamiętnik Teatralny», 1961, z. 3.

⁹ «Монитор» (1776, № 45, 75) поместил даже стихи, посвященные творениям Жевуского.

¹⁰ См. J. J a c k i. Z badań nad teatrem czasów saskich. «Pamiętnik Teatralny», 1960, z. 4; S. P i e t r a s z k o. Doktryna literacka polskiego klasycyzmu. Wrocław, 1966.

¹¹ S. W i n d a k i e w i c z. Teatr kolegiów jezuickich w dawnej Polsce. Kraków, 1927, s. 35 in.

¹² J. N a g u r c z e w s k i. Przedmowa do wyd: Cyceron. Mowy. Warszawa, 1763, s. XVIII.

центров, с разными идейными и эстетическими оттенками, их объединяет стремление к реформам, чему в сфере эстетики соответствует обращение к классицизму, трактуемому утилитарно (в духе идей реформ) и противопоставляемому барокко. Причем такого типа противопоставление имеет прежде всего идеологический характер, эстетическая сторона — его производная. В силу этого идеологические процессы не только накладывали отпечаток на литературный процесс в его эстетическом содержании, но и выступали как своего рода катализаторы эстетической эволюции. Гетерогенность генезиса и сущности ранних классицистических тенденций (когда в качестве ведущих, инспирирующих факторов теории и художественной практики выступали социально-идеологические моменты) обусловила отсутствие эстетического единства польской концепции классицизма, представляющей мозаику отдельных положений различных классицистических теорий Запада, которые отбирались с учетом польской общественно-политической ситуации и специфики культуры, и уже на новой почве развивались в применении к ним. Отсюда преобладание утилитаризма над эстетическим аспектом. В сфере этих явлений кроется специфика складывания и формирования польской просветительской литературы и нового художественного сознания. Историк доктрины польского классицизма С. Петрашко верно отмечает: «сильно, однако, должно было быть сознание своеобразия национальной культуры и ее потребностей, если ни одной из популярных тогда на Западе классицистических поэтик не вверена без оговорок роль единственного и истинного истолкования „классичности“»¹³. Примат идеологических факторов в теории (и художественной практике), равно как и охарактеризованный выше принцип селекции при использовании классицистических теорий Запада, будет характерным для польской эстетики зрелого Просвещения, когда разрозненная мозаика отдельных положений подвергнется функциональной компановке, опирающейся во все возрастающей степени на опыт эволюционирующей национальной эстетической мысли, а затем (особенно с 80-х годов) и художественной практики. Итак, в 40—50-е годы в результате ревизии отмирающего, но еще всесильного (психологические факторы плюс вековая традиция, школа, меценатство) барокко, его идейных основ наметились новые пути развития, был сделан новый выбор национальных традиций (эпоха Возрождения) и современных тенденций Запада (классицизм), заложены основы теоретических критериев, созданы первые художественные образцы, среди которых особо выделяются первые опыты национально-политической трагедии, комедии и даже слезной драмы¹⁴. Эти моменты получают дальнейшее развитие в 60-е годы. Обострившаяся в конце 50-х — начале 60-х годов политическая борьба способствовала консолидации идейной, а следовательно — в данном случае — эстетической. Эту полосу можно рассматривать как условную черту, отмечающую рождение I периода литературы Просвещения, последовавшего после эмбриональной вступительной фазы.

Развитие теории и художественной практики продолжается самопроизвольно и институционально (меценатство Станислава Августа), причем, естественно, эти линии сочетаются и переплетаются. Приход к власти партии реформаторов ускорил развитие новых тенденций, оказывая им административную, политическую и финансовую поддержку. До 80-х годов ко-

¹³ S. Pietraszko. Ibid., s. 285.

¹⁴ В этот же период формируется новый тип публицистики и прессы, складываются новые жанры (информация, фельетон, зарисовка, репортаж, эссе), где используется опыт просветительской журналистики Англии, Франции и Германии.

ролевский двор играет роль единого инспирирующего культурного центра¹⁵. Классицизм возводится в ранг официальной доктрины, что не может не сказаться на темпах и самом характере его развития.

В условиях шляхетской демократии намечалось реализовать реформы парламентарным путем, для чего нужно было завоевать большинство шляхты, оставшейся во власти старых предрассудков. Искусство призвано было перевоспитывать ее и пропагандировать новые идеи — этим обусловлено особенно бурное развитие публицистических жанров, прозы, драматургии, связанной с открытием первой общедоступной сцены (1765), как наиболее массовых средств воздействия. В лирике знаменательно преобладание оды, сатиры, басни — жанров, которые наряду с публицистикой, будучи столь же мобильными и актуальными, развенчивали старое, пропагандировали и воспевали новое. Общему оживлению интеллектуальной жизни сопутствует развитие литературной теории. Общественно-политический орган реформаторов «Монитор» (1765—1785) особое внимание уделял драматургии, ибо видел в театре средство массового воздействия и распространения новых идей. При таких воззрениях естественным было использование опыта школьного театра в дидактизме и морализаторстве, ратование за школьный тип трагедии и комедии (где, впрочем, утилитарный диктат дидактизма нередко вступал в противоречие с классицистическими требованиями)¹⁶. Знаменателен в этом отношении цикл Красицкого «*Arlogie du théâtre*» (1765), где фигурируют основные положения иезуитской театральной эстетики предшествующего периода¹⁷. В общих чертах эта позиция совпадает и с выступлениями Митцлера де Колофа в том же «Мопиторе», имеющими, однако, иной идеологический оттенок (мещанская просветительская мысль). Наметившаяся тенденция к требованиям строгого соблюдения правил объясняется, вероятно, постулирующим характером теории, «программирующей» будущее (не следует забывать о рационалистическом воззрении, согласно которому теория способна порождать и формировать качественно новое в эмпирической реальности). Необходимо отметить, что постулаты соблюдения правил не выдвигались как нечто абсолютное, не допускающее исключений. В самой же трактовке правил польские теоретики были весьма либеральны. Как верно отмечает С. Петрашко, речь идет о программе «популярного» искусства. «Искусство, нарушающее правила, эстетика „Монитора“ не запрещает, она только не хочет, чтобы как такая практика, так и ее эффекты стали всеобщим образцом в театре для общедоступной сцены»¹⁸. Сразу же следует подчеркнуть: с самого начала, даже в этот период наибольшей категоричности, литературная теория польских просветителей XVIII в. не была жесткой и диктаторской, ибо, постулируя развитие художественной практики, исходила из реальных потребностей действительности, а не из логики догматически трактуемой «чистой» теории¹⁹. О либеральности «Монитора» свидетельст-

¹⁵ Учитывая споры о правомерности определения «станиславская литература», следует отметить, что в данных хронологических рамках оно оправдано: все без исключения крупнейшие художники — идеологи Просвещения были связаны с инспирируемыми Станиславом Августом прессой, театром, литературным салоном.

¹⁶ Яркий пример — оптимистическая развязка «Трагедии Эпаминонда» Конарского. В комедиях затухал сомнительный в этическом плане бытовизм, а комизм ситуаций и юмор диалогов топули в потоках морализаторства, исключающих динамику действия, органично присущую этому жанру.

¹⁷ См. J. Kott. *Bohomolec albo o początkach komedii Oświecenia Wstęp do: F. Bohomolec. Komédie. Warszawa, 1959, s. 35.*

¹⁸ S. Pietraszko. *Ibid.*, s. 313—314.

¹⁹ Даже теоретическая непримиримость к барокко (диктуемая идеологией) сочеталась с проникновением его в художественное творчество просветителей.

вует и статья под псевдонимом Театральский (№ 65, 1766) — как бы полемическая реплика на цикл Красицкого, в которой наряду с критикой единства места и времени вырисовывается теория, свободная от утилитаризма, восходящего к традициям школьной сцены, а в качестве эталона выдвигается Шекспир (к которому столь отрицательно относились классицисты XVIII в. как в Англии, так и во Франции). Последовательным классицистом в теории (1771) и драматургической практике был А. К. Чарторьский, но лишь до 1779 г., когда в «Письмах о драматургии» появляются положения, дерекликающиеся с воззрениями Дидро (теория мещанской драмы), а в 80-е годы в кругу его меценатства расцветает сентиментализм и рококо. Знаменательно, что в «Письмах» литературная теория выступает самостоятельно — вне утилитарной ограниченности критериями дидактики и морализаторства. Это уже характерная черта новых тенденций, сигнализирующая назревание нового этапа в литературном процессе.

В 1770 г. появляется перевод «Послания к Пизонам» Горация (который в подлиннике был хорошо известен и ранее в школах), а в 1777 г. — первые песни «Искусства поэзии» Буало. Теоретическая мысль развивалась «от классицистических тривиальностей периода зарождения и начального примитивизма литературной культуры Просвещения к пониманию литературы более современному, тонкому, на уровне тогдашней эстетической мысли Запада, в соответствии с ростом самой литературы и общелитературной культуры»²⁰.

Классицизм 60—70-х годов эклектичен как в теории, так и в художественной практике, что, по-видимому, объясняется одновременностью проникновения в Польшу классицистических концепций XVII—XVIII вв., а также, вероятно, эклектизмом современной литературы Запада. Эклектизм польского классицизма был не только «внутренним» (сочетание разных классицистических тенденций), но и «внешним» (переплетение в художественной практике с сильными традициями преодолеваемого барокко и с новыми направлениями — сентиментализм и рококо).

Классицизм был хотя и официальной, но не единственной доктриной реформаторов. Тот же королевский двор одновременно инспирировал рококо и сентиментализм, с тем, что классицизм предназначался для масс, а рококо и сентиментализм — для просвещенного аристократического салона; классицизм (несколько утрируя) служил политике, а рококо и сентиментализм — эстетическому наслаждению. Не следует упускать из виду и существование барокко, деградировавшего до уровня «массового», периферийного. Эти направления не существовали изолированно, что в сумме накладывало отпечаток на художественное творчество представителей новых тенденций. Первый польский литературный журнал «Zabawy Przejemne i Pozytencze (1770—1777), вокруг которого, особенно со времени руководства Нарушевича, группируются поэты «четверговых обедов» и близкие двору, отражает эстетические вкусы королевского салона и интеллектуальной элиты: классицизм, рококо, сентиментализм наряду с проявлениями барочных тенденций. Новые для польской литературы направления были отражением новых веяний в эстетике, философии, политической ориентации. Все они воспринимались художниками, связанными с тенденциями Просвещения. Проникающие в Польшу одновременно, эти веяния переплетались, причем иногда в творчестве одного художника. Границы этих направлений, их разделение и проявление в относительно «чистом» виде наблюдаются в рамках жанров. Так, например, драматургия, описательные и героико-мифические поэмы, оды, поэтические послания, сатиры, басни развивались в классицистическом русле; песни, идиллии,

²⁰ S. Pietraszko. Ibid., s. 411—412.

лирические стихи — жанры камерные, где преобладает интимное лирическое начало — в русле рококо и сентиментализма²¹. Влияние классицизма (принципы композиции, теория стиля) определило облик публицистических жанров и первых романов. С 80-х годов здесь будет преобладать сентиментализм, как новая более динамическая тенденция, постепенно вытесняющая исчерпывающий себя классицизм.

В свободном, фактически не регламентированном взаимодействии разных эстетических тенденций расцветает польская просветительская литература 60—70-х годов: период интенсивного творчества крупнейших ее художников — Нарушевича, Трембецкого, Красицкого, Богомольца. Их школу проходит Венгерский, умолкнувший в конце 70-годов, и большинство представителей следующей плеяды (дебютировавших в «Забавах» в 70-е годы) в чьем творчестве рококо и сентиментализм постепенно (с конца 70-х — начала 80-х годов) выделяются из синкретического в самостоятельные, оформившиеся направления, вырабатывающие также свои теоретические основы. Новые явления в литературном процессе сопровождалось изменениями и в культурной жизни, вместо одного центра с конца 70-х начала 80-х годов выступают два новых — двор Чарторыских в Пулавах, инспирирующий сентиментализм и рококо, и творческая среда Варшавы (классицизм, сентиментализм, рококо, мещанская драма), независимая от мещанства, составляющая разного рода группы и кружки²². Эти новые факторы стимулировали развитие определенных тенденций в литературном процессе, влияли на их динамику. Сложившееся в минувший период классицистическое направление постепенно исчерпывает свой новаторский потенциал, уступая место сентиментализму, рококо и преромантическим веяниям. Достигнутый уровень литературного развития открывал новые перспективы, выступая одновременно как своего рода автаркический стимул дальнейшей эволюции (уже независимой от утилитаризма вне-литературных факторов), что находит внешнее выражение в изменившемся характере соотношения художественной практики и теории (как выражения художественного самосознания). Если теория I периода была постулирующая и проектирующая (ибо в виду отсутствия художественной практики определенного направления речь шла о том, чтобы на национальной почве выработать теоретические основы этого направления и показать художникам его творческие перспективы), то во II периоде теория уже опирается на художественную практику, созданную в I периоде и эволюционирующую под влиянием²³ как крупнейших творческих личностей (Нарушевич, Трембецкий, Красицкий, Богомолец), так и возрожденных традиций национального Ренессанса, современных направлений Запада и даже некоторых барочных тенденций. Это сказалось на ослаблении доктринер-

²¹ Подробнее об этом см. А. Л и п а т о в. Литературные направления эпохи польского Просвещения и проблема художественного метода. «Советское славяноведение», 1968, № 4.

²² Формирование новых центров было обусловлено социально-политическими процессами. Этот момент здесь подробно не рассматривается, ибо его присутствие в социальном аспекте теории литературы принимается во внимание как само собой разумеющееся.

²³ Влияние может проявляться как в восприятии созданного ранее, так и в его преодолении на пути созидания нового. Пример последнего — драматургия Богомольца, школа которого угасает в 80-е годы. В новой комедии дидактизм и морализаторство (столь характерные для Богомольца) перестают быть чем-то внешним по отношению к драматургическому воплощению правдоподобия характеров и ситуаций.

ских потоков²⁴, явилось основой создания обобщающих поэтик, обусловило иной тип эклектизма, который имел свои корни уже не в сфере теоретических спекуляций, а в художественной практике. Знаменательно, что если Коначарский давнему требованию следовать предписаниям теории противопоставил следование определенным художественным произведениям (как эталонам), то автор первой просветительской поэтики (1786) Ф. Н. Голяньский пошел дальше, восполняя постулат Коначарского категорией вкуса. Это повлекло за собой важные теоретические последствия — тенденцию (правда, еще не последовательную) к раздельному трактованию эстетического и этического, что так несвойственно утилитарным концепциям 60—70-х годов. Подчеркивая первичность художественной практики по отношению к теории, Голяньский дает открытую на процесс естественной эволюции концепцию просветительского классицизма, не отгораживая его и от других тенденций (в теории стиля фигурируют отдельные положения сентиментализма). Такого рода черты дают основание говорить о новом этапе в развитии эстетики польского Просвещения²⁵. Ф. К. Дмоховский (1788), исходя из актуальных явлений литературной эволюции, дополнит или подвергнет корректировке отдельные теоретические положения своего предшественника. Показательно введение в качестве образцов ряда произведений современных авторов, среди которых особое место отведено сентименталистам, что выразительно свидетельствует об антидокринерстве эстетики польского классицизма, ориентирующейся на живой литературный процесс, а не на сублимированные теоретические построения. Характерен и либерализм Дмоховского в отношении к обязательным у Буало правилам (в этом польский теоретик близок современной ему классицистической эстетике Франции и воззрениям представителя польского рококо Шимановского). Дмоховский был первым переводчиком Юнга. Влияние преромантической эстетики проникает и в его «Искусство поэзии»²⁶. Новые тенденции, распространяющиеся в польской драматургии с 80-х годов, получают отражение и в поэтике Дмоховского, где драматургические воззрения Дидро и Мармонтеля используются при обосновании дидактической концепции театра, развивая теоретические тенденции I периода (Красицкий, Митцлер). Польское Просвещение в борьбе за умы последовательно отдавало предпочтение *genre sérieux*. Более жесткая трактовка классицистических требований (продолжающая тенденции I периода) характерна для варшавского центра, связанного с Патриотической партией. Своего рода декларация этого направления содержится в предисловии Ю. Выбицкого к трагедии «Зыгмунт Август» (1779). Этот классицизм при всей своей теоретической ортодоксальности (сочетающейся, а во многом и обусловленной утилитарной трактовкой искусства) в то же время приобретал национальный характер, ибо в качестве материала использовал не античность, а национальное прошлое. Впрочем, не это направление (внутреннее количественно, но художественно несовершенное) определяло облик литературы, ее развитие: политические трагедии и политическая поэзия отходили в небытие вместе с политическими событиями, которые их порождали. Актуальный характер предопределил публицистичность и художественную незрелость, о чем писал еще Коллонтай; Дмоховский же, учитывая лишь идейность произведений такого рода и их роль в идеологической борьбе, не предъявлял к ним высоких художественных требова-

²⁴ Тут особо следует отметить такой фактор, кристаллизирующийся в 60—70-е годы, но выступающий с особой силой с 80-х годов, как отделение (организационное, интеллектуальное, моральное) литературы от школы.

²⁵ Ср. S. Pietraszko. Ibid., s. 451.

²⁶ Ibid., s. 532, 566.

ний. Теоретическая мысль этого направления отражала миновавший этап, особенно в сопоставлении с «Критическими письмами» (1779) А. К. Чарторьского, М. Мнишеха, Ю. Шимановского и Г. Пиравовича (вступление), где эстетика выступала самостоятельно, уже вне утилитарных обоснований, в свете лишь ей присущих закономерностей и категорий. Это означало не только новый этап в развитии польской эстетики, но и являлось творческим кредо нового поколения, окончившего «школу классиков», и пошедшего своим путем. Это поколение определило облик литературы 80—90-х годов, когда умолкают Нарушевич и Богомолец, все реже и реже выступает Трембецкий, уже позади остался «золотой период» Красицкого. Ведущая роль в создании новых ценностей переходит к сентиментализму, часто переплетающемуся с рококо, включающему и элементы преромантизма. Эта тенденция начинает преобладать и количественно (в поэзии, прозе, драматургии и даже публицистике). Риторический стиль вытесняется интимным, близким обыденно-бытовому, классицистическая персонификация абстрактных понятий уступает место конкретным образам, обобщенная обрисовка — детализированной, психологически углубленной. Это отразилось не только в стиле и образности жанров, но и на их соотношении: оды, панегирики, сатиры, отчасти поэтические послания (с присущей им классицистической риторикой и дидактизмом) утрачивают свое исключительное положение за счет распространения идиллий, песен, элегий и разных видов камерной лирики.

Эстетика польского сентиментализма нашла отражение в трактате Ф. Карпиньского (изд. 1782). Теория и художественная практика рококо развивалась прежде всего в кругу Пулав (Шимановский, Квяжнин, Игнацы и Станислав Потоцкие), вне этой группы выступили И. Хрэптович и А. Миэр, а также литературная среда Кракова (где рококо и сентиментализм были оппозиционны просветительскому классицизму не только эстетически, но и философски)²⁷. «С угасанием первой фазы классицизма, — пишет его историк, — именно в кругу эстетики рококо начинали создаваться теоретические основы для следующего шага в процессе секуляризации польской литературной культуры, что достигалось открытым отстранением этики от решений о ценности искусства, обоснованием и защитой гедонистического отношения к искусству, реабилитацией эротизма в его чувственной форме. Это... течение... впитало довольно много творений национального фольклора с его свободой нравов и подлинностью чувств... В сфере человеческой личности тенденции рококо смелее, чем главное течение классицизма, продвигали процесс секуляризации польской культуры»²⁸. Характерной чертой литературного самосознания и отражающей его теории 80—90-х годов является антидогматизм, отсутствие дидактических тенденций, утверждений о своей законченности и совершенстве. Это было обусловлено ориентацией на художественную практику, связанную с социально-политическими процессами, которые играли амбивалентную роль, стимулируя развитие литературного процесса (и теории) и ограничивая его прагматизмом. В то же время именно для II периода характерно преодоление этого прагматизма, что шло по линии отделения этического от эстетического. Эта тенденция, связанная в первую очередь с рококо, не была ведущей. Классицистическое и в значительной степени сентименталистское направления, как и на Западе, исходя из концепции литературы, во-

²⁷ Особое значение для теории рококо и развития польской эстетической мысли имел трактат Шимановского «Listy o guście, czyli smaku» (1779) и статья Хрэптовича — «Поэзия» в «Собрании необходимых сведений» (1781) Красицкого.

²⁸ S. Pietraszko. Ibid., s. 385.

спитывающей и преобразующей человеческую натуру (а тем самым и общество), сохранили (каждое по-своему) идейно-эстетический прагматизм. С этим связан особый пуризм «официальной» литературы в вопросах морали и быта, которая свой дидактический идеал противопоставляла эпикуризму и гедонизму либертинской и аристократической литературы, представленных прежде всего течением рококо, отвергающим в эстетике всякую порнативность. Новое литературное самосознание нашло отражение в работе Ф. Фиялковского «O geniuszu, guście, wumowie i tłumaczeniu» (1790), являющей собой кульминационный пункт эволюции польской литературоведческой мысли XVIII в. Теоретические идеи пулавского рококо, Храптовича получили здесь целостное, законченное выражение — эстетика выделялась как самостоятельная наука, оперирующая исключительно собственными категориями и руководствующаяся лишь ей присущими законами, обуславливающими метод познания художественного творчества. Теория утрачивает не только характер программирующей доктрины, она уже не рассматривается и как комплекс обязующих или рекомендуемых норм. Позитивная программа отсутствует — это логическое следствие концепции саморазвивающегося искусства, создаваемого гением художника, а не калькуляцией теоретика. Теория выступает как руководство, комплекс приемов и средств научного анализа. При всей своей полемичности по отношению к поэтикам Голяньского и Дмоховского это было логическое завершение ведущей их тенденции — ориентации теории на художественную практику. Однако, прежде всего в силу общественно-политических факторов, суждено было победить иной — догматической — концепции («лагерь псевдоклассиков»). Потеря национальной независимости, сужение социально-политической сферы деятельности, сочетались с ограниченностью форсируемой официальными кругами эстетической программы, представленной как и прежде классицизмом. Другим — внутрилитературным — фактором догматизации доктрины классицизма была реакция преемников — эпигонов на усиление сентиментализма, рококо и преромантических веяний (несущих также элементы нового мировосприятия в период общеевропейского кризиса идей Просвещения), которые явно вытесняли исчерпавший себя классицизм. Изменяется роль теории и принцип ее отношения к художественной практике, что в свою очередь обуславливает характер этой практики. Наступает период д и к т а теории, нацеленной в прошлое литературы, а не на ее эволюцию, теории, которая выступает в «очищенном» виде, гальванизируя принципы Горация и Буало. Отмечается все, что не укладывается в прокрустово ложе схемы. А не укладывается многое, даже классики — Кохановский, Нарушевич, Трембецкий, Красицкий, чьими преемниками считают себя законодатели от литературы и чьи творения подвергают идейно-эстетической цензуре при переиздании. Эта сублимация классицистической теории и требование строгого следования правилам при некоторой внешней аналогии не имеет ничего общего с теоретической мыслью I периода, нацеленной на эволюцию.

Польская теория I периода п о с т у л и р о в а л а развитие литературы. Теория II периода прежде всего о т р а ж а л а и с т и м у л и р о в а л а реальный литературный процесс (сложившийся в I периоде) и тенденции его развития. Теория III периода (воздействие которой ослабевает лишь к 30-м годам XIX в.) д и к т о в а л а правила художникам, устанавливала рамки «дозволенного», очерчивала границы художественной инициативы, блюла «чистоту» в сущности с о з д а н н о г о е ю направления, вырванного из эволюционирующего литературного процесса и объявленного единственно верным, правдивым, этичным, а следовательно и эстетически ценным. Все это привело к тому, что живой в своей теории и творчестве просветительский классицизм трансформировался в тепличный

псевдоклассицизм, опирающийся на гальванизированную эстетику XVII в. Вместе с тем несомненны заслуги псевдоклассиков в совершенствовании стиля и шлифовке стиха, развитии (при всей своей односторонности) теоретического сознания, литературной культуры. Это явилось одним из краеугольных камней того фундамента, без которого был бы невозможен старт романтиков.

Эволюционирующие тенденции существуют вне «лагеря псевдоклассиков»: сентиментализм (как и прежде нередко переплетающийся с рококо) насыщается и элементами преромантизма (особенно в сфере тематики). Продолжается классицистическое направление XVIII в., совпадающее с псевдоклассицизмом в тех пунктах, где оно сохранило и использовало предшествующие классицистические традиции. Это направление — эстетически открытое — переплетается с сентиментализмом, впитывает фольклор, использует стиль живого разговорного языка (Трембецкий, Немцевич, Моравский и др.). Расширяются литературные горизонты: наряду с уже традиционным интересом к французской литературе растет знакомство с литературой английской и немецкой.

Для нового периода характерно бурное развитие прозы. Постепенно угасает идущая от Красицкого классицистическая стилевая тенденция. Ведущая роль с 80-х годов XVIII в. постепенно переходит к сентиментализму, совершенствующему и расширяющему возможности художественной прозы (пластичность стиля, отражающего гамму мыслей и чувств, углубление психологической характеристики, введение пейзажа, расширение бытописательских картин). Внутри этого направления — две идейно тематические тенденции (накладывающие отпечаток и на эстетическое своеобразие): социально-политическая («Гренадер-философ» Годэбского, «Лейбэ и Сюра» Немцевича, бытовые романы Скарбэка и др.) и салонно-аристократическая — под влиянием Руссо («Новая Элоиза»), Гете («Вертер»), Б. де Сен-Пьера («Поль и Виржиния») наряду с М. Риккобини и С. Коттэн, — разрабатывающая преимущественно интимные отношения (Липиньский, Кропиньский, М. Чарторыская, Ф. Бэрнатович и др.), где проявляются элементы рококо и преромантизма. Преромантизм в прозе характерен и для готического романтизма (Мостовская, Раутенштраухова и др.), развивающегося под влиянием К. Рив, А. Радклиф С. Ф. Жанлис.

Эти тенденции, равно как и сопутствующее им литературное самосознание, отраженное в теории, подготовили романтический перелом. Еще Ф. Взяжик в исследовании «О драматической поэзии» (1811), отклоненном Обществом друзей наук ввиду несоответствия псевдоклассической поэтике, высказывает суждения, совпадающие со взглядами А. Шлегеля, а в Шекспире — подобно романтикам — видит гения. Началом для открытой борьбы с «лагерем псевдоклассиков» послужило исследование К. Бродзиньского «О классичности и романтичности, а также о духе польской поэзии» (1818). В эти годы наряду с угасанием одних тенденций Просвещения и эволюцией к романтизму — других возникает центр романтических тенденций в Вильне. Романтическое направление развивается и усиливается в 20-е годы. Однако даже теперь переход к романтикам ведущей роли в качественном развитии литературного процесса отнюдь не означал количественного преобладания нового направления. В гнезде польского романтизма Вильне после разгрома филаретов (1823) продолжают существовать (и в следующем десятилетии) лишь классицизм и сентиментализм. Центр романтизма перемещается в Варшаву. Однако знаменательно, что даже в 1829 г. Мицкевич в статье «О критиках и рецензентах варшавских»

констатировал явное преобладание старых тенденций. По-видимому, условной вехой, знаменующей конец литературы Просвещения, можно считать конец 20-х—30-е годы, когда классицизм и сентиментализм отходят на второй план, окончательно угасая в 50-е годы. Это не означает, что периодизацию романтизма следует начинать с 30-х годов. Каждый заключительный этап (как отмечалось ранее) полифоничен, совмещая в себе конец одного периода и начало другого, что отражает факты реальной действительности. Вобрав (не всегда осознанно) живые идейно-эстетические традиции Просвещения, поколение романтиков в начале 20-х годов открывает новую страницу в истории польской литературы.

УКРАИНСКИЕ КИРИЛЛИЧЕСКИЕ СТАРОПЕЧАТНЫЕ КНИГИ XVI—XVII вв. В БОЛГАРИИ (К ВОПРОСУ О БОЛГАРСКО-УКРАИНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ)

В болгарских книгохранилищах и музеях, церквях и монастырях хранятся тысячи экземпляров русских и украинских изданий. Большинство из них относится к XVIII — первой половине XIX в. Они попали в Болгарию во время русско-турецких войн (1768—1774, 1806—1812, 1828—1829), когда русские войска вступали на болгарскую землю и щедро одаряли наши церкви и монастыри церковной утварью и книгами. Реже встречаются экземпляры изданий XVI—XVII вв. Но ввиду отсутствия сводного каталога русских и украинских старопечатных книг, находящихся в Болгарии, до сих пор неизвестно их число, а также когда, где и в каких типографиях они печатались.

Неизвестно и состояние их отдельных собраний. Ранее лишь незначительная часть их была включена в описи Софийской и Пловдивской народных библиотек, составленные проф. Б. Цоневым,¹ и в опись рукописей Синодальной библиотеки, составленной Е. Спространовым². Однако эти описи очень устарели. Будучи изданными 50—70 лет назад, они не дают полного представления о нынешнем состоянии старопечатных собраний в этих библиотеках. Кроме того, в этих описях почти всем книгам, в которых отсутствуют титульные листы и послесловия, даны неточные датировки и ошибочно указаны места издания. То же следует сказать и о пяти выпусках «Стари записки и надписи» проф. И. Гошева³. И ему не удалось датировать ряд экземпляров старопечатного собрания Церковного исторического и археологического музея в Софии и указать место их издания.

Особый интерес представляют статьи Е. Спространова⁴ и проф. П. Мутафчиева⁵, где приведены некоторые приписки из русских и украинских старопечатных книг, хранившихся в софийских и провинциальных

¹ Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. 1. София, 1910; е го ж е. Опис на славянските ръкописи и старопечатни книги в Пловдивската народна библиотека. София, 1920.

² Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката на св. Синод. София, 1900.

³ И. Гошев. Стари записки и надписи. «Годишник на Софийския университет. Богословски факултет», кн. IV, 1927, св. I, стр. 335—377; кн. VI, 1929, св. II, стр. 1—36; кн. XII, 1935, св. III, стр. 1—42; кн. XIII, 1936, св. IV, стр. 1—58; кн. XIV, 1937, св. V, стр. 1—50.

⁴ Е. Спространов. Бележки и приписки по софийските черкви. «Сборник за народни умотворения», кн. XXII—XXIII, дел. 1. София, 1906—1907.

⁵ П. Мутафчиев. Из нашите староплаински манастири. «Сборник на БАН», кн. XXVII. София, 1934.

церквях и монастырях. К сожалению, ныне многие из этих книг не оказались на своих местах, а отсутствие датировки и места издания затрудняет их использование как исторических документов.

Недостаток специалистов, хорошо знакомых с историей славянского книгопечатания, сказался и на инвентарных описаниях книг, хранящихся в провинциальных книгохранилищах и музеях, где большинство экземпляров не имеет начала и конца, лишено сведений о годе и месте издания.

Это положение не изменилось и в послевоенное время, несмотря на то, что изучение культурных и политических связей между Болгарией и Россией развернулось в более широком плане. Хранящимися у нас русскими и украинскими старопечатными книгами занимались профессора Н. М. Дылевский⁶, И. Снегаров⁷, Н. Мавродинов⁸ и Б. Ангелов⁹. Но и они не вышли за пределы описей Б. Цонева, Е. Спространова и И. Гошева, причем повторили ошибки этих исследователей, а многие редкие и ценные экземпляры книг до сих пор остались неизвестными науке.

Стремясь полнее осветить вопрос о хранящихся в Болгарии русских и украинских старопечатных книгах, автор этой статьи уже многие годы подряд проводит изучение славянских старопечатных собраний в Софийской народной библиотеке имени Кирилла и Мефодия (далее — НБКМ), Пловдивской народной библиотеке имени Ивана Вазова (ПНБ), Церковном историческом и археологическом музее при Синоде в Софии (ЦИАМ), Библиотеке Рыльского монастыря (БРМ), Варненском музее Возрождения (ВМВ) и других провинциальных музеях и книгохранилищах.

В статье рассматривается лишь часть огромного, собранного материала, существенно расширяющего представления об украинских старопечатных книгах XVI—XVII вв. в Болгарии.

Хранящиеся у нас украинские старопечатные книги XVI—XVII вв. по своему характеру преимущественно культовые. Богослужебные или религиозно-поучительные по содержанию, они сыграли важную роль в процессе формирования национального сознания болгарского народа. Во многих из них по различным поводам помещены краткие сведения о болгарских святых и царях. В других напечатаны службы в их честь, и их жития. Благодаря языку, в основе своей церковнославянскому, украинские старопечатные книги были доступны и читались всеми грамотными людьми в Болгарии. А множество списков и извлечений из них лучше всего свидетельствует о том, что они весьма соответствовали интересам болгарских книжников. Из этих книг болгарские общественные и церковные деятели черпали опыт и вдохновение для борьбы против поработителей.

В болгарских книгохранилищах и музеях особенно хорошо представлены львовские и киевские издания. Их ввоз в Болгарию обычно приписывается связям болгарской церкви и монастырей с русской церковью и русскими царями. В этом отношении особенно отмечаются участвовавшие с конца XVI в. посещения монастырей в России болгарскими монахами, владыками и игуменами. Их путь в «царственную Москву», куда они отправлялись просить пожертвования, чаще всего проходил через Киев и Львов. В этих городах они жили месяцами, а иногда и годами. Так, в 1590 г. тырновский митрополит Дионисий Рали, направляясь в Москву, прожил два

⁶ Н. Дылевский. Рыльский монастырь в России в XVI—XVII веках. София, 1964.

⁷ И. Снегаров. Культурни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII в. София, 1953.

⁸ Н. Мавродинов. Връзките между българското и руското изкуство. София, 1953.

⁹ Б. Ангелов. Материали за проникване на руските книги в България (XV—XVIII в.). «Известия на Народна библиотека „Кирил и Методий“ за 1959 г.», София, 1961 (далее — Известия на НБКМ).

года во Львове и оказывал постоянные услуги местному православному братству¹⁰. Но многим из болгарских духовников не удавалось добраться до Москвы, и они были вынуждены возвращаться на родину лишь с помощью украинских митрополитов и зажиточных людей. Таким путем попал в сливенскую епархию роскошный антиминс 1646 г., освященный киевским митрополитом Петром Могилой¹¹. Серединой XVII в. датируется и антиминс, гравированный во Львове.¹² В том же веке игумен Киево-Печерской лавры подарил мощи монастырю Богородицы (Арбанаси). Существует предание, будто этот игумен был болгарин и на старости переселился в Арбанаси¹³. Однако на дарственных украинских старопечатных книгах имеется немного приписок украинских знатных людей. В экземпляре первого (1636 г.) издания львовского Четвероевангелия (ЦИАМ, № 166), на нижних чистых полях первых семи пронумерованных листов красивыми латинскими буквами написано: *Arseniusz Zeliborsky episkop Lwows Hali: (Галицийский) Kamien (Каменский)*. Если допустить, что это конец приписки, которая начиналась на отсутствующих предыдущих пронумерованных листах, то можно думать, что епископ подарил книгу какому-то болгарскому монастырю или церкви. Металлическая оковка дорогого переплета с латинскими надписями под некоторыми изображениями также свидетельствует о том, что книга принадлежала высокопоставленному лицу за границей.

О том, что книги были подарены, явно говорит лишь одна приписка, имеющаяся в другом экземпляре такого же Четвероевангелия (ЦИАМ, № 161). И она сделана на нижних полях первых восьми листов. В ней «смирный иеромонах» Антопий Соусинский из Киево-Печерской лавры сообщает, что 24 августа 1638 г., вместе с евангелием, переплетенным в «свилу лазуровую» (т. е. в лазуревый шелк), и окованным «позолоченным серебром», он дарит Хилендарскому монастырю еще один экземпляр Бесед апостольских и две Триоди, Постную и Цветную — наверное, московского издания.

Встречаются и приписки, которые свидетельствуют о том, что ввоз в Болгарию украинских книг был связан не только с отдельными посещениями монастырей Украины болгарскими монахами, владыками и игуменами. На Украину ездили и светские лица, которые покупали такие книги и дарили их своим приходским церквям. Во львовском Литургиорционе 1637 г., находящемся в НБКМ, на последней чистой странице имеется приписка о том, что он был куплен в 1648 г. «Петре от град Севлиево». Годом раньше некий Миленко Николин привез и подарил Софийской церкви св. Николая экземпляр Острожской библии. Но такие известия редки. Чаще всего в приписках сообщается о покупках, имевших место в самой Болгарии и притом значительно позже.

В XVI—XVII вв. самым большим доверием и авторитетом пользовались, по-видимому, львовские литургические издания. Они особенно полно представлены в старопечатных собраниях. Среди них прежде всего необходимо отметить Апостол 1574 г. русского первопечатника Ивана Федорова. Единственный его экземпляр хранится в ПНБ. В своей «Описи славянских рукописей и старопечатных книг Пловдивской народной библиотеки» проф. Б. Цонев относительно Апостола пишет, что это «русская печать 1583 г.»¹⁴. Откуда он взял эту дату, мне неизвестно. Он не

¹⁰ Я. Д. Исаяевич. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ, 1966, стор. 118.

¹¹ Н. Мавродинов. Връзките между българското и руското изкуство, стр. 55.

¹² Там же, стр. 55.

¹³ Там же, стр. 54.

¹⁴ Б. Цонев. Опис на славянските ръкописи и старопечатни книги в Пловдивската народна библиотека, № 148 (8).

дает сведений и о месте издания, и об издателе. Не сообщает о художественном и полиграфическом оформлении. Поэтому долгие годы экземпляр Апостола был неизвестен науке как издание русского первопечатника Ивана Федорова¹⁵. В экземпляре нет начала и конца, он содержит 203 печатных и 15 рукописных листов. Из начальных нумерованных листов налицо 2, 3 и 7—14, а из нумерованных кириллическими буквами отсутствуют листы 1, 2, 8, 87, 117—162, 168—169, 218—219, 233—243, некоторые из них заменены рукописными.

В Болгарию попадали и маленькие книжки с «творениями святых отцов», которые использовались львовским братством как идеологическое оружие в борьбе против политической и культурной экспансии католицизма. Одна из них — «Беседа воспитание чад» (1609). Из двух известных ее экземпляров один хранится в НБКМ¹⁶. О распространении в Болгарии украинских полемических изданий, направленных против католицизма, упоминает и софийский католический епископ Петр Богдан в своем докладе 1640 г. Римской конгрегации¹⁷. Издания эти сыграли бесспорно значительную роль в укреплении болгарского православия.

Болгарские читатели с особым чувством относились к заметкам, помещавшимся в месецесловах львовского Четвероевангелия по поводу дат чествования болгарских национальных святых. В них говорилось и о великом деле Кирилла, «оучтла славяном и болгаром». С восторгом и гордостью ловечский священник Лукан Лилов переписал в 1849 г. в свой дневник не только заметки о болгарских святых, но целые пассажи предисловия к Четвероевангелию 1636 г., которое он обнаружил в с. Правец (Ботевградский округ)¹⁸.

Пока что я нашел шесть экземпляров львовского Четвероевангелия: два в ЦИАМ, два в ВМВ и по одному экземпляру — в ПНБ и Музее Алеко Константинова в г. Свиштове. Из них лишь экземпляр ПНБ № 146 попытался описать Б. Цонев, однако он неправильно указал, что это виленское издание¹⁹. Эту ошибку позже повторил и даже усугубил д-р М. Стоянов. В своей статье о Кукленском монастыре, сказав «печатано в Вильно», он без основания добавляет, что «об этом говорится в приписке в самом евангелии»²⁰. В книге приписки с таким содержанием нет. Имена короля Владислава и киевского митрополита Петра упомянуты в «Молитве вседержителю», которая предшествует тексту Четвероевангелия. Согласно одной из приписок, в 1652 г. книга была еще на Украине, в храме Вознесения Христова, что в селе «Жоднищое» (?), владении пана Посочинского. Но, вопреки страшной анафеме, которая ожидала того, кто попытается вынести книгу из храма, она в 1710 г., согласно другой приписке, уже оказалась в Болгарии — в Кукленском монастыре Дамиана и Козьмы блзи Асеновграда.

Среди названных шести экземпляров наиболее сохранились № 161 из ЦИАМ и № 904 из ВМВ. Оба они полны, оба в неиспорченном переплете. В первом из них сохранился титульный лист, на котором гравюрная рамка с изображениями евангелистов не совпадает с изображениями фроп-

¹⁵ П. А т а н а с о в. Львовский Апостол на Иван Федоров в България. «Известия на НБКМ», т. VII (XIII). София, 1967.

¹⁶ Я. Д. И с а е в и ч. Там же, стр. 130.

¹⁷ И. Д у й ч е в. България и западна свят през XVII век, кн. 1, гл. «Родина». София, 1938, стр. 122.

¹⁸ Д. М. Учителни и учителки в Ловеч преди освобождението на България от турско владичество. Сб. «Ловеч и Ловчанско», т. III. София, 1931, стр. 122.

¹⁹ Б. Ц о н е в. Опис на славянските ръкописи и старопечатни книги в Пловдивската народна библиотека, № 146.

²⁰ М. С т о я н о в. Един български културен център в Родоните през турската епоха. «Годишник на Музее в Пловдивски окръг». София, 1954, стр. 256.

тисписных гравюр перед евангелическими текстами. Гравер, создавая рамки, по-видимому, механически следовал какому-то западному образцу и изобразил евангелиста Марка со львом, а Иоанна — с орлом. На фронтисписных гравюрах изображения обоих евангелистов сопровождаются теми же символами, что и во всех русских печатных книгах, изданных до патриарха Никона: Марк — с орлом, а Иоанн — со львом.

Большой интерес представляет и приписка во втором экземпляре учителя (даскал) Милко из «Село Котел», где он сообщает, что переплел книгу в 1741 г. Она проливает некоторый свет на учителей крупного болгарского возрожденческого писателя и епископа Софрония Врачанского.

Из второго издания (1644 г.) того же Четвероевангелия я нашел по одному экземпляру в НБКМ и ЦИАМ. Оба они неполные, в переплете из досок, обитых кожей. Относительно экземпляра НБКМ Цонев ошибочно писал, что это «киевское иллюстрированное издание»²¹. Гошев также не мог указать год и место издания экземпляра ЦИАМ²². В последнем есть приписка от 1 мая 1645 г., в которой сообщается, что книга была куплена Марком Сваринковским с сыновьями Иваном и Лазарем и подарена храму Покрова пресв. богородицы села Панова пана Тышкевича, киевского воеводы. Из другой приписки мы узнаем, что в 1788 г. Четвероевангелие было переплетено попом Младеном Николовичем и положено в Софийский митрополитский храм.

Полный экземпляр третьего издания (1670 г.) того же Четвероевангелия хранится в монастыре св. Николая (Арбанаси).

В ВМВ имеется один экземпляр и четвертого издания (1690 г.) львовского братского Четвероевангелия. Согласно припискам, он поначалу находился в Румынии. В одной из них, за 1717 г., рассказывается об исторических событиях, начиная с известной Косовской битвы 15 июня 1389 г., где была страшная «сечь нечестивых агарян», но численное превосходство помогло им захватить христианские земли, достичь «Темишвара и Валашской земли, где они погубили старо и младо...».

Из литургических изданий львовского братства в Болгарии находится также по одному экземпляру Литургиарона 1637 г. (в НБКМ), Апостола 1639 г. (Музей Алеко Константинова в г. Свиштове) и Октоиха 1639 г. (ПНБ). Являющийся исключительно редким изданием, Октоих был куплен за 12 с половиной грошей монахом Парфением в Афоне и подарен Кукленскому монастырю близ Асеновграда. Два неполных экземпляра третьего издания Антологиона (1643 г.) хранятся в ЦИАМ. В библиотеке Рыльского монастыря хранится полный экземпляр Часослова, отпечатанный львовским братством в 1692 г.

В Болгарии имеются и четыре экземпляра из изданий львовской типографии Михаила Слиозкого. Один из них — «Триодион си ест трипесняц» 1664 г. — находится в НБКМ. У него сохранился титульный лист. Согласно одной приписке, он был в Румынии в 1710 г. собственностью некоего Григория, сына Фетиха. В той же библиотеке находится и один экземпляр «Ключа разумения» 1665 г., важного литературного и публицистического памятника, составленного Иоанникием Галетовским, ректором Киево-Печерской коллегии. Другим экземпляром того же издания располагает ЦИАМ. Оба экземпляра — неполные, они неправильно датированы в инвентарных книгах. К ним нужно добавить и хорошей сохранности экземпляр Четвероевангелия 1665 г. в ВМВ.

Тремя неполными экземплярами «Евлогионси ест молитвослов» 1645 г.,

²¹ Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. 1, № 470.

²² И. Гошев. Там же, св. I, стр. 8.

хранящимися в НБКМ, представлена типография львовского епископа Арсения Желиборского.

Острожская типография князя Константина Острожского представлена в болгарских книгохранилищах и музеях двумя своими самыми ценными и крупными изданиями: Библией Ивана Федорова (1581 г.) и Маргаритом Иоанна Богослова (1595 г.).

О распространении Острожской библии в Болгарии сообщал еще в 1640 г. в одной из своих реляций софийский католический епископ Петр Богдан. Говоря о неграмотности болгарского православного населения, он добавляет, что видел у одного монаха «библию, отпечатанную в России». Такую же славянскую библию, напечатанную в России, купил и сам Богдан у монаха, пришедшего оттуда²³. Очевидно, что обе «русские» библии были экземплярами острожского издания Ивана Федорова. До 1640 г. в России библия не печаталась.

В 1847 г. видный русский ученый Виктор Григорович посетил Рыльский монастырь. В его библиотеке он видел и три экземпляра Острожской библии²⁴. Однако теперь в монастырской библиотеке хранится только один полный экземпляр.

Об экземпляре Острожской библии, у которого нехватало двух первых и 16 последних листов, писал в 1900 г. Е. Спространов²⁵. Он видел книгу в библиотеке Софийского священнического братства. Ныне это братство не существует, а о судьбе экземпляра ничего не известно.

Другой экземпляр Острожской библии видел в 1905 г. проф. Л. Милетич в церкви с. Брестовица Пловдивского округа²⁶. И этого экземпляра в упомянутой церкви теперь нет.

До последнего времени болгарским ученым были известны лишь два экземпляра Острожской библии: по одному в НБКМ и ЦИАМ. Оба они неполные и содержат лишь четыре евангелия, деяния апостольские и Апокалипсис, в силу чего владельцы считали их четвероевангелиями. Так, в экземпляре НБКМ имеются три приписки, в которых различные владельцы книги называли ее «свещеноевангелие». Таким считался и другой экземпляр, о чем свидетельствует и его металлическая оковка с ликами четырех евангелистов — Матфея, Марка, Иоанна и Луки. Относительно этих экземпляров можно предположить, что они были куплены в таком виде у самих издателей или их посредников. Известно, что в посмертной описи имущества Ивана Федорова упоминаются 200 экземпляров библии, из которых 80 неполных экземпляров были оценены по 2 польских злотых и 15 грошей каждый²⁷.

Экземпляр НБКМ отличается и другой примечательной особенностью, упомянутой в описании Б. Цонева²⁸. В нем имеются два послесловия с различными указаниями на время издания. В первом послесловии, написанном двумя параллельными столбцами на греческом и славянском, датой выхода в свет указано 12 августа 1581 г., а через пустой (чистый) лист (водяной знак: подкова с крестом в середине) следует второе послесловие (од-

²³ И. Д у й ч е в. Там же, стр. 121.

²⁴ В. Г р и г о р о в и ч. Очерк ученого путешествия по Европейской Турции. «Ученые записки Казанского университета», кн. III. Казань, 1848, стр. 186.

²⁵ Е. С п р о с т р а н о в. Там же, № 10.

²⁶ Л. М и л е т и ч. Кесийки от пергаментов кесийки. «Периодично списание», кн. XVI, св. 5—6. София, 1905, стр. 337.

²⁷ А. С. З е р н о в а. Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии. «Труды ГПБ», т. II. М., 1958, стр. 30.

²⁸ Б. Ц о н е в. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. 1, № 465.

ним столбцом дан только славянский текст), где датой выхода названо 12 июля 1580 г.

Пять лет назад я нашел в НБКМ еще один экземпляр Острожской библии. Он также нешолон, содержит 446 листов ²⁹.

Недавно я нашел еще три экземпляра Острожской библии: в Митрополичьей библиотеке г. Враца и в музеях городов Лом и Етрополе. Они не очень хорошо сохранились. Лишь этропольский экземпляр имеет переплет и содержит 613 листов. Он представляет большой интерес благодаря множеству приписок на полях. Книга превратилась в своего рода летопись города почти за сто лет, с конца XVIII до конца XIX в. В приписках рассказывается о всех, наиболее значительных событиях, происходивших в городе, упоминаются имена многих священников, учителей, певчих, строителей некоторых местных церквей, отмечается смерть видных горожан, землетрясения, годы голода и болезней, засухи и большой дороговизны.

В инвентарной книге и в картотеке НБКМ один экземпляр «Маргарита» Иоанна Богослова (1595 г.) ошибочно отмечен как киевское издание XVII в. Об этом же говорится и в письменной справке Б. Цонева, вложенной в книгу: «Златоустовы слова. Киевское издание XVII в., без начала и конца. Доставил из Врачанского (округа) Хр. Г. Врытовский». Экземпляр этой весьма редкой книги находится в очень плохом состоянии: в нем всего 108 листов — с 60 по 175.

Один из сборников этой же библиотеки (№ 592) переплетен вместе с экземпляром маленькой книжки «Ламент дому княжат Острозских», напечатанной в 1603 г., вероятно, в Остроге ³⁰. Эту маленькую книжку, от которой уцелело только 10 первых листов, я не встретил отмеченной даже в новейших исследованиях по книгопечатанию на Украине в XVII в. Стихотворный (вирши) ее текст восхваляет знатный дом острожских князей, свято почитавших родную церковь; их жизнь протекала на службе у русского народа и в укреплении его православия.

Филиал Острожской типографии в Дерманском монастыре представлен в собрании ЦИАМ двумя экземплярами «Октоих, сиреч Осмогласник». В обоих недостает нескольких листов в начале и в конце. Попытку их описания сделал Е. Спирофанов, но он не смог указать год и место их издания ³¹. В обоих экземплярах встречается одна и та же ошибка в пагинации: на листе сотом вместо «рцы» отпечатано «кси» (60) и далее продолжается 61, 62 и т. д. до 79, после чего следует пагинация 111 и продолжается до 146. Особый интерес представляет сохранившееся в одном экземпляре предисловие.

Подобно другим руководителям украинских типографий, и «Димиан недостойный пречвитен», наряду с заботой о сохранении родной церкви, прилагает усилия в отношении духовного и умственного развития своих соотечественников, стремится приучить их к чтению, к самостоятельному размышлению. Он советует им читать «сию книжицу», чтобы узнать, в какую пору какую молитву они сами должны произносить по причине постоянной угрозы закрытия родных церквей. Эта угроза была реальна и в условиях болгарской действительности, поэтому его советы имели одинаковое значение и для болгарских читателей.

Книжная продукция типографии Киево-Печерской лавры, подобно львовским изданиям, имела большое распространение в болгарских землях. Этому, бесспорно, очень содействовал ее язык и правописание, в сво-

²⁹ П. Атанасов. Там же, стр. 36.

³⁰ Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. 1, стр. 520.

³¹ Е. Спирофанов. Там же, № 69, 71.

ей основе соответствовавшее нормам среднеболгарского языка. «Ученая дружина» лавры сознательно подготавливала свои издания для широкого круга читателей балканских земель. В предисловиях некоторых книг даже сообщалось, что они печатаются и для «болгарове, сербове и боснене» или «ради пользы о преобретения братим своем».

Киевские издания также сыграли важную роль в сохранении языка и этнического самосознания у болгарского народа в самую тяжкую пору ига. «Такого притеснения и гнета, — писал один османский писатель того времени, — какому подвергаются бедные крестьяне, никогда ни в одной стране света, ни в одном государстве не существовало»³².

Киево-Печерские издания служили также источниками, из которых болгарские книжники широко черпали знания и в более поздние времена. Особенно важно, что они с гордостью указывали на эти заимствования. Так, например, священник Тодор Врачанский использовал в своем сборнике «Слова и поучения» (1772) статьи киевского «Номоканона» 1624 г., а желая подчеркнуть их авторитетность, приводит и весь текст его титульной страницы.

До наших дней дошло немного книг типографии Киево-Печерской лавры. Однако следует отметить, что большинство из них являются экземплярами самых ценных и монументальных изданий. Первое место среди них занимает «Антологион», который должен был быть первой книгой типографии, но по причине большого объема и формата вышел с опозданием — в 1619 г. Он богат украшен гравюрами. Некоторые из них механически перенесены из Часослова, отпечатанного в Венеции в 1566 г. болгарским печатником Яковом Крайковым. Ныне экземпляр находится в Музее Алеко Константинова в г. Свиштове. У него поврежден переплет, а листы сохранились с 191 по 493. В инвентарной книге он характеризуется лишь как «русское издание XVII в.».

Единственный в Болгарии экземпляр «Бесед Иоанна Златоуста о деяниях апостолов» 1624 г. находится в ВРМ. «Беседы» были изданы Киево-Печерской лаврой в качестве скрытой полемики по поводу усилившихся гонений на украинскую культуру. Болгарские деятели, бесспорно, находили в этом творении опору в борьбе против посягательств жестоких поработителей, в усилиях, направленных на сохранение национального языка и культуры. Об этом свидетельствуют и заимствованные отрывки из «Бесед» в сборниках составителей болгарских дамаскинов.

Двумя экземплярами представлено в НБКМ другое замечательное издание Киево-Печерской лавры — «Толкования Апокалипсиса» Андрея Кессарийского, переведенное и напечатанное в 1625 г. «волею, тщанием и благословением» архимандрита Захария Копыстенского. Хотя оба экземпляра неполны и в них вырезаны некоторые гравюры, они очень хорошо дополняют друг друга и могут дать представление о всей книге. В одном из них сохранились «Предесловие ко читателю» Терасия Леоновича Земки и содержащая посвящение «Предмова» архимандрита Копыстенского.

В той же библиотеке хранится и один экземпляр самого богатого иллюстрациями издания Киево-Печерской лавры — «Акафистов» 1625 г., также подготовленный по переводу Захария Копыстенского с греческого языка.

Собственностью той же библиотеки являются и два экземпляра «Литургиариона» (1629), который подготовили к печати «всего типопривитель» Терасий Земка и «типограф» Стефан Берында. У одного из них отсутству-

³² «История на България», т. 1. София, 1961, стр. 266.

ет много листов, а у другого отсутствуют только л. 1 и 6 из третьей тетрадки и вся шестая тетрадка. В его пагинации допущена ошибка: после буквенной цифры 70 сразу следуют листы с буквенными цифрами 101 и 102, а затем пагинация начинается с 19, пропускает по порядку цифры 37 и 38 и продолжается до 114.

К богато иллюстрированным изданиям лавры нужно причислить и экземпляр «Евангелия поучительного» (1637), который находится в ПНБ. Он без начала и конца. Б. Цонев не смог его датировать и указать место издания.

В Болгарии был известен монументальный и богато украшенный гравюрами «Великий гребник», изданный лаврой в 1646 г. Ныне один его экземпляр хранится в БРМ. Он неполон, многие его последние листы отсутствуют. В еще худшем состоянии другой экземпляр этого издания, находящийся в Музее Алеко Константинова (г. Свиштов): у него только 128 листов, переплет сильно поврежден. В музейном описании лишь значится, что это «русское издание XVII в.».

Еще об одном экземпляре «Великого гребника», который хранился в софийской церкви св. Георгия, сообщал Е. Спространов в рукописной работе начала XX в.³³ В нем отсутствовали первые листы, но по дате «1644 г.», которую Е. Спространов видел на гравюре со сценами распятия Христа, он заключил, что книга была напечатана именно в это время. В книге имелась приписка (1723), сделанная ижским патриархом и митрополитом Арсепием, сообщавшим, что Требник дарится нишскому храму св. Николая Мирликийского. Тогда нишским митрополитом был Иоанникий. Ныне неизвестно, где находится этот экземпляр. В очень плохом состоянии находится имеющийся в ПНБ экземпляр киевского Служебника 1653 г.

Лучше сохранился экземпляр очень редкого второго издания (1654 г.) «Акафистов», имеющийся в НБКМ. У него отсутствует только предисловие и л. 150. Некоторые из его больших, во всю страницу гравюр с изображениями святых имеют монограмму «ЛМ», которую Д. А. Ровинский расшифровывает как «Леонтий монах» (Леонтий Земка). Более поздние даты на этих и других гравюрах дают основание думать, что Л. М. был тем же самым мастером, чья монограмма встречается и на гравюрах единственно известного до сих пор экземпляра киевских «Святцев» 1629 г., хранящегося в Бодлеанской библиотеке Оксфорда³⁴.

Со времени выхода упомянутых двух изданий следы связи типографии лавры с Болгарией прерываются почти на 17 лет. Лишь в 1671 г. они появляются снова, отражая одно знаменательное событие в истории болгаро-украинских литературных отношений. На средства казацкого полковника Райчо Думитрашко типография лавры напечатала «Службу с житием» болгарского национального святого Ивана Рыльского. Это первое печатное издание одного из самых примечательных сочинений известного болгарского культурного деятеля и писателя XVI в. патриарха Евтимия Тырновского. Профессор Софийского университета Н. М. Дылевский написал обширную и ценную работу о причинах издания этой книги и о ее редактировании, сделанном наместником Киево-Печерской лавры и известным церковным проповедником Антоном Радивилевским³⁵.

³³ Архив при БАН. Спространов, папка II — Научни статьи.

³⁴ J. D. A. Barnicot, J. S. G. Simmons. Some unrecorded Earlprinted Slavonic Books in English Libraries. Oxford Slavonic Papers, vol. II. 1951, p. 112—113; С. А. Клепиков. Русские гравированные книги XVII—XVIII веков. В сб. «Книга», М., 1964, № 9, стр. 152—153.

³⁵ Н. М. Дылевский. Страница из истории болгаро-украинских культурных связей в конце XVII столетия. Сб. «Эзиковедско-етнографски изследования в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960.

«Служба с житием» бесспорно получила широкое распространение среди болгарского народа, который многие века свято чтит рыльского отшельника. В житии есть немало эпизодов, рассказывающих о прошлом, упоминаются и имена болгарских царей, вообще в нем описываются события, которые в те тяжелые времена жестокости и рабства не только способствовали повышению патриотического сознания болгарских читателей, но и были моральной опорой, вселяли надежду на избавление.

В Болгарии в настоящее время известны три экземпляра «Службы с житием»: два находятся в НБКМ и один — в БРМ. Точное и подробное их описание сделал проф. Н. М. Дылевский³⁶.

В ЦИАМ находится один экземпляр следующего издания Киево-Печерской лавры — «Псалтыря с последованием» 1672 г. Он в кожаном переплете и очень хорошо сохранился. Налицо и семь гравюр с религиозными сценами; некоторые из них имеют дату — 1630. Хорошо сохранился и экземпляр «Акафистов» 1674 г.

В ПНБ хранится один экземпляр миниатюрного издания типографии лавры — «Часослов» 1679 г. Напечатанный очень мелким шрифтом, он представляет большой интерес как полиграфическая попытка следовать образцам эльзевирских изданий. У него отсутствуют листы из начала и конца. Другой, тоже неполный, экземпляр хранится в НБКМ. Его место и год издания не установлены.

Большой интерес представляет хранящийся в НБКМ экземпляр «Тестаменту Василия, царя греческого, его сыну Льву», изданного в 1680 г. Этот памятник византийской литературы содержит советы, поучения и похвалу человеческим добродетелям, необходимым не только простым людям, но и высшим сановникам и царям. К «Тестаменту» прибавлено и сочинение «О вере» константинопольского патриарха Геннадия, написанное в том же духе.

В украинском книгопечатании «Тестамент» впервые появился в составе сборника «Лекарства на оспалий умисъл чаловечний», изданного в 1607 г. в Остроге пресвитером Демианом на двух языках — церковнославянском и украинском. В 1638 г. белорусский печатник Спиридон Соболев переиздал «Тестамент», добавив предисловие, в котором сообщил, что это сочинение перевели Кирилл и Мефодий с греческого на славянский. Соболев прибавил к «Тестаменту» сочинение «О вере» патриарха Геннадия. Этот «перевод» Кирилла и Мефодия отдельно, как самостоятельное издание, печатался в Москве в 1660 г. и в Петербурге в 1718 г., а вместе с сочинением «О вере» Геннадия был издан в Киеве в 1680 г.

Софийский экземпляр «Тестаменту» хорошо переплетен, у него отсутствуют только листы предисловия и последний, 56-й лист. Из трех гравюр сохранилась лишь одна, с изображением патриарха Геннадия.

Список известных нам, сохранившихся в Болгарии книг, изданных в XVII в. типографией Киево-Печерской лавры, завершается «Поучительным евангелием» 1691 г. Один его полный экземпляр находится в БРМ, а другой, с большими утратами, — в НБКМ.

Всего автору этой статьи известны 58 экземпляров украинских старопечатных книг XVI—XVII вв., хранящихся в Болгарии. Все они — драгоценные памятники, первостепенные исторические документы и мы верим, что публикация сведений о них будет содействовать созданию нового и более точного представления о культурных связях между украинским и болгарским народами в эпоху, еще недостаточно освещенную до сих пор.

³⁶ Н. М. Дылевский. Там же, стр. 969—970.

П р и л о ж е н и е

Список украинских старопечатных книг XVI—XVII вв. в Болгарии

1. *Апостол*, Львов, 1574.
ПНБ, № 148 (6).
2. *Библия*, Острог, 1581.
НБКМ, № 465 (288); РЦ 581.1-а; ЦИАМ, № 9; БРМ, № 3102;
Митрополия в г. Враца; Музей в г. Лом; Музей в г. Этрополе.
3. *Маргарит*, Острог, 1595.
НБКМ, РЦ XVII.1.
4. *Ламент дому княжат Острозки*, Острог (?), 1603.
5. *Беседа о въспитании чад*, Львов, 1609.
НБКМ, № 592.
6. *Октоих*, Дерманский монастырь, 1604.
ЦИАМ, № 69, 71.
7. *Антологион*, Киев, 1619.
Музей им. Алеко Константинова, г. Свиштов, № 138.
8. *Беседы Йоанна Златоуста о деяниях апостольских*, Киев, 1624. БРМ.
9. *Толкование Апокалипсиса*, Киев, 1625.
НБКМ, РЦ 625.1-а; РЦ 625.1-б.
10. *Акафисты*, Киев, 1625.
НБКМ, РЦ 629.1.
11. *Литургиарион*, Киев, 1629.
НБКМ, РЦ 629.1-а; РЦ 629.1-б.
12. *Четвероевангелие*, Львов, 1636.
ЦИАМ, № 161, 166; ПНБ, № 146; ВМВ, № 362, 904; Музей им. Алеко
Константинова, Свиштов, № 134.
13. *Литургиарион*, Львов, 1637.
НБКМ, РЦ 637.1.
14. *Евангелие учительное*, Киев, 1637.
ПНБ, № 173.
15. *Октоих*, Львов, 1639.
ПНБ, № 152.
16. *Апостол*, Львов, 1639.
Музей им. Алеко Константинова, Свиштов.
17. *Антологион*, Львов, 1643.
ЦИАМ, № 254, 1012.
18. *Четвероевангелие*, Львов, 1644.
НБКМ, РЦ 644.1; ЦИАМ, № 180.
19. *Евхологион (Молитвослов)*, Львов, 1645.
НБКМ, РЦ 645.1-а; РЦ 645.1-б; РЦ 645.1-в.
20. *Великий Требник*, Киев, 1646.
БРМ; Музей им. Алеко Константинова, Свиштов, № 143.
21. *Евхологион*, Киев, 1646.
БРМ
22. *Служебник*, Киев, 1653.
ПНБ, № 159.
23. *Акафисты*, Киев, 1654.
НБКМ, РЦ 654.1.
24. *Триодион*, Львов, 1664.
НБКМ, РЦ 664.1.
25. *Ключ Разумения*, Львов, 1665.
НБКМ, РЦ 665.1; ЦИАМ, № 386.
26. *Четвероевангелие*, Львов, 1665.
ВМВ, № 905.

27. *Четвероевангелие*, Львов, 1670.
Монастырь Св. Николая, Арбанаси.
28. *Служба с житием*, Киев, 1671.
НБКМ, РЦ 671.1-а; РЦ 671.1-б; БРМ.
29. *Псалтырь с последованием*, Киев, 1672.
ЦИАМ, № 276.
30. *Акафисты*, Киев, 1674.
ЦИАМ, № 1201.
31. *Часослов*, Киев, 1679.
ПНБ, № 164; НБКМ, РЦ XVII.5.
32. *Тестамент Василия царя греческого*, Киев, 1680.
НБКМ, РЦ XVII.6.
33. *Четвероевангелие*, Львов, 1690.
ВМВ, № 906.
34. *Евангелие поучительное*, Киев, 1691.
БРМ.
35. *Орологион сиреч Часослов*, Львов, 1692.
БРМ.

РЕФЛЕКСЫ ТРЕТЬЕГО НОСОВОГО ГЛАСНОГО
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ

В длительных спорах относительно фонемного статуса \ddot{o} в праславянском¹, как кажется, свое значение может иметь и расшифровка раннеславянских орфографических систем. Расхождения в реализации \ddot{o} по средневековым рукописям всегда связаны с общим направлением фонологического развития данного языка (диалекта), и из двух взаимно противоречащих ДП (дифференциальных признаков) фонемы \ddot{o} предпочтение отдается лишь какому-то одному — либо дизности, либо бемольности. Только самостоятельная фонема способна развивать диалектные и исторические вариации, аллофон никогда не дает изоглосс. И если тем не менее различные изменения действительно отражаются в разных источниках, мы должны реконструировать фонему, а не позиционный ее вариант.

Русские рукописи XI—XIII вв. хронологически четко выделяют разные типы написаний с юсами и их заменами. Самые ранние памятники либо вовсе не дают примеров смещения юсов с ou , та (Новгородские листки), либо отражают позиционное перераспределение носовых и неносовых гласных (Путьятина минея). Последний случай особенно интересен, ибо здесь наряду с русским смещением ж/оу и а/а обнаруживается четкое различие разных позиций у ю: он заменяется на ю после гласной (гласю) и на v после согласной буквы (юмв землв). В первой половине рукописи (до л. 68) ю пишется 377 раз, заменяясь на ю 96 раз, на v — 8 раз. Особенно интересны последние примеры, которые приводим из всей рукописи: вин. ед. зарв 39, 43, землв 55, 64б, 75б, 77б, 90б, 94б, 109б, 116б, 120, 126, 127б (также землж 49 и несколько раз в начале рукописи традиционное написание землю 5б, 2б, 38б), поуцгыну 53, оутрвнцше 94 (ср. оутрвнцжа 94б), кз горвнмоу црстквж 125б, приемлв 59, приемлвцше 60, -и 70, -емз 76б, юмвцшги 87б и др., кьсв 50б, 77б, 90б, 122 (также кьсю 89 и к'сж 93б), но в положении после ρ обычно коурю 10б, 91, 91б и др. или исконное написание коурж 2 (хотя в конце рукописи также коурв 124б); исключениями от этого распределения являются написания лвдмз 55б и дат. ед. к'назв 31б. На различие между ю и v указывают написания типа замен та на ю (и землв неорана 110) или \ddot{t} на а (Ѡ земла 133б с обычным изменением ринезма) только после палатальных согласных, а также замена v на ю после и (ср. юдно впоггаслвоуж 98, но три юпоггаслвоу 97). Знаку v после палатальных соответствуют ю и та, ср. соотноше-

¹ См. В. Ф. Мареш. Происхождение славянского носового \ddot{o} ($j\ddot{o}$). «Вопросы славянского языкознания», вып. 7. М., 1963; G. Y. Shevelov. On Endings with Nasal Consonants after Palatal and Palatalized Consonants. «Die Welt der Slaven», X, 1965, Hf. 3—4; L. Newm an. On Reconstructing a third 'jat' in the Northern Dialects of Common Slavic. «Slavia», роѢ. XL, 1971, сеѢ. 3.

ние написаний типа поѣмлуциги 70 — приѣмлюѣмз 93 — приѣмла 94б или землу — землю — земля . Сопоставляя все эти факты, мы должны сделать вывод, что в самом написании ν содержится указание на палатальность предшествующего согласного, но в написании с этим согласным писцу важно отметить также особое качество самого гласного, его отличие от ю- (\ddot{u}). Ю иногда смешивается с ж, тогда как ν употреблено только после исконно мягких согласных на месте \dot{q} . Следовательно, если смешение ж — ю действительно указывает на утрату ринезма, ν (знак для обозначения \dot{q} после палатальных) обозначает такую осознаваемую фонетическую единицу, которая утратила ринезм, но сохранила тем не менее свою функциональную самостоятельность. Ближайшая параллель этому — изменение фонемы ϵ в \ddot{a} . Последовательный параллелизм в обозначениях ϵ и \dot{q} доказывает функциональную близость \ddot{a} и \ddot{u} после утраты ринезма. Сравнивая возможные замены в формах вин. ед. и вин. мн. типа землж > землу (не землю) и земля > земла (не землѣ), обнаруживаем одинаковую зависимость конечных гласных от палатальности предшествующего согласного, но более переднее образование этих гласных по отношению к а и и.

В рукописях с середины XI в. независимо от степени смешения юсовых начертаний и некоторых индивидуальных различий письма наблюдается следующая картина.

В Изборнике 1076 г., где процесс вытеснения юсов отражен наиболее последовательно, ж после твердых согласных постоянно заменяется на оу, тогда как после палатальных более обычно написание с ж (при возможном ю); ср., с одной стороны, вѣдоу 14, правдоу 32, слакоу 34, а, с другой — алкстоу и жаждж 49, доушж 185б, нашж 10, лзжж 31б, также моужж 19, кораваж 25, оцж 45 и оци 45; аналогичные примеры в корнях слов: кльчара 16 (кльчита 17), закльчени 109б, лжбита 106б, лжбз/ве 28б (лжбзвано 30, 45б и др.), лждьмз 226б и т. д. Примеры типа слакоу скож 45б показывают, что во всех приведенных случаях ж является не знаком носового гласного после твердого или отвердевшего согласного, а своеобразной заменой знака ν в рукописях, где написания типа слабж уже не встречаются, где ж утратил свое прежнее значение. Написания ткорж , манж и др. наряду с блжди (\parallel блѣстѣла), кльча и т. д. в таких рукописях — это обобщенное изображение слога $l'q$ и слога $l'i$ как лж (= $\text{л}\nu$) — запись, одновременно указывающая на палатальность согласного и на дизонность гласного как на общую характеристику обоих компонентов слога. В рукописи XIII Слов Григория Богослова при отсутствии ν очень часты смешения ю с ж, ср. обратные написания типа мжбигѣ 134б, мжтоѣ 5б, блждѣтѣ 292 и др. и наряду с этим $\text{закльчимѣтѣкокахоумз}$ 314 или манж 113б — маню 113б — маню 118б — манж 117б со смешением слогов в целом: $\text{лю} = \text{лж} = \text{лж}$ или $\text{нж} = \text{ню} = \text{нж}$.

В связи с устранением юсовых знаков в русских рукописях XI в. являются написания типа ткору или ксоу одновременно и параллельно с ткорж и кбж (Остромирово ев., Изборник 1073 г.) и наряду с аналогичными примерами для изображения л — а, ср. в Изборнике 1073 г. кзз 'взял', омидѣсатѣ , са и кназа , ккакат ; в Изборнике 1076 г. им. ед. кома , боура вместо кома , боура ; в Остромировом ев. боура и боуру и т. д. В рукописях конца XI и начала XII в. уже нет никакого однообразия в передаче слога $l'i$, писцы (очень непоследовательно) пользуются всеми возможными графическими средствами его обозначения; например, в новгородских минеях конца XI в. кбл и кбж ; землж , крзмлж и тврздыну , землу , поустыну , надежу , также зароу , землоу ; морж , огнж , пастырж — кзназв — мороу , огноу ; зткорж , поштгрж , лблж — приемлу , ткору — колѣблосуѣмзѣ ; впрочем, в корнях слов более последовательно в

графическом отношении пишется только *л҃ѣтъѣхъ*, *л҃ѣтъѣи*, *сѣбл҃вдѣи* и т. п. наряду с традиционными написаниями типа *лѣтъѣи* и под.

На этом этапе юсовых преобразований останавливает внимание о д н о с т о р о н н я я замена на «твердый вариант», что вызывает впечатление «отвердения» соответствующих согласных². На самом деле речь должна идти не о фонетическом отвердении согласных³, а о попытке старыми графическими средствами передать происшедшие на синтагматическом уровне фонемные изменения. Они связаны со вторичным смягчением согласных. «Твердым» в этих написаниях оказывается палатальный, его мягкость менее существенна, чем качество последующего гласного (его отношение к группе носовых) в его противопоставлении к *и*. Так появляется написание *лж* вместо *лѣ*, сменившее написания типа *лѣ* и указывающее на прежнее отличие *l'j* от *li*.

В памятниках конца XII и XIII в. характер графических смещений коренным образом меняется. Рассмотрим типичный случай орфографической неустойчивости. Никаких следов юсовых букв в это время уже нет (даже в отношении *а* — шире употребляется написание с *ѣ*). В евангелии конца XII — начала XIII в. из Погодинского собрания ГПБ № 13 (с отражением цоканья, *жг* на месте *жд* и других севернорусских особенностей) широко представлено в з а и м н о е смещение *ѣ* и *ю*, т. е. соответственно *ѣ* и *'ю*; оба знака выступают как одинаково возможные графические варианты, ср. на месте *'ю*: *межѣ собою* 12 — *межю собою* 12, *морѣ* 29, *оучителѣ* 76 — *оучителю* 62, *любѣ* 100б — *любю* 100б, *сѣбл҃вдѣѣа* 29б — *сѣбл҃вди* 52, *л҃ди* 99 — *людие* 43 и мн. др.; на месте *ѣ*: *тѣорѣ* 52 — *тѣорю* 16б, *гл҃ѣ* 33б — *гл҃ю* 33, *изгонѣ* 36б — *изгоню* 36б, *молаѣ* 84б — *молю* 82, *алчѣтъ* 29 — *алчютъ* 29, *землаѣ* 90б — *землю* 89б, *коуплаѣ* 96б — *коуплю* 96б, *прѣтъчѣ* 93 — *прѣтъчю* 94б, *кѣ нѣ* 10, *за нѣ* 88 — *кѣ ю* 11, *на ю* 41, *кѣ нѣ* 30, 51 — *кѣ ю* 59б и др. Число примеров значительно: статистический подсчет на л. 25—100 (одна треть рукописи) дает следующие результаты:

Буква	После согласной									
	ж	ш	щ	ц	ч	з	с	л	н	р
<i>ѣ</i> = 257	13	14	42	26	28	2	8	100	13	11
<i>ю</i> = 128	7	10	2	3	11	—	5	68	16	6

Таким образом, после исконно мягких согласных наблюдается взаимное смещение знаков, прежде обозначавших *ѣ* и *ю*, а это значит, что в рукописи отражается фонематическое совпадение двух единиц. Если верно, что односторонняя замена, например, *ѣ* на *ю* указывает на нейтрализацию в противопоставлении двух фонем, а их безразличное взаимное смещение свидетельствует «совпадении» *ѣ* и *ю*, то и в нашем случае мы должны учесть хронологические границы преобразования: односторонняя замена *ю* на *ѣ* (*ж*) в рукописях до середины XII в. указывает на «близость» обозначаемых буквами *ю* и *ѣ* фонетических единиц, а с конца XII в. — на их совпа-

² Такой вывод и сделал Ф. Ф. Фортунатов на основании примеров Остромирова ев., см. Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия. «Сборник статей в честь В. И. Ламанского», II. СПб., 1908, стр. 1461.

³ Ту же точку зрения см. J. Lé p i s s i e r. Du durcissement des consonnes on vieux slave. «Revue des Études slaves», t. XLVII, 1968, p. 73.

дение в одной фонемной единице. Поскольку однонаправленная замена распространяется на маркированный член противопоставления ($b > e$, а не наоборот), следовательно, и в замене ю на ъ первая единица была маркированной по какому-то важному признаку, и на конечном этапе их изменения ю и ъ должны совпасть в ъ. Такое совпадение и отражается в нашем памятнике (отношение ъ: ю = 2:1), хотя в дальнейшем оно и не получило развития в русской графической традиции (обобщился более удобный в условиях силлабарного письма знак ю); только в XII и XIII в. широко распространены рукописи с употреблением знака ъ в данной функции⁴.

На всех трех этапах последовательного развития графических обозначений для \ddot{o} , \ddot{u} отмечается последовательный параллелизм с изменениями $e > \ddot{a}$ и предшествующих им согласных: до середины XI в. мягкость согласных передается йотацией следующего гласного (кз нѣма), затем до конца XI в. — различными надстрочными знаками (каморой кз нѣма или точкой кз нѣма), а с начала XII в. черточкой у согласного (кз нѣма). Таким образом, до середины XI в. писцы заинтересованы в передаче особенностей вокалического элемента слога (йотация и особое выделение ъ), параллельно с попытками передать общее свойство слога (дизный или бемольный) с середины XI в. писцы заинтересованы в ключевом начертании, однозначно передающем общее свойство слога (надстрочный знак для согласного и вышедший из употребления знак гласного — ъ, ж); параллельно с попытками передать доминирующее значение консонанта (знаком¹) возникает безразличное смешение букв ю и ъ. Вокалическая структура слога смешается недолгим периодом силлабного строения слога и, наконец, завершается консонантной структурой.

Памятники среднеболгарского периода с точки зрения их территориальной приуроченности следует разграничивать на собственно болгарские и македонские.

В Слепченском апостоле XII в., в Паремейнике Григоровича XII—XIII вв., в грамотах болгарских царей XIII—XIV вв. и в других болгарских памятниках среднеболгарской эпохи обнаруживается юсовая мена в зависимости от соседних согласных. После ш, ж, жд, шт буква а заменяется на ж, после н, р, л, с, ч, ц, з, ј — ж на а, ср.: 1 л. ед. ч. настоящего времени тѣора, храна, мола, 3 л. мн. ч. настоящего времени глаголатъ, тѣоратъ (но съмшжтъ), причастия глаголацоу, приемаце, вин. ед. имен женского рода зара, кзга, аорист одѣшжга, некоторые корни типа жжжда, шжганиа, чждо и др. на месте тѣорж ... глаголтъ ... глаголтцоу ... зарж ... одѣшага ... жжжда. Параллельно этому в аналогичных условиях в тех же памятниках находим ятевую мему; ср. в Паремейнике Григоровича кз мѣотж, съѣтъ, крѣпостъ, кз мѣта и др. на месте кз мѣотж, съѣтъ, крѣпостъ, кз мѣтѣ, но — тѣко, им. ед. земѣ (земѣта), от морѣ, кзѣкз, оубѣга и др. Следовательно, после смягченного $\ddot{e} > a$, а после палатального, наоборот, $a > \ddot{e}$.

Ранние македонские памятники, например, Добромирово ев. XII в. и Добрейшево ев. XIII в. от собственно болгарских отличаются двумя важными особенностями. В них наблюдается о д н о с т о р о н н я я замена а на ж и а на тѣ; кроме того, при отсутствии знака ѣ возможно употребление ѣ. Буква а вместо ж пишется только в окончаниях глагольных

⁴ Некоторые из них в данном отношении описаны, см. А. И. Соболевский. Как произносилась в Древней Руси у (ижница) после согласных? «Статьи по славяно-русскому языкознанию». Варшава, 1883, стр. 1—2. К этой группе рукописей следует отнести также Минею нач. XII в. (ЦГАДА, Типогр. 125), Минею XII в. (ГПБ, Соф. 206), Службеник XII в. (ГПБ, Соф. 1136) и др.

(и причастных) форм в положении после *j*, изредка и после *ж, ш* (они же $\rho\acute{\text{ш}}\text{ж}$, да послужжѣтѣ емсѹ, знаж = знаѣ). В именных окончаниях такие замены невозможны вообще, зато в глагольных они распространяются и на *а* после любых согласных (ср. после смягченных хсдѣтѣ , ѣжѣтѣ и т. д.). Это результат морфологического выравнивания на основе фонетического изменения $j\acute{\text{e}} > \rho$, параллельного изменениям $\text{ь} > \text{ѣ}$, $\text{е} > \text{о}$ после палатальных (написания типа цѣрѣ , аѣо и т. д.). Что же касается $\text{ж} (= j\rho)$, то в македонских рукописях наблюдается довольно частое (в XIII в., см. Добрейшево ев.) и более редкое (в XII в., см. Добромирово ев.) написание типа кѣж колѣ ѣткорѣ на землѣ . В Добромировом ев. ж особенно распространено после йота и *л'*, ср. помомѣ 186, гѣжѣоу 196 и др., землѣ 46, оуподоблѣ 56, момѣ ти 656, погоубитѣ ж 646 и т. д. Именно в данной позиции, после йота и *л'*, возможна перегласовка $j\acute{\text{e}} > j\acute{\text{o}}$ (ср. в этой рукописи момѣщѣса 8,12 параллельно с момѣщѣса 8). Таким образом, в этой группе памятников отражается изменение

$$\begin{matrix} j\acute{\text{e}} \\ j\acute{\text{o}} \end{matrix} > \rho \quad (\text{графически: } \begin{matrix} \text{ж} \\ \text{ж} \end{matrix} > \text{ж}),$$

находящееся в связи с изменением палатальности согласных: все колебания связаны с согласными, которые и в современном литературном македонском языке являются мягкими. Из этого можно сделать вывод, что в XII — начале XIII в. в македонских говорах происходит нейтрализация противопоставления $\acute{\text{e}} - \acute{\text{o}}$ в ρ . В начавшемся юсовом изменении важно позиционное совпадение и $\acute{\text{e}}$ и $\acute{\text{o}}$ одинаково в ρ , т. е. в «третьем» по отношению к ним гласном (потому что только ρ возможен в положении после твердого согласного). Из этого должно следовать, что до начала изменения $\acute{\text{o}}$ противопоставлено к ρ так же, как и $\acute{\text{e}}$. Параллельно этому в Добромировом ев. XII в. (и в любой другой македонской рукописи этого периода, например, в Охридском ев., где подобное изменение возможно лишь после *л, р, н, ч*) после исконно мягких согласных $\text{а} > \text{ѣ}$, ср.: кѣѣ , тѣѣ землѣ (= кѣа тѣа землѣа) и т. д. Только перед $\acute{\text{e}}$, но не перед *а* возможен теперь палатальный согласный в говорах, отраженных этими рукописями.

На втором этапе появляются примеры обратной замены *ж* на *а*, но никогда одновременно с этим нет замен ѣ на *а*. В Охридском апостоле конца XII в., в Болонской пс. 1230—1241 гг. после парных мягких *л', н', р', с'* на месте *ж* пишется уже *а*. Так возникло соотношение

$$\begin{aligned} &= \text{шѣ} > = \text{шѣ} = \text{лѣ} > = \text{лѣ} = \begin{matrix} \acute{\text{ш}}' \acute{\text{ѣ}} \\ \acute{\text{ш}}' \acute{\text{o}} \end{matrix} > \acute{\text{ш}}\rho \quad \begin{matrix} \text{л}' \acute{\text{ѣ}} \\ \text{л}' \acute{\text{o}} \end{matrix} > \text{л}'\acute{\text{e}} \\ &\text{ср.: вин. ед. доушлѣ} > \text{доушж}, \text{ но } \text{колѣ} > \text{кола}. \\ &\text{вин. мн. доушѣа} > \end{aligned}$$

Разница между доушж и кола заключается в различии качества согласного: среднеязычный (= палатальный) в кола и несреднеязычный (= непалатальный) в доушж . Губные в сочетании со вставочным *л'* также изменяют тембр гласного $\acute{\text{o}}$ на $\acute{\text{e}}$, а утрата эпентетического *л'* в памятниках македонского происхождения заставляет предполагать здесь фонетически скорее йот, нежели палатальный *л'*. Таким образом, рассматриваемое изменение ограничено позицией после йота, т. е. представляет собою йотовый умяют в эпоху, когда происходило формирование корреляции согласных по мягкости — твердости. Другими словами, дело здесь не в качестве предшествующего согласного, а в наличии или отсутствии предшествующего йота, следовательно, в противопоставлении «двух ж»: всем совпадениям с $\acute{\text{e}}$ подвергается не ρ , а именно $\acute{\text{o}}$.

По той же причине столь пестро представлены в среднеболгарских рукописях смешения λ — ж в положении после йота. В йотовом умляюте признак йота — различительный признак корреляции, а не «звук j ». Как и во всех славянских языках, в македонских говорах изменения ǰ связаны с двумя преобразованиями системы: с возникновением корреляции согласных по мягкости — твердости и со следствием этого — с изменением гласных по диэзности и по компактности. Отличие македонских памятников от собственно болгарских в среднеболгарский период состоит в следующем:

Памятники	Условия замены λ на ж	Условия замены ж на λ
Македонские	После <i>ш, ж, шт, жд</i> (<i>ц, ч, з, ј</i>)	После <i>л', р', н', с'</i>
Болгарские	После <i>ш, ж, шт, шд</i> (<i>ц</i>)	После <i>л', р', н', с'</i> (<i>ц, ч, з, ј</i>)

В македонских нейтрализация ǰ — ϵ происходит только после парных по мягкости — твердости согласных, в болгарских — после всех исконно мягких согласных, сохранивших свою мягкость (отсюда колебания в рукописях относительно позиции после *ц* и *ч* — в зависимости от того, отвердели они или нет). Это полностью соответствует историческим изменениям македонских говоров, которые не развивали последовательно корреляции по мягкости — твердости, совпав в этом отношении с сербскими говорами. В болгарских же такая корреляция развилась, постепенно включив в себя все новые и новые согласные (что и вызвало совпадение гласных, прежде различавшихся только признаком диэзности)⁵. Отсутствие общей корреляции по мягкости — твердости у согласных обусловило в македонских говорах сохранение позиций вокализма по диэзности (ряду). Таким образом, после палатальных и происходит совпадение ǰ и ϵ , а не ǰ и ρ , как в русском языке: утрата противопоставления по компактности, а не по диэзности⁶.

Сопоставление изменений ǰ в болгарских и в македонских рукописях среднеболгарского периода подтверждает вывод о фонемном статусе ǰ в праславянском: нейтрализации (отраженной в Добромировом ев.) может подвергаться только фонема, а не ее аллофон, совпадению с *р а з н ы м* и фонемами исходной системы в зависимости от направления фонемных изменений (в болгарском иначе, чем в македонском) также подлежит самостоятельная фонема, а не ее аллофон; только в фонемном, а не в аллофонном преобразовании возможна следующая последовательность изменения — сначала нейтрализация в синтагматическом контексте, затем утрата только одного ДП, а не всех ДП, различающих данные две фонемы, сразу (например, только по диэзности или только по компактности⁷); наконец, только самостоятельная фонема может получить особый знак для своего графического выражения (ср. ж при отсутствии я в Добромировом ев., использование ѣ только для передачи й , но не ǰ в восточноболгарском Слепенском апостоле XII в. и т. д.).

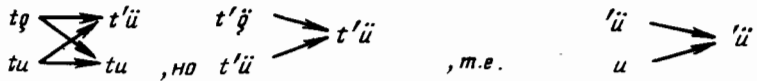
⁵ Из новейшей литературы см. В. М. Ч э к м а н. Гісторыя проціпастанўленняў на двёрдасці-мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970.

⁶ См. Б. К о н е с к и. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965, стр. 23, 40, 47. В связи с этим стоит и неясное из-за редкости примеров изменение $\text{й} > \text{i}$ (*заклучи, либезно* в м. *заклучи, либезно* и т. д.) в «западноболгарском» наречии.

⁷ Отличие от восточнославянского заключается в том, что утрата ДП по ринемму не затронула ǰ : к моменту этого изменения ǰ уже совпал с ϵ .

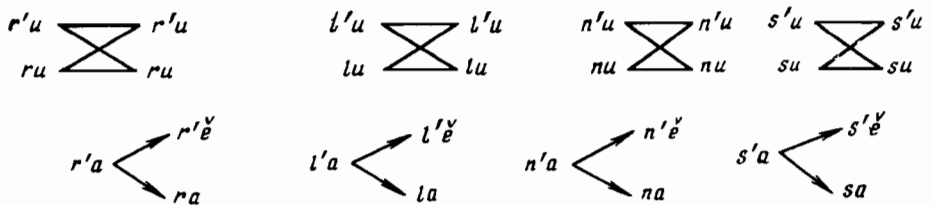
Древние сербские источники по написанию слогов $лж$ — $лж$ и т. д. также четко делятся на две группы.

В первом почерке Мирослава ев. (конец XII в.) и в четвертом почерке Вуканова ев. (середина XIII в.) очень часто $ю$ пишется на месте $оу$ и $ж$ независимо от предшествующего согласного, ср.: $лжта$, $мжж$, $бждета$ и т. д. Наряду с этим в текстах нет примеров «отвердения» согласных, т. е. написаний типа $колоу$ на месте $комж$. Следовательно,

Отражается изменение $\dot{q} > \ddot{u}$, но $\rho > \ddot{u}$, тогда как обозначение мягкости или твердости согласного не имеет никакого значения. Что смещения букв $оу$ и $ю$ основаны на изменениях $ж$, хорошо показывают колебания вроде $домж$ — $домю$ на л. 8, $емж$ — $емю$ (= $емлю$) на л. 7, $оучителж$ — ($оучителю$) на л. 5, $лж$ — ($лию$) на л. 5б и мн. др. В основе перехода $тоу$ в $тлю$ лежит изменение $t\dot{q} > tu$ и тот факт, что $t'\dot{q}$ совпал не с tu , а с $t'\ddot{u}$. По этой причине любое обозначение твердого согласного перед непередним гласным читается одинаково как «твердый слог», а именно это и приводит к колебаниям типа $коудутж$ — $бждутж$. Вместе с тем обратное невозможно, потому что написание $лоуди$ — $люди$ указывало бы на изменение гласного, а именно противопоставление гласных u — \ddot{u} в системе остается релевантным.

Во втором почерке Мирослава ев., в остальных почерках Вуканова ев., в других рукописях XIII в. (Сверлижские отрывки 1279 г., евангелие Гильфердинга № 1, в некоторых грамотах XIII в. и др.) отражается другой принцип совмещения прежде разнородных слогов. В положении перед a и u парные по мягкости — твердости согласные обозначались безразлично с последующим $оу$ или $ю$, ср.: $комю$ — $колоу$, на $ноу$ — на $ню$, $ткороу$ — $ткору$, $плнюу$ — $плню$, $морюу$ — $морю$, $слоухж$ — $слухж$ и т. д.; безразлично с последующим a или \ddot{a} , ср.: род. ед. $мора$ — $морж$, им. ед. $кома$ — $комж$, $чржва матерна$ — $матернж$ и т. п. Таким образом:

Только перед гласными, в прошлом противопоставленными к \dot{q} и к \dot{e} , возможно смешение палатальных и непалатальных p/p'' , $л/л''$, $н/н''$, $с/с''$. При этом не обнаруживается взаимной мены букв в словах типа $радж$ — $радж$, поскольку произошло изменение $\dot{e} > e$ ($редж$ — $радж$). Вместе с тем слог $r'\ddot{a}$ передается безразлично как $рж$ или как $ра$. Следовательно, \ddot{a} остался аллофоном фонемы a , не совпав с $*\ddot{a} < \dot{e}$ (такого изменения не было в сербском языке) и не противопоставлялась к a по признаку ряда. Слог $r'\ddot{u}$ также передается безразлично как $рю$ или как $роу$, но именно с $оу$ и параллельно передаче слога ru тоже как $рю$ или как $роу$. Отличие в реализации слогов $r'u$ и $r'a$ заключается именно в том, что если и \dot{e} не совпадал с a , не приведя к безразличному смешению слогов $r'\ddot{a}$, ra , то с u ничего по-

добного не происходило. Только допустив противопоставление \ddot{q} — ρ (и u) в исходной системе, можно объяснить, почему после изменений носовых гласных стало возможным смешение ρou — $\rho\ddot{u}$, а не ρou — $\rho\ddot{u}$ параллельно со смешением ρa — $\rho\ddot{a}$. Изменился ли \ddot{q} в ρ ($> u$) или дело здесь в характере согласного — нас в данном случае не интересует. Важно, что изменение \ddot{q} обусловило еще одно территориальное расхождение в развивающейся праславянской системе.

Сводя воедино сказанное здесь, можно установить орфографические расхождения между славянскими рукописями XI—XIII вв. До сих пор нет общепринятого толкования написаний типа вѣдѣтъ , с одной стороны, и типа землоу/землаж , с другой. Первые написания считают особенностью сербских рукописей⁸ (хотя в боснийских текстах этого и нет), которая связана с воздействием со стороны русских оригиналов⁹ или появилась независимо от них в связи с общим изменением $\text{ж} > \text{ou}$ ¹⁰. Приведенные здесь данные уточняют это несколько общее положение. Исследователь сербского Вуканова ев. справедливо замечает, имея в виду смешения букв ou/ж и ю/ж : «оригинал, в котором параллельно употреблялись ж и ж как дублиеты для u и ju , мог быть только русским (а не среднемакедонским и не среднеболгарским)»¹¹. Действительно, только у восточных славян к XII в. совпали ρ и \ddot{q} .

Что же касается написаний типа земла , землоу (землаж) при отсутствии обратного замены лоу на лю , то их считают болгарскими¹², характерными также для боснийских рукописей¹³. Однако и при квалификации таких написаний следует учитывать орфографическую систему памятника в целом, поскольку аналогичное явление свойственно всем территориям, на которых развивалась и сохранялась корреляция согласных по мягкости — твердости.

Наиболее трудный случай представляют рукописи, переписанные с южнославянских оригиналов (русская с македонской, сербская с русской и т. д.). Самой древней русской рукописью такого рода является рукопись Пандект Антиоха XI в. Здесь очень четко различается мена ж на ю и мена ю на ж ; ср., с одной стороны, кз рѣцѣ 76, рѣцѣ , мѣждеж 79, разлѣчаетъ 1056, вѣдѣ 143, вѣдѣницѣ 1646, завѣдѣшнѣ 279, разлѣчите 2916, мѣкажнѣ 61, глубины 64, мѣкаво 71 (все из ж , но никогда ю на месте ou), а с другой, кзлѣжнѣ 1896, кжчимо 167, гзлѣждѣ 386, огж 246 и др. (но не на месте ж , ср. вин. ед. колоу — комж 247). Следовательно, рукопись отражает состояние с заменой ж на ю , но $\text{ж} = \text{ou}$.

На многих других примерах выявляется хронологическая линия возможных типов графического обозначения интересующих нас слогов в русских рукописях, переписанных с южнославянских оригиналов. Это не механическое копирование, а вполне осознанное стремление ввести в свою собственную традицию встреченные в оригинале отличия от русской орфо-

⁸ С. М. Кульбакин. Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Београд, 1921, стр. 21.

⁹ А. Беллѣ. Учениће св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ћирилских споменика. «Светосавски зборник», Књ. 1. Расправе. Београд, 1936, стр. 236.

¹⁰ См. рецензию Н. Н. Дурново на указ. соч. С. М. Кульбакина в «Slavia», гоџ. V, 1927, сеџ. 3, стр. 565.

¹¹ О. Недѣлјковић. Vukanovo јеванђеље и problem punog aprakosa. «Slovo», (Zagreb), 18—19, 1969, стр. 82.

¹² Б. Цонев. Добрейшево четвероевангелие, среднобългарски паметник от XIII век. София, 1906, стр. 74—75; С. Младенов. История на българският език. София, 1935, стр. 70.

¹³ М. Н. Сперанский. Мостарское (Манойлово) евангелие. «Русский филологический вестник», LIV, 1905, стр. 12.

графии. Сначала v на месте $ж$, затем смешение v с ou (поскольку поздние писцы могли рассматривать встречное в оригинале v как недописанное ou). Буква $ю$ смешивается с $ж$ только во второй половине XI в. и в начале XII в., а затем снова обнаруживается различие между исходными слогами $l'q̇$, $l'i̇$, но тем не менее под влиянием южнославянской письменности постепенно обозначается тенденция к замене $ю$ — $ж$. С точки зрения русской исторической фонетики это легко объясняется совпадением $q > u$, когда $i̇ = u$, но отличается от $i̇^o < q̇$.

Сам факт последовательного и осознанного отталкивания от особенностей собственного произношения характерен в систематических попытках наиболее адекватным образом передать на письме «звуковые» различия языка. На всей территории распространения кириллического письма наблюдается собственная, «национальная» тенденция, всегда определяемая общей суммой фонологических преобразований данного языка. И всегда в таких попытках обнаруживается определенная традиция выделения звуковой единицы, восходящей к праславянскому сочетанию jq . Учитывая общий характер средневековой славянской письменности с ее ориентацией на фонемные различия, а также территориальное своеобразие в передаче $q̇$, всегда определяемое местными изменениями праславянской фонологической системы, мы и можем говорить вполне определенно о важности письменных источников в реконструкции того этапа развития праславянского вокализма, относительно которого данные современных говоров не всегда могут быть полезными или надежными.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ БОЛЬШОГО НАУЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Третье издание книги видного польского историка доц. д-ра габ. Владимежа Т. Ковальского «Дипломатическая борьба за место Польши в Европе (1939—1945)»¹, оцененной в польской печати как «бестселлер политической литературы», отличается от предыдущих ее изданий расширением круга рассматриваемых в ней вопросов и уточнением некоторых прежних выводов автора. В книгу включен новый раздел, дающий представление о позиции польских имущих классов и правящих кругов, европейских держав и США по вопросу границ возрожденного в 1918 г. польского государства. Являясь введением к основной проблеме книги, этот раздел позволяет читателю ознакомиться с обстоятельствами, определившими место Польши в системе европейских государств в межвоенный период.

Новые публикации документов побудили автора внести коррективы в некоторые свои наблюдения и проверить отдельные ранее приведенные факты. В связи с этим был переработан раздел, касающийся выполнения Ялтинских решений и создания Правительства национального единства. Более широко показаны отношения правительства Англии и США к Варшавскому восстанию и ход переговоров между ними и СССР в связи с восстанием. Значительно сокращены обширные цитаты из источников и литературы, содержащиеся в первых изданиях книги.

Подчеркивая роль Октябрьской революции в восстановлении независимости Польши и миролюбивую дружественную политику Советского правительства в отношении польского народа, автор раскрывает антисоветские и захватнические замыслы польских правящих кругов и стремление держав Антанты и США использовать Польшу в борьбе против Советской власти в России. В. Т. Ковальский указывает, что хотя западные державы и США признавали необходимым восстановление Польши в ее этнографических границах, они по разным причи-

нам возражали против передачи Польше даже части земель с преобладающим польским населением. Нуждаясь в помощи западных держав и США для своей экспансии на востоке, польское правительство согласилось с их предложениями относительно линии западной границы Польши. Ему удалось захватить часть украинских, белорусских и литовских земель. Польша, лишенная западных и северных польских земель, инкорпорировавшая Западную Украину, Западную Белоруссию и район Вильнюса, раздираемая острыми социальными и национальными противоречиями, была слабым государством. Ее внешняя политика не обеспечивала безопасности страны, и в сентябре 1939 г. Польша была оккупирована гитлеровской Германией. Автор дает объективную оценку явлениям, однако его суждения о политике Вильсона (стр. 15) и о характере первой мировой войны в последние ее месяцы (стр. 20) представляются по меньшей мере спорными.

Во втором разделе книги рассматривается деятельность польского эмигрантского правительства, возглавляемого В. Сикорским, и взаимоотношения между ним и правительствами Франции, Англии США и других стран в период с октября 1939 г. до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Польское правительство, отмечается в книге, считало своей главной задачей освобождение Польши от оккупации и обеспечение ей, наряду с непосредственным и широким доступом к морю, таких границ, которые гарантировали бы ее безопасность. При этом не признавалось воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины с советскими республиками и предусматривалось восстановление в стране досентябрьского режима. Его внимание сосредотачивалось на создании польских вооруженных сил и упрочении связей с Францией и Англией, причем особое значение придавалось отношениям с Англией, хотя обе эти державы мало считались с ним. Заявляя, что Польша находится в состоянии войны с СССР, польское правительство занимало резко враждебную позицию в отношении Советской страны, причем некоторые его представители не исключали возможности установления контактов с СССР на опре-

¹ W ł o d z i m i e r z T. K o w a l s k i. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939—1945). Wydanie trzecie. Książka i Wiedza. Warszawa, 1970, 887 s.

деленных условиях. Разрабатывая проекты будущих границ Польши и послевоенного устройства мира, польское правительство начало переговоры с чехословацким правительством о создании конфедерации обоих государств, имевшей и антисоветскую направленность. Нельзя согласиться с утверждением автора, что стратегические возможности, приобретенные СССР в связи с перемещением в 1939—1940 гг. его границы на запад, были утрачены (стр. 137); автор полагает, что народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины основывались на прецеденте Виленского сейма 1922 г. (стр. 160); разумеется, что принципиальное различие между ними исключало это.

Обстоятельно проанализированы переговоры относительно восстановления дипломатических отношений между правительствами Польши и СССР, соглашения от 30 июля и 14 августа 1941 г., вопросы создания и использования Польской армии в СССР, проблемы польско-советской декларации от 4 декабря 1941 г., позиция Англии и США по польскому вопросу. Автор отмечает, что Советское правительство, заинтересованное в объединении усилий обеих стран в борьбе против гитлеровских захватчиков, высказывалось за воссоздание независимой и сильной Польши, рассматривало союз с ней как важное условие послевоенной безопасности СССР, считало, что спорные вопросы могут быть решены на основе взаимной договоренности. Напротив, польское правительство, заявляя претензии на Западную Белоруссию и Западную Украину, свое сотрудничество с СССР трактовало как временную тактическую меру, и рассчитывало с помощью Англии и США добиться осуществления своих целей. Ярким свидетельством этого являлись попытки создания польско-чехословацкой конфедерации, закончившаяся неудачно, вывод Польской армии из СССР, усилия польского правительства склонить Англию и США к поддержке его требований, дававшие, впрочем, незначительные результаты. Антисоветские действия польского правительства привели к разрыву советско-польских отношений в апреле 1943 г. Не одобряя некоторых его акций, Англия и США настаивали на урегулировании польско-советских отношений на приемлемых для них условиях.

В книге подчеркивается историческая роль борьбы польских демократических сил, возглавляемых ППР, за возрождение независимой и демократической Польши, опирающейся на союз с Советской страной, обеспечивающий ее национальные интересы и безопасность. Концепция создания народной Польши предусматривала активную вооруженную борьбу с немецкими захватчиками, образование демократического правительства, объединение всех польских земель, социально-экономические и политические преобразо-

вания в стране, дружественные отношения с СССР. Эта программа отвечала коренным интересам польского народа и встречала поддержку со стороны все более широких масс. Советское правительство оказало помощь польским демократическим силам в СССР в создании первой польской дивизии, которая в боях под Ленино кровью скрепила боевое сотрудничество братских народов.

Автор указывает на важность решения Тегеранской конференции по польскому вопросу, которое в принципе предопределило последующие решения Ялтинской и Потсдамской конференций относительно границ Польши. В нем устанавливалось, что восточная граница Польши должна была проходить по так называемой линии Керзона, а западная — по р. Одре, причем к Польше должны были быть присоединены часть Восточной Пруссии и Опольская провинция. Англия и США добивались от СССР восстановления контактов с польским эмигрантским правительством; Советское правительство не исключало такой возможности при условии изменения политики польского правительства.

Рассматривая действия польского эмигрантского правительства в первой половине 1944 г., автор показывает их антисоветский характер, банкротство его политики. Попытки Англии и США заставить Советский Союз признать это правительство не имели успеха. Несостоятельной политике польского эмигрантского правительства он противопоставляет политику Крайовой рады народной, которая получила одобрение у польского народа и поддержку со стороны Советского правительства. Освобожденные страны от гитлеровской оккупации и установление народной власти знаменовали начало нового периода в истории польского народа.

В последующих разделах книги глубоко и всесторонне освещаются отношения между СССР и народной Польшей с июля 1944 г. по август 1945 г., усилия Советского Союза, направленные на обеспечение национальных интересов польского народа. Благодаря решительной поддержке Советским Союзом справедливых требований польского народа были окончательно решены вопросы о западной границе Польши, ее суверенного и свободного развития.

Книга В. Т. Ковальского, во многом обогащающая знания по этой проблеме, убедительно разоблачает измышления буржуазной историографии о политике Советского Союза в отношении Польши и позиции Англии и США по польскому вопросу в годы второй мировой войны.

Она несомненно заслуживает высокой оценки.

И. Костюшко

Polska klasa robotnicza. Studia historyczne, Pod redakcją Stanisława Kalabińskiego. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa, t. I, 1970, 412 s., t. II, 1971, 344 s.

Польский рабочий класс. Исторические исследования. Под редакцией С. Калябинского

VI съезд Польской объединенной рабочей партии поставил перед польскими историками задачу: создать многотомную работу по истории партии польских коммунистов. Наряду с исследованиями по истории партии, историки ПНР в настоящее время развешивают исследования по истории рабочего класса в широких хронологических и тематических рамках.

IX съезд Польского исторического общества подчеркнул необходимость ускорить и расширить такие исследования. В 1970 г. Институт истории Польской академии наук приступил к изданию серии исторических работ «Польский рабочий класс».

В этом издании приняли участие многие польские историки, в том числе и из неакадемических научных центров. Задачи и методика исследования сформулированы С. Калябинским в предисловии к первому тому.

Исследование будет вестись по трем основным направлениям. Во-первых, будут изучаться источники и пути формирования рабочего класса, механизмы формирования его социальной структуры, численность и территориальное размещение как в целом пролетариата, так и его отдельных отрядов, процессы пролетариации и т. п. Во-вторых, намечено исследовать социальное, политическое и правовое положение рабочего класса в общей структуре польского общества, условия жизни и быта рабочих в самом широком смысле слова, семейные отношения, мораль, уровень образования, культуры. В-третьих, поставлена задача исследовать развитие социального, национального, политического сознания рабочего класса, его массовую экономическую, политическую и национально-освободительную борьбу, пути и методы внесения в рабочий класс социалистического сознания, сращивание стихийного движения пролетариата с социалистической идеологией, организацию рабочих партий, перерастание борьбы пролетариата за свои узко классовые интересы в социальную и политическую борьбу против имущих классов и аппарата угнетения и, наконец, исследовать процесс идентификации требований авангарда пролетариата с требованиями и нуждами всего народа. Таким образом, определен весьма широкий круг исследования, хотя, очевидно, в ходе работы в эту программу будут внесены уточнения и поправки.

Судя по предисловию к статьям первых томов издания, понятие рабочего класса

Польша берется весьма широкое — в него включается не только промышленный пролетариат, но и сельскохозяйственный, а также польские рабочие в других странах. Проф. Я. Жарновский, рецензируя это издание, указывает, что дискуссионной и трудной для решения является проблема сельскохозяйственного пролетариата, которую, как он пишет, нельзя обойти, но включение которой целиком в исследование неправильно и невозможно¹. Нам так же представляется, что нельзя исключать сельскохозяйственных рабочих из понятия — «рабочий класс», а вот включение в его состав категорий трудящихся, стоящих на границе между физическим и умственным трудом, вряд ли следует делать не только потому, что это чрезмерно расширит рамки исследования, но и потому, что слияние с пролетариатом этих категорий характерно для современного капиталистического общества, а не для польского общества периода капитализма.

Тематика и хронологические рамки первых двух томов рецензируемого издания отражают состояние польской историографии рабочего класса, в которой наиболее разработаны проблемы конца XIX — начала XX в., межвоенного периода и значительно меньше — конца XVIII — первой половины XIX в., а особенно — периода перехода к социализму. Из 21 статьи 9 посвящены периоду 1870—1918 гг., 8 — 1918—1939 гг., 2 — до 1870 г., 1 — 1939—1945 гг. и 1 — историографии польской рабочей эмиграции в Германии в XIX—XX вв. (до 1945 г.). Нет ни одной статьи о рабочем классе народно-демократической Польши, хотя, по словам С. Калябинского, предполагается довести исследование до наших дней.

На первом плане в издании стоят, как можно судить по опубликованным статьям, такие проблемы, как состав и численность пролетариата в отдельных районах польских земель и в отраслях промышленности. Это вполне закономерно, так как эти проблемы являются наименее изученными в польской историографии. Их исследование позволит глубоко осветить динамику развития рабочего класса, роль его отдельных отрядов в классовой борьбе пролетариата. Вопросы же политической борьбы рабочего класса, деятельности партий и т. п. в первых двух томах не затрагиваются, что объясняется, видимо,

¹ «Z pola walki», 1971, № 4, s. 393.

тем, что они уже неоднократно были предметом монографических исследований. Однако читатель вправе ожидать, что в последующих томах эта проблематика будет представлена.

Знакомство со статьями, которые уже увидели свет, позволяет сказать, что историкам ПНР сделан крупный шаг в исследовании такой кардинальной проблемы, как история польского рабочего класса. Дело не только в разработке новых вопросов, но и в том, что во многих работах авторы отходят от традиционной методики исследования, при которой преобладает описание тех или иных сторон жизни и борьбы рабочего класса. Авторы привлекают данные социологии, демографии, статистики и т. п., что позволило значительно глубже, чем это до сих пор делалось, раскрыть основные процессы развития рабочего класса.

Характерным примером являются две статьи С. Калябинского. Опираясь на обширный материал, извлеченный главным образом из фондов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде и Исторического архива Белорусской ССР в Гродно, автор, широко применяя статистические методы исследования, определил этапы и динамику роста числа рабочих, занятых в промышленности Белостокского округа, изменения внутренней структуры рабочего класса, его территориального размещения за длительный период времени с 1810 до 1914 г.

Подобная же методика исследования применяется и другими авторами — К. Гропёвским, который анализирует положение промышленных рабочих и горняков Королевства Польского накануне первой мировой войны, Л. Хассом, чья интересная статья о составе, динамике

развития и территориальном размещении рабочего класса Варшавского воеводства в период второй Республики, основанная на анализе данных всеобщих переписей населения 1921 и 1931 гг., вносит много нового в освещение проблемы.

Ценность упомянутых выше работ заключается не только в том, что в них решены те или иные вопросы избранной авторами тематики, но и в том, что они могут служить исходным пунктом для развертывания исследований по более широкой проблематике. Историк, занимающийся, например, изучением массового рабочего движения в Польше, при определении динамики развития этого движения не может не учесть собранных здесь данных и сделанных авторами выводов. А надо сказать, что массовое рабочее движение в Польше XIX — XX вв. изучено пока еще совершенно недостаточно. Появление на страницах рецензируемого издания двух интересных статей — Ф. Тыха о рабочем движении в Королевстве Польском и В. Найдус о борьбе галицийского пролетариата в 1914—1918 гг. — можно рассматривать как свидетельство определенного поворота польских историков к этой проблематике.

Заключая наш обзор, отметим вслед за польскими рецензентами, что сектор истории рабочего класса ПАН начал важную и нужную работу, которая приближает создание обобщающего крупного комплексного труда по истории польского рабочего класса от конца XVIII в. до наших дней. Его выхода в свет, намеченного на текущее пятилетие, также с нетерпением ожидают и советские историки.

С. М. Стецкевич

И. С. ДОСТЯН. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., «Наука», 1972, 368 стр.

Первая треть XIX в. является одной из важнейших эпох истории балканских народов. В это тридцатилетие был сделан первый, как обычно, самый трудный шаг в деле ликвидации многовекового османского господства на Балканском полуострове. После тяжелой героической борьбы добилась независимости Греция, вступила на путь самостоятельного политического развития Сербия, расширили и упрочили свою автономию Молдавия и Валахия. Короче, это был общевосточный процесс национально-освободительной борьбы. Политика России в этот период по отношению к национально-освободительным выступлениям на Балканах также характеризовалась определенными общими принципами. Однако

эти общие принципы в исторической литературе не исследованы. Имеющиеся работы касаются более частных проблем (например, отношения правительства России к освободительному движению какой-либо одной из балканских стран). Монография И. С. Достяна является первой в историографии попыткой рассмотреть особенности политики России на Балканах в целом.

Попытку эту надо признать удачной. Читатель получает полное представление о дипломатической деятельности царского правительства на Балканах в ее сложном взаимодействии с балканским освободительным движением. В центре исследования находятся события 1812—1829 гг. Особенно следует отметить подробное,

хорошо документированное изложение истории русско-турецких и русско-балканских отношений в 1812—1821 гг., являющейся до настоящего времени «белым пятном» в историографии.

Исследование И. С. Достян обогащает науку новыми важными положениями и фактами. Оно показывает, в частности, несостоятельность созданной западноевропейской историографией легенды о том, что Россия постоянно стремилась к расчленению и уничтожению Османской империи. Хорошее впечатление производит научная объективность и принципиальность автора в подходе к большой и серьезной проблеме взаимоотношений между царским правительством и национально-освободительным движением на Балканах. Убедительно обосновывая объективное значение многих внешнеполитических акций России для национального освобождения балканских народов, исследователь ни в какой мере не затушевывает реакционную сущность политики царизма.

Сильной стороной работы И. С. Достян является ее добротная источниковедческая база. Монография написана на основе обширных архивных материалов, большого круга опубликованных источников и значительной литературы. Кропотливые архивные изыскания позволили автору воссоздать некоторые неизвестные или малоизвестные страницы из истории русско-балканских политических связей. Примерами, и не единственными, могут служить здесь деятельность русской дипломатии в балканском вопросе на Венском конгрессе и обсуждение в правящих кругах России планов политического переустройства Балкан в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

В работе имеются, на наш взгляд, и некоторые спорные положения. В первую очередь имеется в виду трактовка в книге соотношения внутренних и внешних факторов в национально-освободительном движении на Балканах в первой трети XIX в. Правильно полемизируя с представлениями о преувеличенной слабости Османской империи в начале XIX в., автор иногда в своих формулировках впадает в другую крайность. По ее словам, «хотя национально-освободительное движение балканских народов стало мощным фактором разложения Турции, султанское правительство практически было в состоянии разгромить собственными силами любое вооруженное восстание своих подданных». И далее утверждается, что без военного и дипломатического вмешательства европейских держав национально-освободительные выступления балканских народов «неизбежно были бы

подавлены» (стр. 342—343). Эти утверждения представляются чересчур категоричными.

Процесс постепенного освобождения балканских народов из-под власти Османской империи был одним из магистральных процессов новой истории Европы, и приостановить его было не под силу Порте. В конце XVIII в. в результате длительной борьбы фактической независимости добились Черногория. Не смогла Порта справиться и с начавшимся в 1804 г. сербским национально-освободительным восстанием, и Сербия стала самостоятельным княжеством. Поднявшийся в 1821 г. на национально-освободительную борьбу греческий народ собственными силами освободил значительную часть территории своей страны и отразил все попытки Порты восстановить свою власть в Греции. Лишь в 1826—1827 гг., и только с помощью своего могущественного и своевольного вассала, египетского паши Мухаммеда-Али, султану удалось добиться значительных успехов в борьбе с греческими повстанцами, но и в этот критический момент греческая революция показала свою необоримость и огромную жизненную силу. Все сказанное, разумеется, ни в коей мере не ставит под сомнение тот факт, что русско-турецкие войны объективно оказали огромное содействие делу национального освобождения балканских народов. Война 1828—1829 гг., в частности, стала решающим внешним фактором успешного завершения греческой революции и важной вехой для Сербии, Молдавии и Валахии на их пути к независимости.

В монографии встречаются и некоторые неточности. Так, не подтверждается фактами заявление автора, что Иоанн Каподистрия был слабо связан с русской культурой и общественно-политической мыслью (стр. 131). В период пребывания в России Каподистрия был близок к видным деятелям русской культуры, в том числе к Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, А. И. Тургеневу. Он являлся членом Петербургской академии наук, принимал активное участие в судьбе А. С. Пушкина в 1820 г.

Высказанные замечания не меняют общей высокой оценки работы И. С. Достян как весьма серьезного и основательного исследования, вносящего важный вклад в изучение русско-балканских связей. Эта новая книга несомненно займет должное место в библиотеке советской научной литературы по балканистике и внешней политике.

Г. Л. Ари

М. Н. SEREJSKI. *Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne.* Warszawa, PWN, 1970, 518 s.

М. Г. СЕРЕЙСКИЙ. *Европа и разделы Польши. Историкографическое исследование*

Работа известного польского историка, видного специалиста по истории исторической науки проф. М. Серейского посвящена оценке научной литературы о разделах Польши, появившейся в странах Западной Европы, в России и США с конца XVIII в. до начала первой мировой войны. В качестве приложений в книге помещены три небольших очерка: «Разделы Польши в сатирической литературе и в иконографии», «Спор о ценности политической системы давней Польши; концепция национального возрождения и теория собственной вины», «К вопросу об истории национальной характеристики в польской историографии».

Автор не ограничился анализом работ профессиональных историков, но довольно широко привлек высказывания государственных деятелей, литераторов, философов, публицистов, позволяющие более полно показать отношение тех или иных общественных кругов разных стран к упадку Польши. В монографии правильно подчеркивается, что проблема упадка Польши как предмет исследования историков приобретает политическое значение. Автор прослеживает различные аспекты этой проблемы, проявившиеся в связи с изменением международной обстановки в Европе и расстановки политических сил европейских государств. Исследование исторической литературы о падении Польского государства в XVIII в. привело М. Серейского к выводу, что историки своими работами в значительной степени способствовали утверждению мнения о несправедливости разделов Польши и необходимости восстановления ее независимости.

Рассматривая выводы зарубежных историков о причинах кризиса и падения Польского государства, М. Серейский нередко обращается к выводам отечественной историографии, показывает сходство взглядов польских и иностранных историков на причины упадка Польши, хотя далеко не всегда синхронное. Он отмечает влияние польской историографии на зарубежных ученых в формировании их взглядов на причины кризиса и упадка Польши. Однако нам представляется освещение этого влияния и восприятия западными и русскими историками выводов их польских коллег недостаточно последовательным и систематическим.

Порой недостаточное внимание автора к документам общественной мысли обедняет представление читателя об отношении в России в XIX в. к Польше и ее упадку. М. Серейский слишком скупно говорит о подходе русского общества к проблемам

польской истории в 30—40-е годы XIX в. В слишком мрачных тонах он рисует отношение общественности России к Польше после подавления восстания 1830—1831 гг. в Королевстве Польском. Нельзя согласиться с авторской оценкой якобы всегда негативного отношения русской интеллигенции к Польше в то время. Антипольская пропаганда и ненависть к национально-освободительному движению польского народа были характерны для официальной России. Но демократические и революционные круги русского общества питали глубокую симпатию и сочувствие к польским революционерам, осуждая политику угнетения Польши, проводившуюся царским правительством. Можно напомнить хотя бы известное высказывание декабриста М. С. Лунина о восстании 1830—1831 гг. (мимо которого проходит автор, кстати сказать, слишком бегло и неполно характеризующий отношение декабристов к Польше): «В основе варшавского восстания мы видим также самоотверженность и патриотический порыв, который увлекает сердца. Ночь 29 ноября была освещена огнями свободы»¹. Оппозиционным и революционным кругам России были широко известны выводы польской историографии об основных проблемах польской истории XVIII—XIX вв. Особенно популярными среди них были работы И. Лелевеля, ставшего для передовой России символом борьбы польского народа за свободу. В монографии слишком лаконично говорится об отношении развивавшегося в конце XIX в. в России социалистического движения к Польше. Автор ограничивается замечанием о том, что социалисты всех направлений в России выступали за свободу Польши. Однако он проходит мимо позиции В. И. Ленина и большевистской партии по польскому вопросу, а это сильно обедняет картину развития общественной мысли в России в конце XIX — начале XX в.

В целом монография М. Серейского имеет большое значение как первая работа, посвященная изучению одной из узловых проблем польской истории в зарубежной историографии. Она отличается широтой замысла, богатством и разнообразием привлеченных автором материалов. Эта книга может пробудить интерес к аналогичным исследованиям об оценке европейской и русской историографией польского исторического процесса.

В. С. Попков

¹ «Декабристы на каторге и в ссылке». М., 1925, стр. 271.

«История польской литературы», т. 1—2, М., «Наука», 1968—1969

Двухтомная «История польской литературы», изданная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, — важное явление в советской полонистике.

«Цель нашего издания, — читаем мы в предисловии к книге, — способствовать удовлетворению растущего интереса советского читателя к богатой литературе братского народа». Авторский коллектив, как сказано в том же предисловии, «стремился к тому, чтобы данный труд явился — в той степени, в какой это позволили его объем и возможности авторов, — ответом за запросы широкой читательской общественности. Авторы хотели бы, чтобы книга оказалась полезной для студентов и преподавателей высших учебных заведений, изучающих славянские литературы, послужила первичным ориентиром для литературоведов, которые сталкиваются в своих изысканиях с фактами польского литературного процесса, стимулировала более широкое использование польского материала в советской литературоведческой практике».

Таким образом, цель, поставленная перед собой авторами, в высшей степени ответственна и значительна, и, скажем заранее, выпущенный ими двухтомный труд отвечает этой цели.

Это первый опыт научной истории польской литературы, предпринятый в Советском Союзе, не считая неудачной книги В. Оболевича «История польской литературы», изданной в 1960 г. и вызвавшей справедливые замечания. Пожалуй, это наиболее удачный на русском языке опыт создания истории славянской литературы, если сравнивать его с ранее или одновременно с ним изданными подобного рода очерками.

Одно из очень важных, на мой взгляд, для подобного рода изданий качеств книги — это глубокое уважение к предмету исследования, которое ощущается и в тщательности отбора и обработки материала и в большой добросовестности исследователей. Книга не раз обсуждалась и консультировалась в Институте литературных исследований ПАН, со многими польскими литературоведами. В «Истории» нет оценок из «вторых рук» — все выводы сделаны на основании собственных исследований авторов. Этот факт отмечался в польских рецензиях на эту двухтомную «Историю», очень положительно оценивших труд советских полонистов: «Мы, — писала польский литературовед Янина Кульчицкая-Салони, — имеем книгу, содержание которой можем доверять, которая служит надежным источником знаний о польской литературе»¹.

Столь же положительно следует оценить и обширную, опирающуюся на новейшие данные науки (в частности, на труды и польских литературоведов) информацию, даваемую в книге, а также ее систематизацию. Определенная система в подаче материала позволяет пользоваться «Историей» как учебником. В ней приводятся необходимые биографические и библиографические сведения, очерки, как правило, построены не по проблемам, а хронологически, иногда жанрово-хронологически. Во втором томе даны приложения: подробная и хорошо подобранная библиография, а также указатель имен и произведений к двум томам, что значительно упрощает, как студентам, так и просто читателям, возможность пользоваться книгой и как справочным материалом.

Интерес к польской литературе и к истории братского польского народа достаточно велик в СССР и корнями своими уходит в далекие предпетровские времена, «когда в преддверии петровских реформ Россия выступала инициатором культурного общения с заграницей» (т. I, стр. 95).

К этому времени относится, например, первое знакомство с творчеством гениального польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского. Его «Псалтырь», стихотворное переложение 150 псалмов Давида, была в свою очередь переложена Симеоном Полоцким (изданная в 1680 г. в Москве «Псалтырь рифмованная»).

С начала XIX в. внимание к польской культуре становится в России постоянным, и контакты обеих литератур, несмотря на все сложности исторических судеб обоих народов, в конечном счете все более укрепляются и расширяются на основе глубокого взаимного уважения и признания.

Среди тех, кто переводил корифея польской поэзии, великого Адама Мицкевича, мы видим имена гениальных его современников — Пушкина и Лермонтова, П. Вяземского и И. Козлова. Достаточно вспомнить музыку М. Глинка, чтобы почувствовать глубокое знакомство с польской музыкальной культурой русских композиторов прошлого века. Герцен, Добролюбов и Чернышевский, Салтыков-Щедрин — все они, продолжатели борьбы «за нашу и вашу свободу» (девиз польских повстанцев 1831 г.), с глубочайшей симпатией относились ко всем прогрессивным явлениям польской культуры и литературы. В русских журналах второй половины XIX в. почти одновременно с польскими журналами печатаются романы Э. Ожешко и Г. Сенкевича, Б. Пруса и Ю. И. Крашевского. В начале XX в. выходят многочисленные собрания сочинений этих авторов, а также писателей «Молодой Польши» — К. Тетмайера, В. Реймонта. По инициативе В. Короленко в 1903 г. роман С. Жеромского «Пепел»

¹ Kulczycka-Saloni. «История польской литературы», т. I—II. М. 1968—1969, «Slavia Orientalis», Warszawa, 1969, № 4, с. 441.

(названный в переводе «Пепелище») печатается в «Русском богатстве», раньше чем в Варшаве появилось его отдельное издание. А. Струг, В. Серошевский, С. Жеромский, З. Налковская, революционные поэты С.-Р. Станде, Б. Ясенский, В. Вандурский, а позже, в тридцатые годы нашего века, Ю. Тувим, В. Броневский, Л. Кручковский и другие входят в круг писателей, чьи произведения знают и читают в Советском Союзе.

Но, конечно, широкое и планомерное знакомство русских читателей с польской литературой, как классической так и современной, начинается после победы над фашизмом в 1945 г. Большими тиражами выходят собрания сочинений польских классиков: А. Мицкевича, Б. Пруса, Э. Ожешко, М. Конопницкой, избранные произведения Ю. Словацкого, С. Жеромского, писателей эпохи польского Просвещения С. Сташица и И. Красицкого, издаются произведения Я. Кохановского, А. Фредро, Л. Кондратовича (В. Сырокомли), К. Тетмайера, Г. Запольской, С. Выспянского, сборники стихов В. Броневского, Ю. Тувима, К.-И. Галчинского. Б. Лесьмяна, драмы Л. Кручковского, романы Г. Сенкевича, В. Реймонта, В. Оркана, Ю. И. Крашевского и многое, многое другое.

Существование давних связей между нашими литературами, связей предельно окрепших в наше время, дало авторам «Истории» возможность опираться в своих исследованиях на богатый комплекс произведений польской литературы, переведенных на русский язык, на определенные традиции в восприятии и трактовке творчества тех или иных польских писателей и на сравнительно большое число литературоведческих работ советских полонистов. Почти все авторы «Истории» в то же время являются авторами монографий и отдельных проблемных статей о тех писателях, о которых они пишут в «Истории» (И. Горский — автор монографии о Г. Сенкевиче, В. Витт — о С. Жеромском, А. Пиотровская — о М. Конопницкой, В. Хорев — о В. Броневском, Е. Цыбенко — автор работ о польских реалистах XIX в. — Э. Ожешко и Б. Прусе, Б. Стахеев — автор многих работ о А. Мицкевиче, Ю. Словацком и польском романтизме и т. д. и т. п.).

«История польской литературы» состоит из двух томов. Первый охватывает польскую литературу от средневековья до 90-х годов XIX в., второй — от 90-х годов XIX в. до 1944 г.² Таким образом,

² Замечание Я. Кульчицкой-Салони о том, что по содержанию первого тома может создаться впечатление, что в книге недостает десятилетия 1880—1890 гг., основано на чистейшем недоразумении, так как глава «Литература 60—80-х годов XIX в.» означает, что в ней рассматривается литература до 1890 г.

панорама польской литературы достаточно широка.

Авторы поступили совершенно правильно, не ограничившись периодом межвоенного двадцатилетия, а включив в этот раздел и литературу военных лет и показав, тем самым, что культурная жизнь Польши, несмотря на репрессию оккупантов, не умерла. Эти годы дали польской литературе замечательные стихи В. Броневского, поэму «Цветы Польши» Ю. Тувима, стихи К.-К. Бачинского (к сожалению, неизвестные русскому читателю), Л. Шенвальда, рассказы Я. Ивашкевича. В очерках, посвященных отдельным писателям межвоенного периода, — Л. Стафф, З. Налковская, М. Домбровская, Ю. Тувим, В. Броневский, К.-И. Галчинский, Л. Кручковский — естественно, говорится и об их творчестве, падающем на послевоенные годы, и таким образом, развитие польской литературы практически прослежено до 60-х годов, так как именно эти писатели стали ведущими в послевоенные годы, продолжив и развив в своем творчестве лучшие традиции польской литературы. Тем более досадно, что в книге нет обобщающего раздела о послевоенной польской литературе.

Мне думается, что это один из самых существенных недостатков «Истории». Объявление редколлегия, данное в предисловии, что «развитие литературы народно-демократической Польши, богатое и многогранное..., заслуживает освещения в специальном издании», не кажется убедительным. На протяжении обоих томов авторы справедливо подчеркивали историческую преемственность, непрерывность развития польской литературы, несмотря ни на какие катаклизмы истории, связь последующих поколений писателей с традициями предшественников (например, поэзия Ц. Норвида и литература Просвещения, или В. Броневский и польский романтизм). Было бы вполне естественно заключить книгу главой о новой литературе — наследнице всех прогрессивных традиций.

Из общего числа 1115 страниц в двух томах 435 посвящено романтизму и реализму XIX в. и 390 страниц — литературе XX в. В рецензиях польских литературоведов (журналы: «Slavia orientalis», 1969, № 4; «Ruch Literacki», № 4; «Pamiętnik Literacki», 1970, № 2) обращается внимание на то, что такое распределение материала привело к диспропорции между разделами старой и новой польской литературы, что авторы «Истории» недостаточно внимания уделили литературе польского средневековья и крупным писателям так называемого «польского барокко» (XVII в.). Впрочем, объяснение этой диспропорции польские литературоведы видят в том, что, в первых, польская литература XIX—

XX в. традиционно более близка русскому читателю, и что, во-вторых, на мировую арену польская литература выходит, начиная с творчества великих романтиков — А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красинского.

К этому объяснению можно добавить и тот немаловажный факт, что лишь в самые последние годы в Польше вышли научные издания ряда произведений старопольской литературы, а на русском языке еще нет достаточного количества переводов, например, Я. А. Морштына, В. Потоцкого и других поэтов «польского барокко».

Исследователи построили свою «Историю» как ряд обобщающих, как называют их сами авторы, очерков о различных периодах польской литературы, перемежающихся небольшими монографическими очерками, посвященными творчеству виднейших польских писателей. В таком построении есть свои достоинства и недостатки.

Достоинства достаточно очевидны — в обобщающих очерках авторы «Истории» смогли дать целостную картину жизни польского общества определенного периода, характеристику политической, общественной атмосферы эпохи и характеристику главных явлений культурной жизни, главных литературных направлений данного периода литературы, обзор творчества тех писателей, которым не посвящено монографий. Не все главы равноценны в этом отношении. Иногда они дают лишь информацию о культурной жизни данного периода, но в большинстве своем литература в этих обобщающих главах выступает как часть единого процесса развития духовной и материальной жизни польского общества. Особенно удачны в этом отношении главы, посвященные литературе романтизма (автор Б. Стахеев), развитие которого наиболее наглядно связано с историей не только Польши, но и России и Европы.

Тесная взаимосвязь исторического развития и литературы, которую справедливо подчеркивают авторы «Истории», нашла свое выражение и в периодизации очерков не по литературным жанрам или направлениям, а по историческим эпохам. Такое деление, в целом, не отличается от того, что принято в современном польском литературоведении. Дискуссионной может явиться лишь глава «Литература 1815—1831 гг.», исторические рамки которой обозначают 1815 год — год Венского конгресса, закрепившего передел польских земель между Россией, Пруссией и Австрией, и 1831 год — год разгрома польского национального восстания против царизма.

Венский конгресс существенного значения для развития литературы, а тем более для смены одного направления другим (Просвещения романтизмом), не имел, и начало новой эпохи в литературе, в

польском литературоведении, особенно в учебниках, принято вести с 1822 г., когда вышел в свет томик баллад А. Мицкевича. В новейших польских исследованиях стало принятым выделять так называемый переходный период между литературой эпохи Просвещения и романтизмом, охватывающий 1795—1820 гг., но польский романтизм, как направление, обычно рассматривается как процесс непрерывный, не разграничиваемый 1832 г. — датой начала польской литературы периода эмиграции.

Наиболее трудным для представления в учебнике (а двухтомная «История польской литературы» — прежде всего учебник) являлась польская литература XX в. период «Молодой Польши» (автор В. Витт), оценка которого и в польском литературоведении недостаточно еще устоялась, и период межвоенного двадцатилетия (автор В. Хорев). Но оба автора, и Витт и Хорев, удачно справились со своей задачей.

В. Витт в очерке «Литература 1890—1918 гг.» счастливо избежала некогда бывшего штампом понятия модернизма начала XX в. только как отрицательного явления. Она сумела показать всю сложность и противоречивость литературы этого времени с ее поисками путей национального раскрепощения, горячим патриотизмом, широким распространением и усвоением социалистических идей начала века, вниманием к жизни народа и попытками сближения с ним, интересом к рабочему движению. Раскрывая все проявления модернизма, в том числе пессимизм, нищезанство, идеализм в философии, биологизм и натурализм в литературе и т. д., Витт сумела показать, что линия развития литературы не прерывалась, что этот период не был застоєм, отступлением от завоеваний польских реалистов XIX в. Конечно, всю глубинность связей литературы этого времени со всеми течениями европейской мысли XX в. (а в польской литературе этого времени можно проследить влияние немецкой философии, французской и бельгийской поэзии, скандинавской и русской прозы и драматургии), идей Бергсона и Ницше) в таком сравнительно небольшом, можно сказать эскизном, очерке о 30-летнем периоде литературы, Витт проследить не смогла, но о крупнейших писателях этого времени (С. Жеромском, В. Реймонте, С. Высянском) и наиболее значительных течениях внутри этого периода она рассказала, опираясь на новейшие данные польской науки.

Для характеристики литературы 1918—1944 гг., вместившей в себя двадцатилетие существования независимого польского государства и вторую мировую войну, В. Хорев привлек богатый фактический материал. Он обрисовал многочисленные в те годы литературные объединения (не исключая и периферийные), политичес-

кие и литературные платформы писателей различных направлений, важнейшие литературные полемики и дискуссии, всю сложность зарождения в недрах буржуазного государства, каким была Польша, пролетарской, социалистической литературы в лице ее крупнейших представителей: Л. Кручковского, В. Броневского, В. Василевского.

Как мы уже говорили, кроме обобщающих глав в каждом разделе помещены монографические главы о крупнейших польских писателях. Введение подобного рода монографий делает очерки о литературе более, если можно так сказать, живыми, «очеловечивает», индивидуализирует литературный процесс. Профессор Кудычницкая-Салони одним из главных достоинств книги считает удивительную, как она пишет, степень проникновения ее авторов «в психологию человека и творца, степень понимания его человеческой и артистической индивидуальности»³.

Особенно удачны монографии о С. Трембецком, придворном поэте короля Станислава Августа, блестящем версификаторе эпохи Просвещения (автор А. Липатов), поэтах-романтиках (Б. Стахеев), В. Оркане (Г. Вервес), С. Выспяском (В. Витт), Ю. Тувиме (И. Колташева), и К.-И. Галчинском (автор В. Хорев).

Но в такого рода построении книги есть и существенный недостаток, это — неизбежность повторов, а иногда, что наиболее существенно, невольная неполнота характеристик философских и общественных истоков тех или иных литературных направлений (в общих главах), особенно таких сложных, как романтизм или «Молодая Польша», крупнейшие представители которых — А. Мицкевич, Ю. Словацкий, К. Тетмайер, В. Реймонт — не укладываются в рамки этих направлений. Так, например, творчество Ю. У. Немцевича (1787—1841), отнесенное к эпохе Просвещения, не рассматривается в главе «Литература 1815—1831 гг.» (возникновение романтического направления), что может показаться странным, так как знаменитые «Исторические песни» Немцевича, приобретшие известность и в России в 20-х годах, прежде всего благодаря переводу К. Рыльева, и прокладывавшие путь романтикам, написаны были в 1816 г., а его исторический роман «Ян из Тенчина», положивший начало романтической прозе, как «Баллады и романсы» А. Мицкевича (1822) — начало польской романтической поэзии, написан в 1821—1825 гг., т. е. в пору возникновения романтического направления. И в то же время в монографическом очерке о Немцевиче приходится скороговоркой говорить о восстании 1830—1831 гг., хотя

участие в нем Немцевича было немаловажным и определило дальнейшую судьбу писателя, так как подготовка восстания и само оно являются предметом рассмотрения в следующей за монографической главой о Немцевиче главе «Литература 1815—1831 гг.».

Невозможность избежать повторов особенно сказалась в главах, посвященных писателям 60—80-х годов XIX в. Э. Ожешко, Б. Прусу, Г. Сенкевичу, т. е. писателям, чьи литературные позиции и политические взгляды связаны с варшавским позитивизмом, чье творчество является вершиной польского критического реализма.

Большую трудность испытывали и авторы монографий о Ю. И. Крашевском (А. Липатов), творчество которогоместило несколько литературных эпох, в каждой из которых он сказал свое решающее слово, или о А. Фредро (Б. Стахеев) — крупнейшем мастере польской комедии, не примакивавшем ни к одному из сменявшихся при нем литературных направлений — Просвещению, романтизму, позитивизму. Монографии об этих писателях, помещенные по хронологии вступления их в литературу, как бы разрывают картину литературного процесса, создаваемую обобщающими главами, или предваряют ее.

Чрезвычайно тщательно (на основе русских и польских исследований) прослежены в «Истории» связи польской и русской культур на всем протяжении их развития, благодаря чему авторы смогли ненавязчиво показать насколько часты и близки были эти контакты, вопреки декларируемой некогда в польском литературоведении враждебности и чуждости наших культур. Именно в свете этих связей наших культур было закономерно для авторов «Истории» дать небольшую монографическую статью о В. Сырокомле (А. Илюшин) — поэте, близком по мотивам и настроениям литовской и белорусской поэзии, писавшем по-белорусски, переводившем Пушкина, Лермонтова, Шевченко, поэта, одно из стихотворений которого («Почтальон»), переведенное на русский язык Л. Н. Трефоловым, стало популярной русской народной песней («Когда я на почте служил ямщиком»).

В целом мы имеем хорошее пособие для студентов и просто для любителей литературы, пособие, которое на высоком научном уровне рисует нам польскую литературу, начиная со средневековья (развитие литературных направлений и жанров в ней), трактуя ее в контексте с историей Польши, с другими областями ее культуры — с театром (в первую очередь), изобразительным искусством, музыкой.

³ «Slavia Orientalis», № 4, s. 441.

ИЗУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Изучение связей словацкой литературы с другими литературами, прежде всего славянскими, в последние годы привлекает к себе пристальное внимание словацких литературоведов. Особенно интенсивно эта проблематика разрабатывается в Институте мировой литературы и языков Словацкой АН (Братислава). Об этом свидетельствуют проведенные институтом научные конференции: о словацко-югославских (1966), словацко-польских (1967), словацко-русских и словацко-украинских (1970) литературных отношениях. О том же говорят и подготовленные сотрудниками этого научного учреждения труды (М. Мольнар. «Словаки и украинцы», 1965; Д. Дюришин. «Словацкий реалистический рассказ и Н. В. Гоголь», 1966; Э. П а н о в а. «Поэзия Пушкина в Словакии до 1918 года», 1966; сб. «Словацко-славянские литературные отношения», 1966 и др.), а также многие статьи, помещенные в журнале «Slavica Slovaca» (начал выходить как орган института в 1966 г.). Наряду с Институтом мировой литературы и языков САН, который координирует и возглавляет работу по изучению словацких литературных связей, тем же проблематикой немало внимания уделяется и на философском факультете Университета П. И. Шафарика (Прешов). В значительной мере литературным связям посвящены такие научные издания факультета: «Сборник кафедры русского языка и литературы» (1964), «Шевченковский сборник» (1965), сборник «О межлитературных отношениях» (1968) и др.

Изучение словацкими литературоведами межславянских литературных связей продолжается. Обратим внимание на некоторые из появившихся в последнее время работ.

Полностью посвящен «межлитературным отношениям» второй номер журнала «Slavica Slovaca» за 1971 год. Он открывается статьей М. Бакоша «К вопросу о значении русской литературы для истории словацкой литературы». «Отношение словацкого народа и словацкой культуры и литературы к России и Советскому Союзу, к русской и украинской литературам, — говорится в статье, — представляет собой необыкновенно важную и богатую главу культурной истории словацкого народа, его давнего и недавнего прошлого и настоящего» (стр. 105). Отметив, что еще с времен классицизма русская литература являлась «источником импульсов» для словацкой, М. Бакош подчеркивает, что и в дальнейшем это воздействие сохраняло свою силу и углублялось. Когда в 60-е годы прошлого столетия словацкая литература испытывала внутренний кризис и в ней начинали преобладать условные сентиментально-романтические черты, словацкие переводы произведений русской литературы, главным образом Пуш-

кина, Гоголя, Тургенева способствовали преодолению этого кризиса, укреплению реалистических начал. Вторым периодом глубокого русского воздействия на словацкую литературу, отмечает М. Бакош, был период между двумя войнами, ознаменовавшийся созданием первых произведений словацкой социалистической литературы.

Новый период усиленного влияния советской литературы на развитие словацкой начинается после 1945 г. и продолжается до наших дней.

Автор статьи, отмечая активность обеих сторон, считает, что факты влияния определяются прежде всего внутренними потребностями заимствующей (словацкой) литературы.

С работой М. Бакоша во втором номере журнала «Slavica Slovaca» соседствует статья Д. Дюришина «Результаты и перспективы изучения связей словацкой и русской литератур». В ней намечены три этапа изучения словацко-русских литературных связей в Словакии после ее освобождения в 1945 г. Первый из них (середина 40-х — начало 50-х годов) характеризуется, по мнению автора, компаративными тенденциями предыдущего периода, когда проявлялись стремления интерпретировать словацкое литературное развитие по образцу развития других литератур. Для второго этапа (50-е годы — начало 60-х годов), говорится в статье, показательна профессиональная организация «компаративной русистики» и связанный с этим подъем сравнительного изучения литературы. Особенностью третьего этапа (современного) автор видит в теоретической разработке методических принципов и определении историко-литературных целей изучения словацко-русских литературных отношений и связей.

Имея в виду всю проделанную до сих пор работу по изучению словацко-русских связей, Д. Дюришин полагает, что период собирания и классификации материалов уже пройден. Одна из очередных задач, стоящих перед словацкими литературоведами, — по его мнению, — «предварительный синтез словацко-русских литературных связей».

Вопросам изучения связей словацкой и украинской литератур посвящена следующая статья журнала «Проблемы и перспективы словацкой литературной украинистики», принадлежащая М. Мольвару. В ней говорится, что изучение словацко-украинских связей находится в фазе собирания и систематизации фактических материалов. Автор отмечает значение русского, польского и чешского посредничества в процессе словацко-украинского литературного сближения. В статье уделено внимание откликам словацкой критики на произведения украинской литературы, их переводам, интересу к

украинским народным песням в Словакии.

Все три названные выше статьи являются сокращенным изложением докладов их авторов на конференции «Об отношениях словацкой литературы к литературам русской и украинской» (октябрь 1970). Кроме них в журнале помещена также работа Э. Пановой «А. С. Хомяков в Словакии в период романтизма». Значительный интерес в 60-е годы XIX в. к творчеству Хомякова в Словакии побудил Э. Панову обратиться к выяснению «литературных причин» этого явления. В статье рассматриваются отношения к Хомякову И. Заборского, проводится типологическое сравнение лирики А. Сладковича и Я. Ботто с поэзией Хомякова. В итоге автор делает вывод о некоторых общих чертах словацкого и русского романтизма. Обращая внимание на большую популярность стихов Хомякова в Словакии в 60-е годы, на типологическую близость им произведений словацких поэтов, Э. Панова пишет о том, что Пушкин пользовался тогда меньшей популярностью (см. стр. 143). Чисто количественное превосходство словацких переводов из Хомякова в те годы над переводами из Пушкина действительно имело место, но что из этого следует? Ведь нужно иметь в виду, что из Хомякова переводили только стихи, а из Пушкина и стихи и прозу, в частности «Метель» (1864) и «Барышню-крестьянку» (1865). К тому же некоторые стихотворения Хомякова переводились повторно, например, «Два часа» (в 1864 и 1867 гг.). Повышенный интерес к Хомякову в Словакии вряд ли можно связывать с отношением к Пушкину, произведение которого в 60-е годы переводились чаще, чем в 40—50-е годы, из чего следует, что внимание к Пушкину усиливалось, а не ослабевало.

В минувшем году под грифом Института мировой литературы и языков САН вышла книга С. Лесняковой «Путь к реализму. Йозеф Грегор-Тайовский и русская литература» (Братислава, 1971). В этой работе получили освещение история изучения избранной темы, отношение Тайовского к России, и в частности к русской литературе, особенно к Толстому, Чехову и Горькому. По мнению автора, в русской литературе писатель находил сильные импульсы для своего творчества (более сильные, чем в словацкой — стр. 181), что вовсе не умаляет его глубокой национальной самобытности. В целом такой вывод представляется обоснованным.

В своей книге, в частности в главе «Тайовский и Чехов», С. Леснякова применяет к сравнительному анализу произведений словацкого и русского писателей некоторые принципы теории информации. При этом она констатирует, «что в рассказах Тайовского относительно более богатой является информация

семантическая, в то время как в рассказах Чехова относительно больше информации эстетической» (стр. 133—134). В работе не объясняется значение этих терминов. Но нам бы не хотелось понимать приведенное высказывание как упрек Чехову в недостатке смыслового содержания его произведений.

Нам кажется, что книга выиграла бы, если бы творчество Тайовского было сопоставлено в ней с произведениями представителей «натуральной школы» в русской литературе, а также и некоторых более поздних русских прозаиков (Успенского, Решетникова, Помяловского и др.). Правда, это потребовало бы отклонения от принципа рассмотрения документально подтвержденных контактов Тайовского с русскими современниками в сторону диахронных типологических сопоставлений. Но ведь для всестороннего понимания тех или иных литературных явлений далеко не всегда достаточно сравнивать их с явлениями одновременными. Кстати, среди своих учителей сам Грегор Тайовский называл и Гоголя и Тургенева, что в работе отмечено, однако о них, если не считать нескольких беглых замечаний, в книге почти не говорится.

Еще одной не так давно появившейся в Словакии работой по литературным связям, изданной в серии трудов философского факультета Университета П. М. Шафарика, является книга А. Болека «Славянские литературные связи Гведослава» (Братислава, 1969). В центре внимания ее автора оказалось отношение словацкого поэта к чешской и польской литературе. Им рассматривается, в частности, влияние идей Гуса и Коменского на Гведослава, сравнивается словацкий альманах «Напред» (1871), одним из издателей и авторов которого был словацкий поэт, с чешским альманахом «Май» (1858), сопоставляются произведения Гведослава и Врхлицкого, разбираются осуществленные Гведославом переводы из Словацкого. Внимание автора книги привлекают и литературные связи как один из источников творческих импульсов и типологическая близость литературных явлений. К сожалению, в книге отсутствует освещение большого интересного и очень важного вопроса об отношении Гведослава к русской литературе. Без этого славянские литературные связи Гведослава как целое представить нельзя. Работа А. Болека имеет подзаголовок «Исследования из области словацко-чешской и словацко-польской». Но и эта область охватывается в книге все же не полностью. Известно, например, что Гведослав переводил с польского не только Словацкого, но и Мицкевича, которому в работе посвящены лишь отдельные замечания. В главах об отношении Гведослава к чешской литературе не нашел специального освещения такой существенный, с нашей точки зрения, во-

прос, как ее посредническая роль по отношению к словацкой. Библиотека поэта в Дальнем Кубине содержит не одну книгу чешских переводов славянских авторов, в частности Пушкина, Крылова, Чехова, Короленко, А. К. Толстого и др. На некоторых из них есть читательские пометы Гвездослава. По чешским переводам впервые познакомился словацкий поэт с Некрасовым, о чем свидетельствуют переписанные им еще в конце 60-х — начале 70-х годов в записную книжку чешские переводы стихотворений «Нравственный человек» и «Поэт и гражданин». Кстати, Некрасов был третьим (после Пушкина и Лермонтова) особенно близким Гвездославу русским поэтом.

Мы коснулись содержания некоторых, разных по своему типу работ словацких литературоведов, появившихся в последнее время. Они показывают, сколь велик в Словакии интерес к изучению межславянских связей словацкой литературы. Можно предполагать, что в ближайшие годы усилия словацких ученых принесут новые плоды, которые явятся вкладом не только в изучение истории межславянских литературных отношений, но в какой-то мере и в общую методику сравнительного литературоведения.

Л. К.

НОВАЯ КНИГА О П. ШАФАРИКЕ

Пражское издательство «Мелантрих» выпустило в серии «Заветы прогрессивных деятелей нашего прошлого» новую работу известного чехословацкого историка Яна Новотного — книгу о Павле Шафарике¹. Она обращена к широкому кругу читателей, и подобно другим изданиям данной серии, состоит из двух частей — биографии и публикации избранных текстов.

Ян Новотный построил свою книгу в традиционном жанре исторической биографии, прослеживая основные этапы жизненного пути Шафарика: молодость, пребывание в Нови-Саде, переезд в Прагу (период бурной научной и общественной активности), революция 1848—1849 гг., мучительные для Шафарика годы баховской реакции. Заключается книга небольшим очерком о личности Шафарика.

Опираясь на широкий круг источников (отчасти вводимых впервые в научный оборот) и на литературу, посвященную Шафарика, Новотный в основном верно и удачно очертил его жизнь и деятельность, его связи с чешским и словацким национально-освободительным движением первой половины и середины прошлого столетия. Автор справедливо подчеркивает, что Шафарик был не «кабинетным ученым», далеким от вопросов современности, а непримиримым противником угнетения и бесправия в любой его форме. «Отсюда, — продолжает автор, — вытекает непринятие Шафариком феодализма, а на склоне жизни и критическое отношение к развивающемуся буржуазному обществу, главным образом, к его социальным противоречиям...» (стр. 204). Следовало бы, пожалуй, более определенно подчеркнуть, что с этим связана глубокая душевная трагедия ученого и общественного деятеля, жив-

шего последнее десятилетие в атмосфере глухой реакции «баховского абсолютизма».

Значит ли это, что Шафарик был политиком? По мнению автора книги — да. Еще годом ранее он специально касался этого вопроса в статье «К вопросу о политической деятельности П. И. Шафарика во время революции 1848—1849 г.» («Historický časopis», 1970, № 4, s. 544—565). Несомненно, вопрос этот заслуживает внимания. Ведь очевидно, что быть политиком и иметь политические взгляды — отнюдь не одно и то же. Можно писать о философских воззрениях Й. Юнгмана, не считая его философом, или изучать исторические взгляды чешских радикальных демократов, не принимая их за историков-профессионалов. Еще в книге «Павел Шафарик, выдающийся ученый славист» (М., 1963) нам приходилось подчеркивать тесную связь многих выступлений Шафарика с общественно-политической борьбой того времени. Анализ его творчества воссоздает образ ученого-мыслителя, критически оценивающего современную ему действительность. Но будучи искренним противником деспотизма, во многом близко принимая идеи и требования демократического лагеря, П. Шафарик не сумел преодолеть узости либерально-буржуазного мышления. Не приемля революционного насилия, он надеялся на постепенное, эволюционное преобразование существующего общественного и политического строя. Может быть, поэтому, ощущая внутреннее противоречие своей позиции, П. Шафарик избегал выступать в качестве собственно политического деятеля, признавая, что эта сфера для него чужда. Такое заключение подтверждается и трезвой оценкой австрославизма в период революционной бури 1848—1849 гг. и отношением к нему в эти годы самого Шафарика. Впрочем, оценка авст-

¹ J. N o v o t n ý. Pavel Josef Šafařík. Praha, Melantrich, 1971, 366 s.

рославизма на разных этапах его развития — вопрос особый. Что же касается П. Шафарика, то правильнее характеризовать его не как политика, а как общественного деятеля, каковым он и являлся в действительности. С этой точки зрения полнее следовало бы проанализировать его контакты с представителями общественной мысли и культуры русского, украинского, польского и других славянских народов. Сюжеты эти, намеченные в книге Яна Новотного, несомненно заслуживают особой разработки в будущем.

Во второй части книги даны избранные публикации текстов Шафарика — его автобиография, стихотворения из раннего сборника «Татранская муза со славянской лирой», предисловия к ряду его трудов, выступления 1848 г., статья «Мысли о равноправии чешского и немецкого языков в чешских школах» и речь, произнесенная при открытии Славянского съезда в Праге. Эти материалы, в совокупности с удачно подобранными эпитафиями к от-

дельным разделам книги из произведений самого Шафарика, помогут читателям лучше осмыслить его роль как ученого и общественного деятеля.

Удачно подобраны иллюстрации. Среди них — титульный лист «Славянских древностей» с дарственной авторской надписью О. М. Бодянскому. Впервые воспроизведенный в печати в 1963 г., он открывает книгу, хранящуюся в коллекции «Россика» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Следовало бы отметить это в поясняющем тексте.

В целом рассмотренная книга заслуживает положительной оценки. Автор может быть вполне удовлетворен: поставленную им цель — ознакомление широкого круга читателей с жизнью и деятельностью Шафарика и, хотя бы вкратце, с его произведениями — можно считать достигнутой.

А. С. Мильников

НОВЫЕ КАТАЛОГИ СТАРОСЛАВЯНСКИХ КНИГ КИРИЛЛОВСКОЙ ПЕЧАТИ

Создание сводного каталога славянских книг кирилловской печати¹ — задача по-прежнему актуальная. Одним из реальных путей к ее решению является предварительное составление и публикация описаний отдельных собраний старопечатной книги. Таково недавно изданное описание коллекции книг кирилловской печати Научной библиотеки Ленинградского государственного университета². Собрание нельзя признать большим: в нем насчитывается 175 изданий XVI—XVII вв. в 237 экземплярах.

В составе собрания — четыре московских издания XVII в., которые до сего дня описаны не были; среди них Часовник 1630 г. Псалтырь 1625 г. ранее была описана по дефектному экземпляру Государственного исторического музея — в Научной библиотеке Ленинградского университета хранится значительно более полный экземпляр. Эти редкие издания были приобретены археографическими экспедициями Научной библиотеки ЛГУ и Института русской литературы в последние годы. Всего в 1963—1969 гг. в библиотеку поступило 132 книги XVI—XVII вв.

¹ Е. Л. Немировский. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза. «Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 11—25.

² А. Х. Горфункель. Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков. Л., 1970 (Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Научная библиотека им. М. Горького).

Описывая старопечатные книги, составитель каталога А. Х. Горфункель указывает название, место печатания, наименование типографии, имя типографа, дату выхода издания в свет, формат, количество листов. Даны отсылки на известные библиографические указатели И. П. Каратаева, В. М. Ундольского, А. С. Зерновой и др. Приведены сведения о комплектности экземпляра Научной библиотеки ЛГУ, приведены имеющиеся в нем вкладные и владельческие записи, указано место приобретения экземпляра.

Недостаток каталога — неунифицированность описания. В некоторых случаях приводится так называемая формула издания, указывается количество строк на полосе, величина шрифта, даны сведения об орнаментике. В других случаях этого нет. В предисловии составитель указывает, что им даны подробные описания «лишь тех изданий, которые не отражены в новейших научных каталогах». В остальных случаях приведены лишь краткие данные и сделаны отсылки к существующей библиографии — составитель поясняет, что это относится к изданиям Ивана Федорова, типографии Мамоничей и др. Однако как раз издания Мамоничей и, например, Евангелие Учительное Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстислава описаны А. Х. Горфункелем подробно.

Каталог не свободен от ошибок. Не можем мы согласиться с тем, что первая московская печатная книга — узкошрифтовое Евангелие датируется А. Х. Горфункелем ок. 1560 г. Старейшая из известных вкладных на экземплярах этой

книги сделана в 1559 г.³ Книга вышла в свет в 1553—1554 гг.

Описывая Учительное Евангелие 1569 г., А. Х. Горфункель указывает, что в этом известном издании Ивана Федорова и Петра Мстиславца имеется 1 заставка, 1 концовка и 1 инициал. Это неверно. В книге 3 оттиска заставок, отпечатанных с 2-х досок, 6 концовок — с 2-х досок и 2 инициала — с 2-х досок⁴. Приводя листовую формулу книги, следовало указать ошибки в пагинации: так, например, л. 169 помечен числом «175», л. 235 — числом «225» и т. д. Нечетного количества листов тетрадь иметь не может. Поэтому неправильно указание на то, что в 51-й тетради книги было 7 листов. Имелся и 8-й лист (пустой). Общее же количество листов книги не 407, а 408.

В конце каталога приложен список 55 старопечатных книг, поступивших в библиотеку ЛГУ в 1968—1969 гг. Среди них московский Апостол 1564 г. Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца, львовский Апостол 1574 г. Ивана Федорова, Новый Завет и Псалтырь 1580 г. Ивана Федорова, не учтенные в библиографии Псалтырь 1623 г., Часовник 1640-х годов, Часовник 1650-х годов, Псалтырь 1662 г. Все эти замечательные издания в каталоге не описаны.

А. Х. Горфункель описал старопечатные издания, хранящиеся лишь в одном книгохранилище. Второй каталог, о котором пойдет речь в рецензии, составлен по иному принципу: в нем описаны издания, выпущенные в свет в XVI—XVIII вв. в одном городе, во Львове⁵. Всего учтено 223 издания трех типографий: Ивана Федорова, Львовского Ставропигийского братства и Ставропигийского института. Издания типографий Михаила Слезки и Арсения Ждлборского составителям каталога не описаны. Я. Д. Исаевич предполагает описать их во втором выпуске каталога, хотя в этом случае будет нарушена хронологическая последовательность изданий.

Библиографические описания старопечатных книг не столь подробны, как у А. Х. Горфункеля. Сообщается лишь название книги, дата ее выхода в свет, формат и количество листов. Даются отсылки на библиографические указатели Я. Ф.

³ Государственный исторический музей (ГИМ). Меньш., 1680, л. 7 об.

⁴ Я. Л. Неміроўскі. Іван Фёдарав і Пётр Цімафееў Мстиславец у Беларусі. В кн. «450 год беларускага кнігадрукавання». Мінск, 1968, стар. 144—145.

⁵ Я. Д. Ісаевич. Львівські видання XVI—XVIII ст. Каталог. Львів, 1970 (Львівська державна наукова бібліотека. Львівська обласна організація Українського товариства охорони пам'яток історії та культури).

Головацкого, И. П. Каратаева, А. С. Петрушевича, И. С. Свенцицкого, В. М. Ундольского и других русских и украинских книгописателей. В некоторых, но, к сожалению, далеко не во всех случаях указаны шифры экземпляров изданий (преимущественно львовских библиотек). Жаль, что это не сделано для львовских изданий Ивана Федорова: Апостола и Азбуки 1574 г. Кстати последнее издание Я. Д. Исаевич именует Букварем, что нельзя признать правильным, ибо аналогичное издание, выпущенное Иваном Федоровым в 1578 г. в Остроге, первопечатник сам назвал Азбукой.

Для многих изданий XVII—XVIII вв. Я. Д. Исаевич указывает тираж, определенный им по архивным материалам. До сего времени тираж в каталогах старопечатных книг указывался лишь в исключительных случаях. Инициативу Я. Д. Исаевича можно только приветствовать, ибо она позволяет нам судить об объеме издательской продукции старых типографий. Надеемся, что будущие книгоописатели последуют его примеру.

Среди пропущенных Я. Д. Исаевичем изданий назовем Литургион 1757 г., экземпляр которого в свое время хранился в Виленской публичной библиотеке и был описан А. И. Миловидовым⁶.

В некоторых случаях ошибочно указаны формат и количество листов. Отметим некоторую небрежность в библиографических отсылках: Ю. Кузнецов вместо Ю. Кузнецова, Л. Пекарский вместо П. Пекарский (стр. 48) и т. п. Имя типографа Ставицкого в некоторых случаях пишется через мягкий знак (Ставицкий), а в других — без.

Очень жалько, что каталог Я. Д. Исаевича не имеет справочного аппарата. В этом случае ему в пример можно поставить А. Х. Горфункеля, который снабдил свою работу указателями: городов, типографий и их изданий, названий книг, имен авторов книг, владельцев книг и лиц, упомянутых во владельческих записях, географическим и хронологическим, датированным владельческих записей.

Общая оценка каталогов А. Х. Горфункеля и Я. Д. Исаевича может быть только положительной. Остается пожелать, чтобы скорее появились каталоги старопечатных славянских книг крупнейших наших собраний и, среди них, прежде всего Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Е. Л. Немировский

⁶ А. И. Миловидов. Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1908, стр. 101, № 142.

J. MATESIĆ. Der Wortakzent in der serbokroatischen Schriftsprache. Heidelberg, 1970, 345 S.

И. МАТЕШИЧ. Ударение в сербохорватском литературном языке

Рецензируемая книга И. Матешича представляет собой полное описание сербохорватского литературного ударения. Имея опыт лексикографической и акцентологической работы¹, И. Матешич приступил к написанию своего обобщающего труда почти 50 лет после выхода в свет известного исследования Дж. Даничица «Српски акценти» (Београд — Земун, 1925), в котором впервые было дано исчерпывающее описание сербохорватского литературного ударения. Но исследование Дж. Даничица, служившее в течение нескольких десятилетий неизменным источником по сербохорватскому литературному ударению, во многом уже не отвечает уровню современной науки. Естественно, что оно не отражает изменений, происшедших за последние годы и узаконенных Орфографическим словарем 1960 г. («Правопис српскохрватског књижевног језика. Са правописним речником. Матица Српска». Нови Сад — Загреб, 1960).

Достижения сербохорватской акцентологической науки за два последние десятилетия (см. об этом наш обзор в «Советском славяноведении», 1971, № 6) и словарь 1960 г., кодифицирующий новые акцентные дублеты, диктовали насущную потребность в новом описании литературной сербохорватской просодической системы на современном теоретическом уровне. И. Матешич основательно ознакомился с последними исследованиями: экспериментальными (П. Ивич, И. Лехисте, Р. Поллок), фонологическими (П. Ивич, З. Юнкович), морфофонематическими (Б. Николич), типологическими (Б. Фишка) и т. д. (библиография, приложенная к его книге, насчитывает 408 названий). В ряде случаев автор прямо опирается на исследования своих предшественников (например, на работы Б. Николича — в разделе о суффиксальных существительных — или на фундаментальное исследование М. Пешикана об акцентной системе глагола).

Во введении (стр. 1—18) И. Матешич говорит о характере своей работы. Он задумал свою работу как синхронное (добавим от себя: и полное) описание современной акцентной литературной системы таким способом, при котором «основное внимание уделяется изменению ударения во флексии» (стр. 10). Сложные и разно-

образные отношения просодических явлений и их структурные характеристики рассматриваются на уровне типологических классификаций. К сожалению, сам автор во введении не разъясняет своего метода исследования. Читатель получает о нем представление только из анализа самого материала. И. Матешич во введении ставит целый ряд общих задач, которые он собирается решать. Как будет показано ниже, не все намерения автора были им осуществлены в конкретном исследовании. Этому помешал избранный им принцип описания.

В разделе, посвященном историческому развитию сербохорватской акцентной системы (стр. 19—36), И. Матешича интересуют не акцентные изменения в морфологии, но вопросы функциональной нагрузки акцента, дифференциации и распределения просодических факторов, влияния просодии на дистрибуцию вокалической системы. Здесь хорошо описаны акцентные возможности в различных по времени просодических системах в словах с двусложной и трехсложной основами (краткими и долгими). Наглядно продемонстрирована иерархия процессов в штокавской ретракции (§ 46). В четкую схему уложены основные процессы исторического развития сербохорватской просодии (§ 49). Вместе с тем, в кратком изложении истории просодической системы сербохорватского языка от позднеславянского периода до современного состояния Матешич, отступая от строго фонологической интерпретации П. Ивича, на работах которого он базируется, трактует ряд вопросов в плане устаревших и не всегда точных концепций. Например, условия появления нового акута Матешич связывает с морфофонематическими причинами, ссылаясь при этом на давнюю работу С. Ившича, но оставляя без внимания исследование последних лет С. Станга, многое разъяснившего в вопросе о происхождении нового акута. То же можно сказать и о трактовке Матешичем нового циркумфлекса, который, как утверждает автор, находился в оппозиции с новым акутом в циркумфлектированных парадигмах (!?). Излишне смело утверждение Матешича, что новый циркумфлекс распространен на всей сербохорватской территории и различия по диалектам касаются лишь деталей. Без особых также оснований отрицается существование интонаций в кратких словах в раннесербский (позднепраславянский) период и т. д.

В целом же этот раздел имеет самостоятельное значение и никак не связан с последующим описанием материала. Он не помогает читателю понять сложные

¹ См. его Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Hlbd. 1—2. Wiesbaden, 1966—1967; Die Betonung der Pronomina in der Kroatischen oder Serbischen Schriftsprache. «Die Welt der Slaven», XII, Wiesbaden, 1967, S. 180—192.

соотношения просодических явлений в современном литературном языке и не проясняет вопросы происхождения современных акцентов.

Далее (стр. 37—49) Матешич рассматривает современное состояние акцентной системы сербохорватского литературного языка: дистрибуцию сербохорватских акцентов в слове, количество акцентных

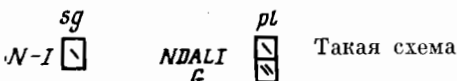
не передает наличие/отсутствие долготы (см. Gen. pl.). Если ударение во всех словоформах остается в пределах одного слога, то в схеме показан только один слог; если ударение переходит на другой слог, то в схеме даются два слога. Например, (sg) *pròsac*, *pròsaca...*, (pl.) *pròsci*, *pròsàcà*/ *pròsàcā* G. вариант (pl.) *pòslovi*, *pòslòvā*, *pòslove...*, или схематически:

возможностей в словах с различным числом слогов, условия появления безударных (заударных) долгот (рассмотрены все случаи их появления по частям речи), акцентные чередования. Однако и этот раздел не связан с последующим описанием материала. Думается, что здесь уместна была бы общая схема описания с выделением основных акцентных типов и подтипов, отличающихся наличием / отсутствием долготы и т. д.

В основной части работы материал излагается по частям речи в таком порядке: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глагол, наречия. Внутри каждого морфологического класса (существительного, прилагательного и т. д.) автор различает I непостоянное (или изменяемое) ударение (когда на одном и том же слоге или на разных слогах могут быть различные по качеству акценты: *zmāj*, *zmāja*; *djèd*, *djèda...*, G. pl. *djèdā*; *sinòvac*, *sinòvca...*, G. pl. *sinòvācā*; *lòvac*, *lòvca...*, G. pl. *lòvācā*/ *lòvācā* и т. д.); II постоянное (или неизменяемое) подвижное ударение (когда один и тот же акцент может стоять на разных слогах: *kòtālac*, *kòtaoca*, *kòtaocu*; *staràèac*, *staràèca*, *staràèaca* и т. д.) и III постоянное неподвижное ударение (когда во всей парадигме склонения или спряжения место и качество ударения остается без изменения: *brāt*, *brāta*; *nārod*; *nādlasak*, *muzikant* и т. д.).

Внутри этих трех больших градаций Матешич выделяет акцентные типы с различными видами акцента и местом ударения. Акцентный тип определяется из отношения Nom. sg. к остальным падежам и выражается формулой Nsg : üK. Каждый акцентный тип имеет свой показатель отношений в sg и pl. Возможные варианты внутри акцентного типа автор регулярно отмечает. Следовательно, Матешич передает акцентные типы следующим образом. Например, акцентный тип лексемы (sg.) *jèlen*, *jèlena*, *jèlenu...*; (pl.) *jèleni*, *jèlenā* G., *jèlenima...* обозначается схемой

Для каждого акцентного типа Матешич указывает наиболее распространенные диалектные варианты, отмечает его продуктивность/непродуктивность, перечисляет составляющие его лексемы (в алфавитном порядке).

При выделении акцентных типов Й. Матешич, в отличие от Дж. Даничича, не учитывает число слогов в основе (в один акцентный тип у него включены слова с различным числом слогов) и деривационную сторону слов (суффиксально/безсуффиксальное строение).

В конце каждого из разделов, посвященных отдельным частям речи, дается сводка всех присущих им суффиксов. Это, несомненно, полезно для занятий по словообразованию.

В особый раздел автор выделил ударение вокатива, а также ударение на проклитиках и ударение сложных существительных.

Не все разделы обработаны одинаково подробно. Наиболее детально описаны существительные, местоимения; описание же наречий, напротив, весьма лаконично.

Избранный Й. Матешичем способ описания в целом не кажется удачным, поскольку он не позволил выполнить всех тех задач, которые сам автор поставил во введении.

В основу классификации акцентного материала Й. Матешич, как уже сказано, положил признак непостоянное/постоянное ударение, т. е. для автора релевантно следующее: изменяется ли качество ударения в акцентуационной парадигме или нет. Чтобы провести удовлетворительную классификацию акцентных типов названного признака недостаточно. Матешич вводит поэтому второй признак, касающийся движности акцента в акцентуационной парадигме — подвижность/неподвижность ударения. Однако по этому признаку он делит лишь акцентные типы с постоянным ударением, а типы с непостоянным ударением дополнительной градации по этому признаку не имеют. Следовательно, Й. Матешич нарушает принцип соизмеримости классификационных типов, и его классификацию нельзя признать корректной.

Особенно наглядно принцип исследования Й. Матешича прослеживается в

разделе об имени существительном, в котором наиболее четко проявляются и недостатки избранного автором способа описания. В разделе нет ни предварительных, ни заключительных данных о количестве акцентных типов, об их дистрибуции в просодической системе имени (эти данные отсутствуют и в специальном разделе работы о дистрибуции акцента в слове, стр. 37—49). Изложение материала идет в рамках названных выше акцентных разрядов (I непостоянное ударение, II постоянное подвижное, III постоянное неподвижное) по параграфам, соответствующим а. подтипам². Такое рассмотрение подряд всех а. типов различных по употребительности, генетическим, морфологическим и другим признакам, нивелирует всякую иерархию и дистрибуцию их в системе³. Особенно громоздким, трудным для восприятия является раздел I с непостоянным (или изменяемым) ударением, в который входит большое число самых разнообразных акцентных типов. Автор не разделил здесь типы с подвижным и неподвижным ударением, материал приводится без определенного порядка следования а. типов (например, удобнее было бы рассмотреть сначала все а. типы с[˘] в исходной форме, затем с^ˆ и т. д.), вперемешку даются существительные с односложной, двусложной, трехсложной и т. д. и опять с односложной основой, не даются в определенной последовательности существительные, где ударение изменяется в пределах одного слога и в пределах двух слогов и т. д. (например, в существительных мужского рода с нулевой флексией: *dvòr, dvòra; kòvāč, kovāča; admirāl; kapacitēt; miliciò-nār; računòispitāč; zmāj, zmāja; drao, òrla, pl. òrli; lòvac, lòvca, lòvci; sindvac, sindvca, sindvci* и др.).

Короче говоря, способ описания И. Матешича сводится к довольно произвольному перечислению а. типов, число которых лишь немногим меньше, чем у Дж. Даничича, а с учетом подтипов описание его является менее экономным, чем опи-

² Причем, выделение подтипов не связано с каким-то одним признаком: это может быть связано с долготой (*svjèdok 82a, sùtkòv 82b*) или с наличием/отсутствием вариантной формы в G. pl. (*86d prosācā/pròsāca, 86d otācā*, однако, здесь же *86b* найдем и *kòbāca/kòbācā*), иногда разделение на подтипы связано с количеством слогов (*91a ràt, ràtu, 91b mðzak, mðzga*).

³ Заметим, кстати, что описание акцентных типов внутри суффиксальных образований И. Матешич сопровождает семантико-derivационным анализом. В исследовании, где игнорируется морфологическая структура слов, этот анализ кажется излишним. Достаточно было бы перечисления существующих а. типов для каждого суффикса.

сание Дж. Даничича (например, существительные женского рода: у Даничича 48а. тип, у Матешича 31а. тип, не считая 22 подтипов). Некоторую экономию Матешичу дает объединение в один а. тип разнослоговых имен. Принцип Дж. Даничича — деление на акцентные типы в соответствии с количеством слогов в слове, несмотря на свою неэкономность, дает возможность наглядно представить акцентные отношения внутри каждой морфологической группы. Из описания И. Матешича мы получаем только самое общее представление об акцентной системе в целом. Читателю лишь известно, что в каждой части речи есть а. типы с непостоянным ударением, постоянным подвижным ударением и постоянным неподвижным ударением.

В разделе «Существительные» И. Матешич дает большой материал, охватывающий основной лексический фонд современного литературного языка и значительно превышающий тот, что помещен в Орфографическом словаре 1960 г. При наличии достаточно большого указателя (у Матешича он насчитывает более 10 тыс. слов, основная масса которых — существительные) читатель имеет возможность установить а. тип нужного слова (что в общем-то можно сделать и по словарям). Однако поскольку в формуле Матешича, выведенной им для данного типа, не отражены долготы, то читатель обращается не к ней, а к слову-образцу. Необходимость этих формул в книге И. Матешича трудно понять. Они могли бы иметь смысл, если бы автор использовал их для демонстрации акцентной системы, представляющей собой совокупность этих формул.

Ценность книги И. Матешича состоит в том, что она служит хорошим справочником по сербохорватскому литературному ударению, дающим сведения об а. типе слов, о круге лексем, составляющих данный а. тип, а также об основных диалектных вариантах. Очевидно, что ценность работы значительно снижается, если рассматриваемый материал неполный (например, в разделе о прилагательных, наречиях, глаголе). Основной недостаток описания И. Матешича заключается в том, что оно не дает адекватного представления об акцентной системе в целом, о сложной взаимосвязи а. типов внутри этой системы, о дистрибуции а. типов в морфологических категориях и группах. За пределами его описания остались и такие вопросы, как природа акцента, зависимость словесного ударения от интонации предложения, которым автор также собирался уделить внимание.

На иных принципах строится описание ударения у глаголов. Здесь за основу взята разработка М. Пешикана⁴. В клас-

⁴ М. П е ш и к а н. Вуков и Даничићев систем глаголског акцента и његове новце

сификации современных глагольных а. типов М. Пешикан исходит из исконных акцентуационных классов, или парадигм (т. е. из исконных *bagutona*, *oxutona* — с долготной и краткостной основами и *heterotona* — также с долгим и кратким корнем), рассматриваемых с точки зрения того, как они представлены в морфологических глагольных классах. Все акцентное разнообразие глагольных форм он сводит к определенному числу а. типов (их семь), дистрибуция которых во всей глагольной системе и по глагольным классам четко представлена. Й. Матешич начинает изложение материала по глаголу с перечисления современных а. типов и показа их распределения по морфологическим классам глагола. Таким образом, читатель получает полное представление о просодической системе глагола, как о совокупности семи а. типов. Ударение же в грамматических категориях (презенте, аористе, причастиях на -лъ и т. д.) и в основах различных структур («односложные в инфинитиве с гласным на конце основы» и т. д.) Й. Матешич рассматривает в рамках своих основных разделов — изменяемое и неизменяемое (постоянное и непостоянное) ударение. Это лишь внешне объединяет описание данного ударения у глаголов с описанием других частей речи, но не расширяет представления о просодической системе современного глагола. В конце раздела Й. Матешич приводит таблицы образцов всех семи акцентных типов, по которым можно устанавливать а. тип любого глагола, зная его основные формы. К сожалению, в этом разделе Й. Матешич не дает списка глаголов, составляющих определенный а. тип. Сведения о региональных вариантах здесь также скудны. Все это лишает данный раздел тех ценных свойств справочника, которые имеет раздел о существительных.

В работе Й. Матешича встречаются конкретные ошибки, неточности и небрежности в анализе материала. Приведем лишь несколько примеров из раздела о прилагательных. В системе лексем с непостоянным ударением (§ 199а) —

образец а. типа *nǎv*, *nǎva*, *nǎvo* — включены и прилагательные *ĉist*, *ĉista*; *mĭo*, *mĭla*; *rǎd*, *rǎda*, у которых формы *ĉista*, *mĭla*, *rǎda* являются лишь вариантами. К типу *bĭstar*, *bĭstro/bĭstar*, *bĭstro* (§ 199) автор относит и лексемы *sĭlno*, *gnǎjan*, *hŭlan*, *svĭlan*, которые могут быть сюда отнесены лишь при генетическом подходе к материалу. Прилагательное *nǎv* фигурирует у Й. Матешича то как а. тип с непостоянным ударением (§ 199), то как а. тип с постоянным неподвижным ударением (§ 211а).

Итак, избранная Й. Матешичем модель описания литературного сербохорватского ударения не дает представления о просодии той или иной морфологической категории как о системе. Исключение составляет раздел о глаголе, где автор успешно использовал разработку М. Пешикана. Соответствующая разработка М. Пешикана о существительных и прилагательных, вышедшая в свет одновременно с трудом Й. Матешича⁵, не могла быть им использована. Если бы Й. Матешич последовал М. Пешикану во всех разделах своей книги, он дал бы описание не только акцентной системы существительного, прилагательного и других частей речи, но смог бы показать взаимоотношения акцентных систем всех частей речи, генетическую общность просодической системы имени и глагола, сложное единство просодической системы сербохорватского литературного языка. В таком случае и исторический экскурс и раздел о дистрибуции современных акцентов не оказались бы изолированными от анализа конкретного материала, а были бы органически связаны с ним. Серьезного упрека заслуживает также нарушение Й. Матешичем принципа соизмеримости классификационных типов в рамках принятой им модели описания. Работа Й. Матешича полезна как достаточно полный, но не исчерпывающий справочник по сербохорватскому ударению.

Р. В. Булатова

модификације. «Јужнословенски филолог», књ. XXVI, 1—2, Београд, 1963/1964, стр. 247—292.

⁵ См. М. Пешикан. О основима штокавске акцентуације. «Јужнословенски филолог», књ. XXVIII, св. 1—2, Београд, 1970, стр. 107—142.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972 г.
(продолжение)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Гейс И. Исторические предпосылки новой восточной политики. *Международная жизнь*, 1972, № 6.

Каштан Л. О соотношении социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. *Проблемы науч. коммунизма*, 1972, вып. 6.

Пonomarev Б. Идейное наследие Г. Димитрова и современность. К 90-летию со дня рождения. *«Коммунист»*, 1972, № 9.

Степанян Ц. А. Социалистический интернационализм и борьба с ревизионизмом. В кн. *Ленинский этап в развитии философии марксизма* М., 1972.

2. Вопросы теории

Ангелов С. Об идейных истоках «гуманного» социализма. *«Проблемы мира и социализма»*, Прага, 1972, № 5.

Бессонов Б. Н. Теоретические проблемы развитого социалистического общества. *Науч. докл. высш. школы. Филос. науки*, 1972 № 3.

3. Экономика, экономическое сотрудничество

Астаскевич Р. З. Критика буржуазных, ревизионистских и догматических взглядов по вопросам экономического сотрудничества социалистических стран. В кн. *Критика антинаучных теорий по курсу политической экономии*. Саратов, 1972.

Белоглазков М. Развитие изобретательства в ЧССР. *Вопр. изобретательства*, 1972 № 5.

Бобров В. Я. Влияние научно-технического прогресса на повышение эффективности промышленного производства стран — членов СЭВ. В кн. *Научно-технический прогресс и его социально-экономические проблемы при социализме*. Донецк, 1971.

Бобров В. Я., Чепусов А. Т. Роль координации народнохозяйственных планов у розвитку соціалістичної економічної інтеграції. *Питання політ. економії*, Київ, 1972.

Бувайлик Г. Міжнародноправові принципи Соціалістичної економічної інтеграції. *Рад. право*. Київ, 1972, № 6.

Будкін В. С. Вплив соціалістичної економічної інтеграції на інтенсифікацію співробітництва країн РЕВ на сучасному етапі. *Питання політ. економії*, Київ, 1972, вип. 82.

Булаш М. О. XXIV з'їзд КПРС і проблеми розвитку міжнародної соціалістичної економічної інтеграції. *Питання політ. економії*, Київ, 1972, вип. 82.

Валев Э. В. Основные тенденции формирования территориальной структуры промышленности Народной Республики Болгарии. В кн. *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. М., 1971.

Вардомский Л. Б. Некоторые вопросы географии морских портов Польши. В кн. *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. М., 1971.

Васильева Л. С. Совершенствование управления научно-техническим прогрессом в европейских социалистических странах. *Экономика и организация пром. производства*, Новосибирск, 1972, № 2.

Гавриков Ю. П. Латинская Америка и страны СЭВ: некоторые проблемы сотрудничества. *Латин. Америка*, 1972, № 3.

Гельфанд В. С., Тольц М. С. О естественном движении населения Польской Народной Республики в послевоенный период. *«Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов»*, Минск, 1972, вып. 3.

Гула В. Второй год выполнения пятой пятилетки в ЧССР. *План. хоз-во*, 1972, № 5.

Даньшина В. Экономическое развитие Чехословакии в 1971—1975 гг. *Вопр. экономики*, 1972, № 5.

Джумадылов К. Что такое социалистическая экономическая интеграция? *«Коммунист»*, Фрунзе, 1972, № 1.

Дроздова Г. М. Научно-технический прогресс и развитие экономического сотрудничества социалистических стран. В кн. *Научно-технический прогресс и его социально-экономические проблемы при социализме*. Донецк, 1971.

Евсеев І. Ф. Спільні і особливі риси соціалістичної перебудови сільськогосподарства в СРСР і європейських країнах — членах Ради Економічної Взає-

низма по вопросу социалистического преобразования сельского хозяйства. В кн. Критика антинаучных теорий по курсу политической экономии. Саратов, 1972.

Журба С. И., Шишкин Н. И. Критика антиленинских взглядов на экономичне співробітництво та інтеграцію економіки соціалістичних країн. «Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Зайцев К. А. К вопросу о социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ в развитии сельского хозяйства. Зап. Ленингр. с.-х. ин-та, 1972, т. 178.

Залкинд А., Кудрова Е. Основные вопросы статистики цен в европейских социалистических странах. Вестн. статистики, 1972, № 4.

Илинич Ю. В. Минерально-сырьевая база Польши и ее влияние на территориальную структуру хозяйства. В кн. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1971.

Ифтемчук В. С. До питання про науково-технічну інтеграцію країн — членів РЕВ. «Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Клочко В. П. Вдосконалення економічного механізму міжнародного співробітництва — важливий напрям соціалістичної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Князев Ю. Пятилетний план Югославии. План. хоз-во, 1972, № 6.

Князев Ю. Экономические связи Югославии со странами СЭВ. Междунар. жизнь, 1972, № 6.

Кормнов Ю. Планово-управляемый характер сотрудничества стран СЭВ. Вопр. экономики, 1972, № 6.

Кошуба Б. Учет рабочего персонала и расчет заработной платы на ЭВМ. В кн. Сборник докладов по применению вычислительной техники в учебе, планировании и организации производства в угольной промышленности, ч. 2. М., 1970.

Кулигин П. Международный симпозиум по проблемам управления социалистической экономикой. Науч. докл. высш. школы. Экон. науки, 1972, № 6.

Лебедев С. Н. V конференция внешнеторговых арбитражей стран — членов СЭВ. Сб. информ. материалов. Секция права Всесоюз. торг. палаты, 1972, вып. 24.

Леонов И. Г. Про загальне і особливе в соціалістичному перетворенні сільського господарства в європейських країнах народної демократії. В кн. В. І. Ленін і розробка проблеми союзу робітничого класу і селянства. Одеса, 1971.

Малюгин В., Граматиков А., Козлов В. Социалистическая

экономическая интеграция (В области строительства) Экономика стр-ва, 1972, № 5.

Мамайсур М. А. Міжнародна соціалістична економічна інтеграція — важливий фактор розвитку Народної Республіки Болгарії. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Международный банк экономического сотрудничества. Экон. газ., 1972, № 24.

Миккульский К. И. XXIV съезд КПСС и мировая социалистическая система. Вопр. истории, 1972, № 5.

Миккульский К. Международное значение социалистической экономической интеграции. Международн. жизнь, 1972, № 5.

Можаров Н. Морской транспорт зарубежных стран — членов СЭВ в текущем пятилетии. «Вымпел», 1972, № 8.

Молдован В. Соціалістична інтеграція та посилення госпрозрахункових важелів зв'язку виробництва з зовнішньо-економічною діяльністю. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Народная Республика Болгария (Сообщение статистических органов о выполнении народнохозяйственных планов 1971 г.) Бюл. экон. информации СЭВ, 1972, № 2.

Нелюбов Б. Ф., Савчук В. Соціалістична інтеграція — важливий напрям у розв'язанні паливно-енергетичної проблеми країн РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Пахля Л. Направления решения проблемы рождаемости в ЧССР. «Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов», Минск, 1972, вып. 3.

Перкнерова И. Центр промышленной социологии в ЧССР. Экономика и организация пром, производства, Новосибирск, 1972, № 2.

По пути экономической интеграции (соглашение о морском сотрудничестве стран СЭВ). «Морской флот», 1972, № 4.

Политика народонаселения и семья в социалистическом обществе. (Встреча советских и чехословацких демографов, Прага, 7—8 декабря, 1971 г.). «Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов», Минск, 1972, вып. 3.

Польская Народная Республика. (Сообщение статистических органов о выполнении хозяйственных планов в 1971 г.). Бюл. экон. информации СЭВ, 1972, № 2.

Попов И., Свиридов В. Технический прогресс стран социализма. Междунар. жизнь 1972, № 6.

Поспелова Е. Интеграция и экономические связи промышленности с сельским хозяйством в Болгарии. Вопр. экономики, 1972, № 5.

Птичкин Н. Уверенным шагом. (О реализации, Комплексной программы в 1971—1975 гг.) Внеш. торговля, 1972, № 5.

Рокитко А. І Об'єктивні передумови економічної інтеграції сільськогос-

подарського виробництва. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Рум'янцев А. П. Вплив соціалістичної економічної інтеграції на вдосконалення науково-технічного співробітництва. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Рыбаков О. Совершенствование плановых методов сотрудничества стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1972, № 6.

Рыбалкин В. Формирование международного рынка продукции машиностроения стран СЭВ. План. хоз-во, 1972, № 5.

Сабаев В. Ф. Социалистическая экономическая интеграция стран — членов СЭВ и некоторые проблемы подготовки кадров в области изобретательства и патентования. Вопр. изобретательства, М., 1972, № 5.

Савинов В. А. Критика буржуазных, реформистских и ревизионистских взглядов на ценообразование при социализме. В кн. Критика антинаучных теорий по курсу политической экономии. Саратов, 1972.

Семенова А., Караваев В. Научно-техническая кооперация. Экономика стр-ва 1972, № 5.

Семи́н Б. В. Развитие промышленности химических удобрений в Польской Народной Республике. Бюл. иностр. коммерц. информации, 1972, 13 апр., № 44.

Сергеев В. Экономическая интеграция стран СЭВ. Проблемы и тенденции развития. Экономика Сов. Украины, Киев, 1972.

Сиротин В. П. Место закона преимущественного роста производства средств производства в оптимизации народнохозяйственных комплексов социалистических стран. В кн. Некоторые социально-политические проблемы строительства коммунизма. Ярославль, 1972.

Смолянова В. Б. Вдосконалення структури народного господарства країн РЕВ в умовах міжнародної соціалістичної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Сорокин Н. И., Литвиненко А. Г., Ложкин В. М. О сотрудничестве с Польской Народной Республикой в области нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. Экономика, организация и управление в нефтеперерабат. и нефтехим. пром-сти, 1972, № 4.

Сохань П. С. Народна Республіка Болгарія в Міжнародному соціалістичному поділі праці. В кн. З історії зарубіжних соціалістичних країн. Київ, 1971.

Тивончук І. О., Петрусенко О. Н. Вплив зовнішньої торгівлі на ефективність виробництва соціалістичних країн. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

Фарберова Э., Шютте Г. Структура заработной платы в странах — членах СЭВ. Соц. труд, 1972, № 4.

Хагара Ф. Лесное хозяйство Чехословацкой Социалистической Республики. Лесное хоз-во, 1972, № 5.

Червенияк М. Ю. Научно-техническая революция и принципы демократического централизма в управлении социалистическим производством. Научн. управление обществом, 1972, вып. 6.

Чехословацкая Социалистическая Республика (Сообщение Федерального статистического управления ЧССР о выполнении плана в 1971 г.). Бюл. экон. информации СЭВ, 1972, № 2.

Шашаев Г. Внешнеторговое це-нообразование и экономическое сотрудничество. Вопр. экономики, 1972, № 5.

Ширяев Н. Кооперирование стран СЭВ в автомобилестроении. Междунар. жизнь, 1972, № 6.

Шпекторов А. И. Из практики внешнеторговой арбитражной комиссии о применении § 28, 29 «Общих условий поставок СЭВ 1958 года». Сб. информ. материалов Секции права Всесоюз. торг. палаты, 1972, вып. 24.

Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информации СЭВ, М., 1972, № 1.

Янгельский М. Комплексная программа в действии (об участии ПНР в социалистической интеграции) «Советы депутатов трудящихся», 1972, № 5.

Яковенко В. А. Міжнародний поділ праці — найважливіший фактор соціалістичної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1972, вип. 82.

4. Партийная жизнь

Байчинский К. Георгий Димитров — строитель марксистско-ленинской партии в Болгарии. Вопр. истории КПСС, 1972, № 6.

Георгий Димитров о борьбе коммунистических партий за массы. Вопр. истории КПСС, 1972, № 6.

Драгойчева Ц. Великий патриот, великий интернационалист. Полит. самообразование, 1972, № 6.

Иванов К. С. Социальный облик партийного работника. Проблемы науч. коммунизма, 1972, вып. 6.

Карарусинов Р. Партийное руководство идеологическим процессом в социалистическом обществе. Науч. управление обществом, 1972, вып. 6.

Лопатинский И. По пути дальнейшего укрепления и развития ПОРП. Парт. жизнь, 1972, № 9.

Степанов Г. Ю. Иосиф Броз Тито (К 80-летию со дня рождения). Вопр. истории КПСС, 1972, № 5.

5. Государственное строительство и право

Августинов Л. В духе пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма. Коммунист. Вооруж. Сил, 1972, № 10.

Важнейшие нормативные акты социалистических стран по вопросам международных отношений, опубликованные в 1968—1969 гг. В кн. Советский ежегодник международного права. 1970. М., 1972.

Завадский С. Из опыта Сейма Польской Народной Республики. Сов. государство и право, 1972, № 5.

Каменецки Е. Критика Лениным анархо-синдикалистской концепции управления социалистическим обществом. Науч. управление обществом, 1972, вып. 6.

Кучинский Я. В. И. Ленин и национальный вопрос. В кн. Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972.

Библиографический обзор статей и книг, вышедших в НРБ, ВНР, ГДР, ПНР СРР, ЧССР и СФРЮ. Литература социалистических стран по международному праву 1969 г. В кн. Советский ежегодник международного права. 1970 г. М., 1972.

Махненко А. Х. Законодательная процедура в социалистических странах. Сов. государство и право, 1972, № 6.

Помайзл К. Проблема национальных отношений и марксизм-ленинизм. В кн. Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972.

Потаркина Л. Органы народного контроля ЧССР. Рад. право, Київ, 1972, № 6.

Пребывание в Советском Союзе делегации Федерального собрания Чехословацкой Социалистической Республики. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1972, 3 мая, № 18.

Сливовский Е., Хансен Э. Пепитенциарный надзор в Польской Народной Республике. В кн. Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии, сб. 3—4. Душанбе, 1971.

Страшун Б. А. Статус депутата в зарубежных социалистических странах Европы. Сов. государство и право, 1972, № 5.

Харатьян Ф. А. Государственное устройство Чехословацкой Социалистической Республики. Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки, 1972, № 1.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Адрюлис В. К вопросу о действии в Литве конституций, принятых Польско-литовским сеймом. Уч. зап. высш. учебн. заведений Лит. ССР. Право, Вильнюс, 1972, т. 10.

Баранускас В. Отражение процесса закрепощения крестьянства во II Литовском статуте. Науч. тр. высш. учебн. заведений Лит. ССР. История, Вильнюс, 1972, т. 12, вып. 1.

Бейлис А. С. Болгарская марксистская историография о проблеме первоначального накопления в Болгарии. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Бейлис А. С. Из истории раннего проникновения США на Балканы. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Білак С. М. Антинародна діяльність уряду так званої Карпатської України (1938—1939 рр.). Укр. іст. журн., Київ, 1972, № 5.

Боброва С. П. Об исследовательской методике С. А. Никитина (По материалам статьи «Пансий Хилендарский и современная ему южнославянская историография»). В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Гольберг М. Я. К истории полемики вокруг славянофильского послания «К сербам». В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Грибберг С. С. Об особенностях процесса первоначального накопления в Болгарии. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Грибберг С. Ш. Промышленная политика болгарского буржуазного государства в 1900—1912 гг. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Данилова Н. П. Церковная борьба в Боснии в 60—70-х годах XIX в. (По донесениям русского консула в Сараеве). В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Димитров Г. За единство демократических сил, против фашизма и войны. Новые документы Г. Димитрова. «Коммунист», 1972, № 8.

Г. Димитров о своей борьбе на Лейпцигском процессе. (Ответы на вопросы Исполкома МОПРа) Документы и материалы. Вопр. истории КПСС. 1972, № 6.

Дихан М. Д. Роль представительства БКП у Виконкома Комінтерну. (1925—1927 рр.) Укр. іст. журн. Київ, 1972, № 4.

Достян И. С. Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Евсеев И. Ф., Калениченко П. М. Соціалістичні перетворення в Народній Польщі. В кн. 3 історії зарубіжних соціалістичних країн. Київ, 1971.

Живков Т. Революционер, трибун, теоретик. К 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова. Под знаменем ленинизма, Киев, 1972, № 10.

Захаров В. В. О земельной ренте в Задарском дистрикте XIII—XIV вв. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Зуева Н. В. К вопросу о местном самоуправлении в программах болгарской буржуазии накануне освобождения. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Зюзюкина Т. Е. Работа ССДП в массах (1903—1912 гг.). В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Каждан А. П. Славяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Кайт Л. Революционер ленинской школы. Междунаур. жизнь, 1972, № 6. (Воспоминания о Г. Димитрове).

Киршевская А. Н. Некоторые особенности болгарской буржуазной сельскохозяйственной статистики. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Кнобеев В. Д. Об аграрной программе В. Левского. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Кнобеев В. Д. К вопросу формирования политической программы национально-освободительного движения в Болгарии во второй половине XVIII — начале XIX в. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Корольков И. В. Германско-болгарский клиринг в советской историографии. В кн. Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972.

Кузько В. А., Львунин Ю. А. Георгий Димитров и международное профсоюзное движение. Вопр. истории, 1972, № 6.

Козьменко И. В. Русская делегация в Европейской комиссии по Восточной Румелии (1878—1879 гг.). В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Козьменко И. В. А. Н. Церетелев (1848—1883 гг.). В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Кузьмин М. Н. Рост грамотности населения в процессе капиталистического развития чешских земель с конца XVIII в. до 70-х годов XIX в. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Лаптева Л. П. О национальном возрождении у лужицких сербов. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Лециловская И. И. Взгляды Досифея Обрадовича по национальному

вопросу. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Лециловская И. И. Некоторые черты хорватского национального движения в 1849 г. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Литаврин Г. Г. Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Лукашевич Е. На новом этапе социалистического развития. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 5.

Мамисhev М. Б. Первая балканская конференция. Уч. зап. Азерб. ун-та. Сер. ист. и филос. Баку, 1971, № 8.

Мартыненок А. К. Русско-болгарский торговый договор 1905 г. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Медведев И. П. Империя и суверенитет в средние века. (На примере истории Византии и некоторых сопредельных государств). В кн. Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

Мерперт Н. Я., Черных Е. Н. Болгаро-советская экспедиция. В кн. Археологические открытия... 1971 года. М., 1972.

Милованова Л. А. Компартия Чехословакии у истоков ленинской тактики единого фронта. Сб. науч. работ аспирантов Воронежского ун-та, 1972, вып. 6.

Москаленко А. Е. Кто такие «Лабораторы» в Далмации XIII—XIV вв. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Мыльников А. С. Эволюция социальной структуры чешского общества XVII—XVIII вв. К проблеме социально-экономических предпосылок просвещения в чешских землях. В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Наумов Е. Н. К вопросу о развитии товарно-денежных отношений в Сербии после ликвидации турецкой феодальной системы (1830—1858 гг.). В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

Наумов Е. П. Из истории феодальной земельной собственности в Сербии во второй половине XIV в. В кн. Славяне и Россия. М., 1972.

Начев В. В камере Моабита. К 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова. Лит. газ., 1972, 17 мая, № 20.

Николайшвили Н. Г. Национально-освободительная борьба польского народа и Грузия. (Эпизоды польско-грузинских прогрессивных связей в XIX в.). В кн. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторический преглед», 1972, № 2

№ 3

Ж. Натан Г. Димитров о социалистическом строительстве в Болгарии; Д. Шарланов. Г. Димитров о социалистической природе Отечественного фронта; Д. Мичев Г. Димитров и Германская коммунистическая партия после VII конгресса Коминтерна (1935—1939 гг.); В. Хаджиниколов. Борьба за спасение Г. Димитрова после Лейпцига и советская общественность.

№ 3

Т. Живков. Революционер, трибун, теоретик; В. Ат. Василев. Болгаро-чехословацкие отношения (1926—1931 гг.); Хр. Христов. О жизненном пути и подвиге Паисия Хилендарского.

«Kwartalnik Historyczny», 1972, № 2

Г. Цинс. Первые восприятия теории Коперника в Англии; М. Бискуп. Спор Морской комиссии Зыгмунта Августа с властями Княжеской Пруссии на рубеже 1570—1571 гг.; Г. Виснер. Литва и рокош (1606—1607); К. Дембиньская. Роль ведущих отраслей хозяйства в развитии экономики Великобритании; Ф. Рышка. Авторитарность и фашизм; Т. Лепковский. Об основных переменах в преподавании истории; Я. Борковский. Полемика относительно Польской крестьянской партии-Пяст; А. Склипец. «Daedalus» о новейших направлениях историографии.

«Przegląd Historyczny», 1972, № 2

Я. Тышкевич. Культурные и этнические перемены на балто-славянском рубеже в I—VII вв. н. э.; А. Богуцкий. Грады-замки и поселения мелкого рыцарства в Добжинской земле; С. Былина. Хилястические элементы в мировоззрении Яна Желивского; А. Бергман. Бронислав Тарашкевич. Биографический очерк; Ч. Гутры. Дополнения к библиографии польских подпольных изданий во время второй мировой войны.

«Ceskoslovenský časopis historický»,
1972, № 2

А. Долейши. Крестьянский вопрос и аграрная программа РСДРП в первой русской революции; В. Налевка. США и Аргентина во время второй мировой войны; А. Мика. Национальные отношения в Чешских землях до Тридцатилетней войны.

О. Гарна. Чехословацкая социалистическая партия в правительстве и парламенте (1918—1922 гг.); И. Шестаков. Хорватская и чешская политика 1865—1866 гг.; Г. Полрейхова. Современные течения в историографии США и общественная роль истории (I).

«Historický časopis», 1972, № 2

Я. Декан. Великая Моравия и проблематика древнеморавской народности; Р. Марсина. Исследование истории средневековых городов в Словакии; В. Зубец. Формирование словацкого аграрного движения в 1900—1918 гг.; Ф. Грбата. Путь испанской «фаланги» к власти.

«Slovanský přehled», 1972, № 3

И. Кочи. Карел Гавличек и чешская либеральная партия после разгона рейхсрата в Кромержиже; И. Доровский. К истории идеи балканской федерации; Л. Э. Гавлик. Хроники Дубровника и традиции о Святополке; В. Жачек. Дватруда об истории чехословацких отношений перед революцией 1848 г.

«Литературна мисъл», 1972, № 2

Л. Георгиев. Стихия анализатора. Взгляд на раннее творчество Димитра Димова; К. Быклова. Мир чувств прозаика. О некоторых особенностях идейно-художественного изображения у Андрея Гуляшки; Ц. Унджиева. Заметки о последнем стихотворении Ботева; П. Юхас. Прошлое и настоящее венгерской литературы; К. Генов. Исторические контакты и типологические параллели между болгарским и греческим романтизмом; К. Мечев. Личность писателя. К характеристике изобразительного стиля жития Ромила Видинского, написанного монахом Григорием; А. Свиленов. Несовершеннолетний гений. 80 лет со дня смерти Артура Рембо.

«Česká literatura», 1971, № 5/6

О. М. Малевич. Эволюция стиля ранней прозы Карела Чапека; Д. Климова. Художественная трансформация приемов фольклорного сказа в сказах Эрбена; В. Валек. К проблематике послевоенной чешской мемуарной литературы; Т. Тодоров. Поэтика.

«Slovenská literatura», 1972, № 2

П. Петрус. Компаративный и генетический аспекты в литературоведческом исследовании; В. Турчаны.

Проблематика рифмы в поэзии Андрея Сладковича; Я. Кубова. Характеристика поэтического словаря Сладковича; Я. Мишняник. Лирика словацкого барокко; Д. Окади. Взаимоотношения политики в области культуры и литературы; Л. Зиклай. Из сравнительных проблем гнездославологии.

«Български език», 1971, № 5

Л. Андрейчин. Язык Букваря Берона и некоторые нормы болгарского литературного языка; Р. Русинов. Некоторые наблюдения над языком рыбного букваря Петра Берона; С. Георгиев. Петр Берон и наша грамматическая мысль; С. О. Каравасилева. Изменения в говоре с. Вырбица, р-н Преслава, в текущем столетии; Д. Димов. Наблюдения над именами габровских детей, родившихся в 1969 и 1970 гг.; Л. Крумова. О некоторых оморформах собирательных существительных с учетом лексикографической практики; Й. Симеонов. Типология идеи возникновения глагольного процесса; Р. Русев. Об одном случае переосмысления в болгарском языке; Й. Мойсе. Топонимы болгарского происхождения в области Арджеш (СР Румыния); М. Д. Рачева. Ближневосточные заимствования в болгарском языке. К этимологии слова *бекяр* (и); М. С. Младенов. Тексты из с. Шишманово, р-н Самокова.

«Език и литература», 1972, № 3

В. Вапорджиев. О языке и стиле Георгия Димитрова; В. Велчев. Тырновская школа письменности и предренессансное движение на Балканах; А. Лазарова. Некоторые сложные предложения с временной связью в современном болгарском языке; А. Гаджиев. Литературно-художественные типы творчества; К. Попов. Местные имена в Разложском округе; И. Радев. Боян Пенев о литературных влияниях в эпоху Возрождения; Й. Еленски. О некоторых характерных синтаксических конструкциях в русском языке; В. Толев. Новый неизвестный экземпляр истории Цезаря Барония; Б. Ангелов. Неизвестные сочинения патриарха Евтимия; Ю. Хюркявен. Некоторые наблюдения над переводами романа «Под иггом» на финский язык.

«Język Polski», 1972, № 1

С. Урбанчик. С. Б. Липде. (К двухсотлетию со дня рождения); Я. Отрембский. О происхождении слова

olbrzym; В. Ташицкий. Еще раз о слове *uniwersytet*; К. Надурская. К характеристике театральной терминологии; Ю. Речек. Из проблематики древнепольской лексикографии. 7. *Brzost* не *brzosco*; М. Новак. Об одном типе обстоятельстве; Х. Скорчиляс-Ставская. Говор деревни Вежбе, р-н Велюня, в свете данных фонографических текстов.

№ 2

М. Карась. Древнепольское и диалектное *dosić*, 'достаточно' (с картой); Т. Риттель. Некоторые проблемы удвоения и места энклитики в польском языке; А. Грыбосёва. Может ли деепричастие быть предикативным определением?; Б. Кобылинская. Имена действующих лиц с суффиксом *-acz*; Е. Бартмшицкий, Ч. Косыл. О выражении *bystra woda w jeziorze* и названии реки *Bystrzyca*; М. Бжезина. Записи типа *ambicia, pensia, okazia* в Диаргуше Иероима Радзивилла 1747 г.; Т. и К. Гулвчевские. Этапы программирования грамматики с возможностью использования их для подготовки к обычным занятиям; М. Михасевичова. О прозвищах учителей в учебном жаргоне г. Жешув; Я. Монькувна. Диалектные тексты из сел Мышленицкого повета.

«Slovenska reč», 1972, № 1

Размышления о задачах словакистики после XIV съезда КПЧ; Я. Финдра. Стиль первых произведений Р. Яшика; М. Потакова. Авторский субъект в прозе Гронского; М. Марсинова. Из семантической и словообразовательной словацко-чешской проблематики (*Hlad — smäd, hlad — zizej* и их производные); Л. Двопч. Образование названий лиц женского рода в словацком литературном языке; А. Габовицкая. Приспособление для пошения оселка при косье его названия в словацких диалектах.

№ 2

Ф. Кочиш. Управление двойным и подчинительным союзом; Я. Оравец. Выражение условия предложными падежами; В. Ухлар. Происхождение названия *Geradza*; М. Урбанчок. Междометия или частицы? Р. Ондрус. Архаизмы и историзмы в современном словацком литературном языке; Й. Яцко. О дублетных формах род. п. мн. ч. некоторых местных названий мужского рода; Л. Двонч. О склонении некоторых типов чешских местных названий.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. ДИМИТРОВА

7—8 июня 1972 г. в Москве проходила двухдневная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова. Ее организаторами были Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академия общественных наук, Высшая партийная школа при ЦК КПСС и Секция общественных наук Президиума Академии наук СССР. В работе конференции приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, президент Академии наук СССР М. В. Келдыш, академики П. Н. Федосеев, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин и другие видные ученые, ветераны коммунистического движения, соратники Г. Димитрова, ответственные работники ЦК КПСС.

С болгарской стороны в работе конференции участвовали представители науки во главе с членом Политбюро ЦК БКП, почетным президентом Болгарской академии наук Тодором Павловым, а также посол Болгарии в СССР Стоян Гюров.

Конференцию открыл П. Н. Демичев. Коммунистическое движение, — сказал он, — воспитало и выдвинуло из своей среды много видных политических деятелей, впитавших идеи марксизма-ленинизма, выросших и закаленных в огне классовой революционной борьбы, в процессе строительства социализма. Среди славной плеяды руководителей ленинского типа возвышается мощная и яркая фигура Г. Димитрова — великого сына болгарского народа, воспитанника международного рабочего класса, мужественного борца за коммунистические идеалы. П. Н. Демичев охарактеризовал вклад Г. Димитрова в теорию и практику научного коммунизма, обосновавшего пути и формы применения общих закономерностей социалистического строительства к конкретно-историческим условиям Болгарии.

С докладом «Г. Димитров — революционер-ленинец, выдающийся деятель коммунистического движения» выступил директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев.

Тодор Павлов осветил деятельность Г. Димитрова как выдающегося теорети-

ка и практика международного рабочего движения, умело использовавшего диалектико-материалистическую методологию при анализе перерастания Народного фронта в Отечественный, диалектику национального и интернационального, соотношения общего, особенного и единичного при осуществлении революции и в социалистическом строительстве в Болгарии, взаимосвязи пролетарского содержания власти в Болгарии и ее народно-демократической формы.

Член-корреспондент АН СССР Т. М. Иовчук в докладе «Вопросы марксистско-ленинской теории в трудах Г. М. Димитрова и в документах Коминтерна после VII конгресса Коминтерна» охарактеризовал вклад Г. М. Димитрова в разработку важнейших теоретических вопросов марксизма-ленинизма периода борьбы с фашизмом.

Вопросы воздействия теоретических положений Г. Димитрова на развитие социалистической культуры были освещены в докладе чл.-корр. АН СССР, директора Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф. Маркова «Г. Димитров и проблемы социалистической культуры».

8 июня работали две секции. На первой секции в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выступили с докладами: д-р философ. наук А. И. Соболев «Разработка Г. Димитровым некоторых проблем тактики международного коммунистического движения»; проф. К. Байчинский «Г. Димитров — строитель марксистско-ленинской партии в Болгарии»; канд. ист. наук К. К. Шириня «Развитие Г. Димитровым политики народного фронта в 1935—1939 гг.»; д-р философ. наук В. Добрианов «Г. Димитров об этапах и закономерностях развития социалистического общества»; канд. ист. наук Ф. И. Фирсов «Борьба Г. Димитрова за идейное и организационное укрепление коммунистических партий»; д-р ист. наук В. Т. Фомин «Г. Димитров о классовой сущности фашизма»; канд. ист. наук А. Б. Резников «Г. Димитров и вопросы политики антиимпериалистического фронта»; канд. ист. наук

М. Т. Мещеряков «Г. Димитров и национально-революционная война испанского народа»; канд. ист. наук А. И. Григорьев «Г. Димитров и политика антиапонского антиимпериалистического фронта в Китае»; д-р ист. наук А. К. Панкеев «Г. Димитров и коммунистические партии Прибалтики»; Д. Э. Кунина «Г. Димитров и разработка политики антифашистского национального фронта».

На второй секции в Институте славяноведения и балканистики АН СССР с докладами выступили: д-р ист. наук Л. Б. Валев «Димитров и создание Отечественного фронта в Болгарии»; канд. ист. на-

ук М. А. Бирман «Г. Димитров — руководитель болгарских профсоюзов, организатор борьбы болгарского пролетариата (1904—1923 гг.)»; Ив. Луцов (Болгария) «Г. Димитров о творческом применении ленинского кооперативного плана в Народной Республике Болгарии»; канд. филол. наук И. М. Шептунов «Г. Димитров и проблемы строительства социалистической культуры в Болгарии»; проф. В. Хаджиниколов (Болгария) «Г. Димитров — знаменосец болгаро-советской дружбы».

Т. Маковецкая

НАУЧНАЯ СЕССИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

26—30 июня 1972 г. в Москве состоялась научная сессия Международной комиссии по истории славяноведения, организованная Советским комитетом славистов совместно с Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР.

Заседание Международной комиссии по истории славистики было запланировано как очередное в серии, начало которой было положено в 1960 г. в Вене. Второе заседание состоялось в Софии в 1968 г. Последующее третье и четвертое заседания состоялись в 1966 г. в Геттингене и в 1971 г. в Праге.

В работе сессии приняли участие видные ученые-слависты разных стран (СССР, Польша, Чехословакия, Болгария, ГДР, Венгрия, Югославия, Финляндия). Советские ученые были представлены сотрудниками научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Тарту.

Сессия была открыта вице-президентом Международного комитета славистов акад. М. П. Алексеевым, тепло приветствовавшим участников сессии. Со вступительным словом выступил председатель Международной комиссии по истории славистики, чл. корр. АН СССР, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф. Марков, который отметил научную актуальность проблематики сессии, коснулся важных вопросов методологии исследования в области истории славистики.

Выступившая затем проф. И. М. Белянская в докладе «Некоторые вопросы развития советского славяноведения» установила на проблемах развития славистики в СССР. Ею была предложена определенная система периодизации развития данной области науки. Доклад И. А. Калоевой «Состояние информации по славяноведению европейских социалистических стран» явился интересным обзором информационного и библиографического

материала, издаваемого в настоящее время по истории славяноведения в социалистических странах. В. А. Дьяков рассказал о работе, ведущейся в настоящее время над составлением первого в Советском Союзе био-библиографического словаря русских славистов, — многотомного труда, в который войдут сведения о наших ученых — славистах XVIII—XX вв. Доклады П. Новотного (ГДР) «О славистических исследованиях Института лужицкого народоведения» и В. Кипарского (Финляндия) «Об истории славистических исследований в Финляндии» носили обзорный характер. Речь шла о развитии и современном состоянии изучения некоторых проблем славяноведения в неславянских странах.

Помимо пленарных заседаний работа сессии проходила по секциям. 26 и 27 июля параллельно работали секции языкознания истории и культуры, где были заслушаны доклады и сообщения, касающиеся более узких профессиональных вопросов и частной проблематики. Особое внимание участников секции языкознания привлек доклад Н. И. Толстого «Опыты создания общеславянского литературного языка как попытка воплощения программы славянской взаимности».

В докладе были рассмотрены вопросы, связанные с возможностью создания искусственного общеславянского литературного языка.

Доклад И. Е. Можяевой был посвящен итогам и перспективам составления библиографий по славянской филологии в СССР. В докладе Е. И. Деминой освещался вопрос истории изучения в России и СССР некоторых памятников письменности, в частности, дамаскинов. Ряд докладов был посвящен анализу научной деятельности отдельных выдающихся славистов, внесших значительный вклад в историю международного славяноведения. К. Горалек (Чехословакия) в докла-

де «Ян Гебауэр и его теория грамматики» дал исчерпывающую характеристику и высокую оценку трудам Гебауэра и подчеркнул их особое значение в истории чешского языкознания. Доклад С. Урбаньчика (Польша) «Польское языкознание в 1900—1930» был посвящен деятельности крупнейших польских ученых, работавших в области сравнительного славянского языкознания, польского языка, диалектологии и лексикографии. Р. М. Цейтлин в докладе «Значение академической Филологии в истории славянской филологии» дала характеристику опубликованных и неопубликованных трудов Востокова, сохранивших значение для современной палеославистики. Была отмечена необходимость комментированного переиздания отдельных трудов этого ученого, имеющих особенное значение для истории русского сравнительно-исторического языкознания.

Лингвистическому наследию Волк-Левановича, связанного с послеоктябрьским периодом становления и развития белорусского языкознания, создания национальных кадров белорусских филологов, посвятил свой доклад В. В. Мартынов. Большой интерес и широкую научную полемику среди участников секции истории и культуры вызвал доклад А. С. Мыльникова «Петербургский центр славистики первой половины XIX века». Докладчик, привлекая новый обширный архивный материал, а также используя материалы прессы того времени, дал оценку деятельности некоторых ученых, а также показал роль Петербургской публичной библиотеки и Российской академии наук в развитии русской славистики.

Доклад профессора П. Динскова (Болгария) «Болгарские источники истории славистики» содержал обстоятельный обзор и подробную характеристику историко-архивных материалов по истории болгарского славяноведения. Доклад И. В. Чуркиной (СССР) и В. Магулы (ЧССР) «Архив М. Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрийской монархии в 40—60-х годах XIX в.», познакомил слушателей с неизвестными архивными материалами, дающими ценные сведения о взаимных научных контактах между русскими учены-

ми и учеными других славянских народов.

В докладе Голуба-Добрашиновича (Югославия) «Вук Караджич и его русские корреспонденты», был использован богатый архивный материал, свидетельствующий о прочных и глубоких научных связях и личных контактах сербского филолога с известными русскими славистами и о плодотворном их влиянии на творчество сербского ученого.

Доклад А. И. Рогова «Славяне в русских исторических сочинениях XVII века» явился интересным сообщением о зарождении научной славистики в России по материалам русских исторических сочинений XVII в. Особо был рассмотрен вопрос о критериях, которыми руководствовались русские книжники при зачислении того или иного народа к славянству. Доклад Я. Д. Исаевича был посвящен анализу украинской публицистики конца XVI — начала XVII в., в которой ярко прослеживается славистическая тематика.

В докладе Т. П. Рудой была сделана интересная попытка исследовать творчество известного украинского писателя Ивана Франко — как историка славянского фольклора. А. И. Воронков в докладе «Изучение истории южных и западных славян в МГУ» рассказал о деятельности университетских ученых по формированию кадров советских славистов.

Программа и задачи научной сессии Международной комиссии по истории славяноведения, по общему мнению иностранных гостей и советских специалистов, успешно выполнены. Можно полагать, что состоявшаяся сессия окажет положительное воздействие на развитие исследований, проводимых в ряде стран в области истории мировой славистики.

Было решено в ближайшее время начать подготовку проблемных сборников по истории славистики с участием видных ученых различных стран. Московское совещание Международной комиссии проходило в деловой и дружественной атмосфере, что позволяет предположить, что оно будет способствовать еще более тесному международному сотрудничеству ученых-славистов.

Н. Прокофьева

ЮБИЛЕЙ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО УЧЕНОГО

23 июня 1972 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная сессия, посвященная 70-летию со дня рождения видного чешского общественного деятеля, критика и литературоведа академика Чехословацкой академии наук Ладислава Штола.

Участники тепло приветствовали почетного гостя, прибывшего по приглашению Академии наук СССР из Праги. Вступительное слово о научной деятельности юбиляра произнес член-корреспондент АН СССР, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф.

Марков. Он высоко оценил заслуги Л. Штола как ученого и общественного деятеля, способствовавшего укреплению дружеских творческих связей между учеными Чехословакии и СССР.

С докладом «Общественная и литературная деятельность Ладислава Штола» выступил канд. филол. наук Л. С. Кишкин. Месту Л. Штола в развитии чешской марксистской эстетической мысли был посвящен доклад канд. филол. наук С. А. Шерлаимовой, которая охарактеризовала основные теоретические работы Штола, сыгравшие большую роль в развитии чехословацкой науки. Д-р филол.

наук С. В. Никольский выступил с теоретическим докладом «Ладислав Штол о проблемах романтизма». О дружбе и сотрудничестве Ладислава Штола с выдающимся деятелем-антифашистом Ю. Фучиком рассказал канд. филол. наук Ю. В. Богданов. Далее были заслушаны доклады кандидатов филол. наук А. П. Соловьевой «Проблемы классического наследия в работах Л. Штола» и Л. Н. Будаговой «Л. Штол и В. Незвал».

Юбиляр сердечно поблагодарил докладчиков и всех присутствующих.

О. М. Белозерова

В. К. АРСЕНЬЕВ О ЗНАЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЕМУ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

В 1872 г., 10 сентября (29 VIII) в г. Петербурге, в бедной семье служащего Николаевской железной дороги родился Владимир Клавдиевич Арсеньев — знаменитый исследователь Дальнего Востока. С 1899 по 1930 гг. В. К. Арсеньев навсегда связал свою яркую жизнь с неизученным тогда Дальним Востоком, особенно Уссурийским краем. Труды В. К. Арсеньева о Дальнем Востоке сделали его имя всемирно известным и имеют неопределимое значение не только для советской науки, но и для народного хозяйства нашей страны. В. К. Арсеньев широко популярен и как писатель. Его книги «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В дебрях Уссурийского края» хорошо известны широкому кругу читателей. На книгу «В дебрях Уссурийского края» была опубликована в «Известиях»¹ обстоятельная рецензия литературного критика-слависта Ф. Ф. Аристова, ставшего впоследствии первым биографом и большим другом В. К. Арсеньева². В. К. Арсеньев и Ф. Ф. Аристова объединяло глубокое духовное единство: общие принципы отношения к науке, к обществу, к человеку. Не случайно В. К. Арсеньев регулярно переписывался с Ф. Ф. Аристовым. Несмотря на огромную занятость, В. К. Арсеньев собственноручно

отвечал на письма людей, с которыми имел, как он сам отмечал, «какую-нибудь духовную связь или связь по специальности»³.

Изучение опубликованного и рукописного наследия В. К. Арсеньева убеждает нас в том, что в основе всей его многогранной деятельности лежала глубокая любовь к своей стране и понимание своего патриотического долга перед ней в бескорыстном, самоотверженном служении. Отсюда — его пристальное и плодотворное внимание к малоизученным областям и краям родной земли. Вооруженный передовыми для своего времени методами исследований, В. К. Арсеньев комплексно изучал проблемы истории, археологии, этнографии, лингвистики, геологии, географии, ботаники, зоологии. Его обширные знания и неиссякаемое трудолюбие в полной мере сказались в изучении им Дальнего Востока (наиболее отдаленного, труднодоступного края)⁴. Однако В. К. Арсеньев интересовался не только Дальним Востоком. С живым интересом следил он за достижениями ученых-славистов. В частности, он интересовался исследованиями, относившимися к чрезвычайно далекому от него региону, а именно — Карпатам. Он считал столь же важной для русской науки задачей изучение культурных дебрей Карпат, как и дебрей Уссурийского Края, отмечая, что много «интересного и поучительного для каждого русского человека» заключает в себе история культуры этого региона, «которая до исследований Ф. Ф. Аристова, к сожалению, в России не была известна не только

¹ Ф. Ф. Аристов. В. К. Арсеньев. «В дебрях Уссурийского края». «Известия», 1926, 20 сентября.

² Ф. Ф. Аристов — профессор Московского университета, славист и востоковед, получил в свое время от В. К. Арсеньева «Воспоминания», на основании которых написал монографию «Жизнь и деятельность» В. К. Арсеньева. Данное сообщение написано по материалам семейного архива Ф. Ф. Аристова: «Воспоминаний» В. К. Арсеньева и рукописи-монографии Ф. Ф. Аристова об Арсеньеве.

³ Гос. Лит. музей им. Луначарского. Письмо В. К. Арсеньева к Н. Е. Михайлову от 9 июля 1928 г.

⁴ Там же. Письмо В. К. Арсеньева к Е. Н. Михайлову (без даты).

читающему обществу, но и ученым кругам»⁵.

В кратком сообщении, к сожалению, нельзя охватить весь круг интересов В. К. Арсеньева по многим проблемам славяповедения его времени. Он радовался каждому последнему слову науки, в том числе и славистической, разрабатывавшей историко-культурную проблематику применительно к упомянутому нами региону. Внимание В. К. Арсеньева привлекали, в частности, «Избранные сочинения» крупнейшего деятеля национального возрождения Галичины конца XIX — начала XX вв. писателя А. А. Полян-

ского⁶. Познакомившись с его творчеством, В. К. Арсеньев еще более утвердился в своем мнении относительно того, что малоизученная история культуры этого края представляет огромный интерес.

Благожелательно отзываясь о славистических трудах Ф. Ф. Аристова, В. К. Арсеньев подчеркнул ценность и значение его исследований в области словацкой культуры, в частности литературы⁷.

Прошло около полвека после кончины В. К. Арсеньева. За этот период советское славяноведение сделало гигантские успехи. Появилось немало трудов по вопросам, интересовавшим Арсеньева. Советское славяноведение, которое тогда только зарождалось, имело в лице В. К. Арсеньева, страстного сторонника изучения славянских народов.

Т. Ф. Аристова

⁵ Имеются в виду труды: Ф. Ф. А р и с т о в. Карпато-русские писатели (исследование по неизданным источникам) в трех томах, т. I, М., 1916; 30-томное издание научно-критической «Библиотеки карпато-русских писателей» под редакцией Ф. Ф. Аристова. (Из этой серии Ф. Ф. Аристову удалось издать: А. В. Д у х н о в и ч. Полное собрание соч., М., 1915; О. А. М о н ч а л о в с к и й. Положение и пущды Галицкой Руси. М., 1915; А. А. П о л я н с к и й. «Избранные сочинения». М., 1915 и др.).

⁶ А. А. П о л я н с к и й. Избр. соч., М., 1915.

⁷ См. Т. Ф. А р и с т о в а, Ю. Б. Б о г д а н о в. О рукописи Ф. Ф. Аристова «Словацкая литература», М., 1928. В сб. «Príspevky k medzislovanškým vzťahom v československých dejinách. Slovancké studie III». Bratislava, 1960, s. 255—267.

МИЛКО КОС

24 марта 1972 г. скончался видный югославский историк, главный секретарь Словенской академии наук и искусств, профессор Милко Кос.

Милко Кос родился 12 декабря 1892 г. в Горнице, в семье Франца Коса, одного из первых словенских историков критического направления, пачавшего систематическую публикацию источников по словенскому средневековью. М. Кос получил образование в крупнейших европейских центрах по изучению средневековья: «Институт фюр эстеррейхше гешихтсфоршунг» в Вене и «Эколь де шарт» в Париже. Круг его научных интересов охватывал период словенской истории от прихода словенцев на Балканы до реформации. Продолжая дело своего отца, М. Кос издал многие словенские документы, относящиеся к этому времени. В центре его исследовательской деятельности стоял сложный вопрос о средневековой словенской колонизации. С ним тесно связано исследование Косом топографических названий словенских земель в средние века. Большое внимание в его работах уделено аграрным отношениям и словенской культуре в средневековье, развитию словенской историографии. Итогом многолетних исследований М. Коса явилась

его крупная обобщающая работа «История словенцев от переселения до XV в.» (первое издание — 1933 г., второе — 1955 г.).

М. Кос много сделал для изучения средневековья не только словенских земель, но и всех югославских земель в целом. Он исследовал привилегии Дубровника, сербские и боснийские грамоты, влияние западных стран и Византии на сербскую дипломатику и пр.

Заслуги М. Коса в области средневековья были отмечены научной общественностью Югославии. Он стал одним из первых действительных членов созданной в 1938 г. Словенской академии наук и искусств, членом-корреспондентом Югославянской академии наук и искусств в Загребе, Сербской академии наук и искусств. Деятельность М. Коса получила признание и за пределами Югославии. Он был избран членом-корреспондентом Польской академии наук в Кракове, Королевского чешского научного общества и Славянского института в Праге, Института австрийской истории в Вене.

Смерть М. Коса является большой утратой для славянской средневековья.

И. В. Чуркина

УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ В 1972 г.

Статьи

А т а н а с о в П. Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии (к вопросу о болгарско-украинских культурных связях)	№ 6
А р т а м о н о в В. А. Русско-польский союз в кампании 1708—1709 годов	№ 4
Б е л я к о в а Г. С. Раннее творчество Болеслава Пруса	№ 2
Б о г д а н о в М. Некоторые вопросы развития культуры в Югославии 1945—1950 годов	№ 4
Б р и т а н и ш с к и й В. Польские романтики о польском барокко	№ 1
Б у ш у е в а Т. С. «Русские» роты и батальоны в Народно-освободительной армии Югославии	№ 3
В а с и л ь е в а В. Ф. Существительные pluralia tantum и характер их значенной множественности в современном чешском языке	№ 5
Г и б и а н с к и й Л. Я. Проблемы исследования революции и становления народной власти в Югославии	№ 6
Г р и ш и н а Р. П. Некоторые вопросы становления военно-фашистской власти в Болгарии (июнь — ноябрь 1923 г.)	№ 1
Д у л и ч е н к о А. Д. Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии	№ 3
Д ь л я к о в В. А. Эдвард Дембовский: Новые материалы о революционной деятельности	№ 6
З а й ц е в В. К. «Князь» Макнавелли и «Осман» Гундуллича	№ 3
З е л е н и н В. В. Советский Союз и освободительная борьба зарубежных славянских народов в годы второй мировой войны	№ 5
И о ф ф е Э. Г. Исследование В. И. Пичетой аграрной реформы 1557 года	№ 3
К 50-летию образования Союза ССР	№ 6
К о л е с о в В. В. Рефлексы третьего носового гласного в средневековой славянской письменности	№ 6
К о н е в И. К проблеме русско-балканских литературных отношений	№ 4
К о п ы с с к и й З. Ю. Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV — первая половина XVII в.)	№ 5
К о р о л ь к В. Д. К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет»	№ 1
К о р о л ь к В. Д. Академик Б. Д. Греков и советские историко-славянские исследования	№ 5
К о с т ь о ш к о И. И. Советско-польский договор от 8 апреля 1965 года	№ 2
Л и п а т о в А. Периодизация литературы польского Просвещения	№ 6
М а е в с к и С. Развитие польско-советского экономического сотрудничества	№ 3
М а р к о в Д. Ф. 25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР	№ 1
М а р ь и н а В. К вопросу о политике пролетарских партий по отношению к среднему крестьянству в Октябрьской революции и народно-демократических революциях 40-х годов	№ 6
М и л л е р И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения	№ 4
М и х а и л о в М. А. Денреревербация и семантика приставки	№ 2
М о л о ш н а я Т. Н. Двухкомпонентные субстантивные образования апозитивного типа в русском, болгарском, польском и чешском языках	№ 4
М о с к а л е н к о А. Е. Н. П. Грацианский как историк-славист	№ 1
М о ч а л о в а В. «Похождения Мацека» Януариуса Совизранпуса как произведение совизральской литературы	№ 4
Н а р с к и й И. С. Философия Дембовского — вершина в развитии польской домарксистской общественной мысли	№ 5

Невская Л. Г. О лексическом и семантическом взаимодействии литовского и славянских языков.	№ 1
Недорезов А. И. Клемент Готвальд и утверждение ленинских принципов в деятельности КПЧ.	№ 2
Ольшанский П. Н. Советско-польские отношения в 1921—1924 гг.	№ 1
Островский Г. О творческих связях художников Закарпатья с изобразительным искусством чешского и словацкого народов	№ 2
Парсаданова В. С. Помощь Советского Союза в развитии партизанского движения в Польше.	№ 2
Пономарева Н. Н. Драматургия Димитра Димова	№ 2
Рыжова М. И. Мотивы поэзии А. В. Кольцова в творчестве Йосипа Мурна	№ 5
Сантен Я. О фонетической и фонологической природе ударения в сербскохорватском языке	№ 4
Свирида И. И. Раннее творчество Валентия Ваньковича	№ 2
Славин Г. М. Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941 г.)	№ 4
Терехов В. XXIV съезд КПСС и развитие социалистического содружества Тесемников В. А. Из истории Союза Коммунистической Молодежи Югославии в межвоенный период.	№ 4
Титова Л. Из истории театральной жизни в эпоху Петра I	№ 1
Флорья Б. Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны	№ 5
	№ 2

Публикации

Кузько В. А., Львунин Ю. А. Г. М. Димитров о В. И. Ленине	№ 3
---	-----

Люди, события, факты

Дьяков В. А. Автографы Т. Г. Шевченко в краковской Библиотеке Чарторьских.	№ 3
Иванович И. Отклики на смерть Льва Толстого в Боснии и Герцеговине	№ 3
Покровская Г. Д. Станиславский в Югославии	№ 1
Фонкич Б. Л. О судьбе кнезских глаголических листков	№ 2

Памятники славянской культуры

Кучкин В. А. Древнейшая болгарская рукопись из собраний города Горького.	№ 5
Рогов А. И. Польские описания Москвы XVII века	№ 2

Критика и библиография

Аксамитов А. С., Мартынов В. В. R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic Languages.	№ 2
Арш Г. Л. И. С. Достян. Россия и балканский вопрос. Из истории политических связей в первой трети XIX в.	№ 6
Бегунов Ю. К. Новая книга о болгарском богомилстве и его международном значении.	№ 1
Беляков Г. Киноведческое исследование польского ученого	№ 5
Библиография (составители: Калоева И. А., Козловская И. И., Кошкина Е. А., Ларичева Н. М., Огнева А. Я., Павленко Г. И., Смирнова Р. Н.)	№1—6
Бондарко А. В. Е. В. Чешко. История болгарского склонения	№ 1
Булатова Р. В. Й. Матешич. Ударение в сербохорватском литературном языке.	№ 6
Бунина И. К. В Станков. Българските глаголни времена	№ 2
Валев Л. Б., Песчаный Д. Г. Воспоминания о Георгии Димитрове	№ 5
Галактионов И. В. Освещение внешней политики России и Польши середины XVII в. в новой книге Б. Ф. Поршнев	№ 5
Гибянский Л. Я. Книга о фашистском оккупационно-квислинговском режиме в Югославии и его крахе	№ 5
Горский И. К. Значительное достижение	№ 3
Грачев В. П. «Вопросы истории славян»	№ 3
Гришина Р. Летопись дружбы.	№ 4
Гумецкая Л. Л. Чешские студенты в школах Западной Европы	№ 5
Зуева Н., Шатохина Е. Николай Жечев. Браила и болгарского культурно-национально возрождение	№ 3
Каждан А. С. Н. Лишев. Българският средновековен град. Обществено-икономически облик.	№ 3
Кобецкая Г. Некоторые вопросы стиховедения в освещении польских ученых.	№ 4

К о н о б е е в В. Д. Кр. Шарова. Любен Каравелов и българското освободително движение (1860—1867)	№ 3
К о п а ш е в а М. И. Об изучении истории революционного молодежного движения в Чехословакии.	№ 1
К о п ы л е н к о М. М. R. Zett. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen.	№ 4
К о р о л ь о в В. Д. Ст. С. Шиклев. Екслибрис в България	№ 2
К о с т ы ш к о И. П. М. Калениченко. Великий Жовтень і революційний рух у Польщі (листопад 1917 — жовтень 1919)	№ 3
К о с т ы ш к о И. Капитальный труд о политике фашистской Германии в оккупированной Польше.	№ 4
К о с т ы ш к о И. Исследование большого научного значения	№ 6
Л. К. Сборник статей чешского литературоведа	№ 4
Л. К. Изучение международных связей словацкой литературы	№ 6
Л и п а т о в А. Книга о стиле Красицкого	№ 5
М и л л е р И. Juliusz Bardach. Waclaw Aleksander Maciejowski i jego współczesni	№ 2
М ы л ь н и к о в А. С. Книга о рукописях Братиславского университета	№ 3
М ы л ь н и к о в А. С. Новая книга о Шафарике	№ 6
Н е м и р о в с к и й Е. А. Новые каталоги старославянских книг кирилловской печати.	№ 6
О р е х о в А. М. Z. Lukawski. Polacy w rosyjskim ruchu socjaldemokratycznym w latach 1883—1893	№ 1
П е т е р с И. А. А. Ф. Кизченко. Напередодні трагедії. З історії зовнішньої політики Чехословаччини, травень 1935 р.— березень 1938 р.	№ 5
П о п И., У с а ч е в а В. Научные публикации по украинистике в Чехословакии.	№ 4
П о п к о в Б. С. М. Н. Serejski. Europa a rozwiory Polski. Studium historiograficzne	№ 6
П о п л ы р к о Д. Ф. В. Н. Коцдратьева. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.)	№ 2
Р и т ч и к Ю. И. Первый том «Истории чешского театра»	№ 5
С к ш и п е к А. Польско-советские отношения в историографии народной Польши.	№ 4
С м и р н о в Ю. Песни болгарских антифашистов	№ 2
С м и р н о в а О. С. История польской литературы	№ 6
С о ф р о н о в а Л. Культура и быт Варшавы XVIII века	№ 3
С т е ц к е в и ч С. М. Polska klasa robotnicza. Studia historyczne	№ 6
С т р е к а л о в а З. В. Dunaj. Iteratywa typu bierać, pisywać w języku polskim	№ 5
Т р о ф и м о в и ч К. К. О серболужицком правописании	№ 3
Х о н и г с м а н Я. Uprzemysłowanie ziem polskich w XIX i XX wieku	№ 3
Х о р е в В. Bolesław Faron. Zbigniew Uniłowski	№ 3
Ц о н ч е в а М. Книга о болгарском искусстве	№ 4
Ч е р н я в с к и й Г. И. Книга о борьбе текстильщиков в Болгарии	№ 3
Ч у р к и н а И. М. Britovšek. Anton Fuster in revolucija 1848 w Avstriji	№ 3
Ш п а д а р у к И. С. А. Малевич. Вопросы исторического материализма в трудах Людвиг Кшвицкого	№ 1
Ш т а к е л ь б е р г Ю. И. Franciszka Ramotowska. Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860—1862	№ 5

Научная жизнь

А к с е н о в а Е. П. 25 лет Института славяноведения и балканистики АН СССР.	№ 3
А п а т о л ь е в А., У л у н я н А., М о р о з о в а О., Н и к о л а е в Б., Ф л о р р я Б. Защита диссертаций.	№ 1
А н и к е е в А. С. Восточная политика германского империализма	№ 3
А р и с т о в а Т. Ф. В. К. Арсеньев о значении современных ему исследований по славяноведению.	№ 6
Б е г у н о в Ю. К. Международный симпозиум в Велико-Тырново	№ 6
Б е л о з е р о в а О. М. Юбилей выдающегося чехословацкого ученого	№ 6
Б е р ш а д с к а я М. Л., Б у н и н а И. К., П о т а п о в а И., С м и р н о в а Р., З е л е н и ч В. В., Ю р ь е в Р. Защита диссертаций	№ 2
В. Р. На кафедре истории южных и западных славян МГУ	№ 5
В е н е д и к т о в Г., Р и т ч и к Ю. Защита диссертаций	№ 4
Г р е к о в И. Б. О встрече польских и советских историков	№ 3
Г р у з м а н З. М. VIII украинская славистическая конференция	№ 5
Л и п а т о в А. Советско-польский симпозиум «Романтизм в польской литературе и ее связи с восточнославянскими литературами»	№ 5

Макова Е. О защите дипломных работ на кафедре истории южных и западных славян	№ 1
Маковецкая Т. Научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения Г. Димитрова	№ 6
Мичев Д. О направлениях работы Центра болгаристики при Болгарской академии наук.	№ 5
Морозова О. П. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 5
Прокорьева Н. Научная сессия Международной комиссии по истории славяноведения	№ 6
Проничев В. П. Защита докторской диссертации по синтаксису сложного предложения.	№ 5
Ритчик Ю. И. Научная конференция по сравнительному изучению славянских литератур	№ 1
Северная О. А. Советско-болгарский симпозиум по проблемам социалистической культуры.	№ 5
Хрустинский К. Полонистика в Гданьске	№ 2
Чешко Е. В. Межвузовский научно-методический семинар преподавателей славянских языков и литератур	№ 4
Чистозвонов А. Н. Симпозиум по проблеме классовой борьбы в период позднего средневековья в Европе	№ 5
Ю. Г. К 75-летию со дня рождения Д. Л. Похилевича	№ 5

Некрологи

Зеленин В. В., Карасев В. Г. Академик Фердо Чулинович	№ 2
Ольшанский П. Н., Орехов А. М. Леон Баумгартен	№ 4
Смирнов Ю. Петр Григорьевич Богатырев	№ 1
Хренов И. А. Павел Иванович Резохов	№ 1
Чуркина И. В. Милко Кос.	№ 6

CONTENTS

- On the 50-th Anniversary of the formation of the USSR. *V. Marjina*. On the politic of the proletarian parties towards the middle peasantry in the Revolution of October and the revolutions of the Peoples Democracy in the 40-ies. *L. Ja. Gibianskij*. The problems of the investigation of the revolution and the formation of Peoples Power in Yugoslavia. *V. A. Djakov*. Edward Dembowski. New materials about his revolutionary activity. *A. Lipatov*. The division into periods of the literature of the Polish Enlightenment. *Petr Atanasov* (Bulgaria). The Ukrainian Cirillic books of old print of the XVI—XVII-th century in Bulgaria (On the problem of the Bulgarian-Ukrainian cultural relations). *V. V. Kolesov*. The reflections of the third nasal vocal in the medieval Slav literature 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- I. Kostjuško*. A scientific work of big significance. *S. M. Steckievich*. Polska klasa robotnicza. *Studia historyczne*. *G. L. Arš*. I. S. Dostyan. Russia and the Balkan problem. To the history of the political relations at the first half of 19-th century. *B. S. Popkov*. M. H. Serejski. Europa a rozbiory Polski. *Studium historiograficzne*. *O. S. Smirnova*. «The history of the Polish literature». *L. K. The studies of the international relations of the Slovakian literature*. *A. S. Mylnikov*. A new book about *Safarik*. *E. L. Nemirovsky*. The new catalogues of the Old Slavonic Cirillic books. *R. W. Bulatova*. *J. Matešic*. Der Wortakzent in der serbokroatischen Schriftsprache 93

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1972. (continued). The contents of foreign periodicals 112

SCIENTIFIC LIFE

- T. Makoweckaya*. Scientific Session devoted to the 90-th anniversary from the G. Dimitrov's birthday. *N. Prokofjeva*. Scientific Session of the International Commission on the history of slavistics. *O. M. Belozerova*. The jubily of an eminent Czecho-Slovakian scientist. *T. F. Aristova*. *V. K. Arseniev* about the significance of the Slavonic studies of his time. 119
- I. W. Churkina*. Milko Kos 123
- Index of articles and materials published in the magazine in 1972 124

Технический редактор *Г. И. Процина*

Сдано в набор 11/VIII-1972 г. Т-16923 Подписано к печати 24/X- 1972 г. Тираж 1145 экз.
Зак. 1042 Формат бумаги 70×108/16 Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 12,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж-17
БОЛЬШАЯ ОРУЖЬЯ 34/38 КВ 40

И

ТОЛСТОЙ

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

*В магазинах «Академкнига»
имеются в продаже книги:*

И. Бэлза. История чешской музыкальной культуры. В трех томах.
Т. I. 1959. 331 стр. 60 к.

«История чешской музыкальной культуры» задумана автором как составная часть «Истории музыкальной культуры западнославянских народов», то есть польского, чешского и словацкого народов, связанных исторической общностью не только друг с другом, но и с восточными и южными славянами.

В «Истории чешской музыкальной культуры» автор использовал курсы лекций, читавшихся им на протяжении двадцати лет в Киевской и Московской государственных консерваториях, а также главные положения тех лекций об основных проблемах музыкальной славистики, которые были им прочитаны в Варшавском и Хельсинском университетах. Автором было написано много работ о чешских композиторах (Дворжаке, Новаке), где автор, так же как и в работах о польской и русской музыке, стремился раскрыть богатство и своеобразие культуры славянских народов.

Сборник представляет несомненный интерес для исследователей, искусствоведов, музыковедов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.